Іеромонахъ Іоаннъ.

ОБРЯДНИКЪ ВИЗАНТІЙСКАГО ДВОРА

(De cerimoniis aulae Byzantinae),

КАКЪ

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

МОСКВА.
Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, соб. д.
1895.

ЕКА
ковной

ІЕРОМОНАХЪ ІОАННЪ.

ОБРЯДНИКЪ ВИЗАНТІЙСКАГО ДВОРА

(De cerimoniis aulae Byzantinae),

КАКЪ

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1895

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 18 ноября 1894 г.
Цензоръ Архимандритъ *Василій*.

ОТЪ АВТОРА.

Издавая свой трудъ, считаю долгомъ напередъ сказать своимъ немногочисленнымъ читателямъ, что онъ далекъ отъ того, чѣмъ я мечталъ его видѣть. Я хорошо знаю слабыя стороны моей работы и весьма желалъ бы устранить ихъ, но не имѣю возможности. Мнѣ приходится служить въ такой мѣстности, гдѣ невозможно достать для научныхъ занятій самыхъ необходимыхъ пособій, и при такихъ условіяхъ, что для научнаго труда не остается вовсе свободнаго времени. Два съ половиною года убѣдили меня, что я долженъ или совсѣмъ отказаться отъ мысли о напечатаніи своего труда, или издать его такимъ, какимъ онъ издается теперь. Я избралъ послѣднее по двумъ соображеніямъ: во-1-хъ, и въ настоящемъ видѣ мое сочиненіе, можетъ быть, окажется не лишеннымъ интереса, такъ какъ въ литургической литературѣ, насколько я знаю ее, подобныхъ работъ не имѣется; во 2-хъ, моя работа можетъ оказаться полезной, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для будущихъ изслѣдователей въ этой области.

При чтеніи первой и третьей, а отчасти и двухъ остальныхъ, главъ весьма желательно было бы имѣть

предъ собою планы церквей и монастырей Византіи, св. Софіи и Большого Дворца византійскихъ царей съ его окрестностями; но мое намѣреніе снабдить ими издаваемую книгу за неимѣніемъ для этого средствъ осталось неосуществленнымъ.

Іеромонахъ Іоаннъ.

Селеніе Ардонъ Терской области.
Александровское Осетинское духовное училище.
1894 года, декабря 22-го дня.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія нѣкто Конрадъ Уффенбахъ, членъ городского сената въ Франкфуртѣ на Майнѣ, сообщилъ извѣстному Альберту Фабрицію свѣдѣнія объ имѣвшемся въ его библіотекѣ пергаменномъ кодексѣ, заключавшемъ въ себѣ одинъ изъ памятниковъ византійской письменности. Это было первое извѣстіе о приписываемомъ императору Константину Багрянородному сочиненіи «О церемоніяхъ византійскаго двора». Со времени этого извѣстія протекло еще около пятидесяти лѣтъ, прежде чѣмъ упомянутое сочиненіе появилось въ печати. Оно было издано замѣчательнѣйшимъ филологомъ средины прошлаго вѣка Яковомъ Рейске (1716—1774 гг.) въ 1751—1754 годахъ ([1]). Вотъ какъ отозвался этотъ первый издатель и комментаторъ нашего сочиненія о его значеніи. «Едва ли когда появлялось сочиненіе,

([1]) Васильевскій. „Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи". Жур. М. Народн. Просв. 1888. Часть 259. Стр. 163—167. 173. Здѣсь можно читать подробную исторію открытія и изданія памятника.

столь много дающее для познанія византійской исторіи. Можно утверждать, что нѣтъ такой стороны государственнаго или церковнаго быта, которой бы сочиненіе не касалось. Если кто занимается церковною исторіей, то отсюда онъ можетъ узнать, каково было состояніе греческой церкви въ десятомъ вѣкѣ, какой существовалъ способъ избранія патріарховъ, какія формы соблюдались въ сношеніяхъ патріарховъ съ царями, каковы были части и устройство храмовъ, какіе церковные обряды, кто ихъ совершители, какъ торжествовались праздники, и какія когда совершались процессіи и т. д. Избраніе императоровъ, брачныя торжества, обряды при крещеніи, при возведеніи въ тотъ или другой санъ, — все это здѣсь обстоятельно описано» ([2]).

Что же это за сочиненіе, имѣющее такой интересъ для церковнаго историка? Въ печати оно извѣстно подъ именемъ сочиненія «De cerimoniis aulae Byzantinae», а рукописный кодексъ носитъ названіе «De regalibus institutionibus». Оно распадается на двѣ неравныя части: первую, болѣе обширную, и вторую, менѣе обширную. Первая часть послѣ очень небольшого предисловія о важности и необходимости предлагаемой книги заключаетъ въ себѣ 97 главъ. Содержаніе этихъ главъ слѣдующее. Первыя 37 главъ говорятъ объ обрядахъ, соблюдавшихся въ тѣ или другіе церковные праздники, какъ и 74, 78—79 главы. Главы 38—42, 60 и 82 описываютъ обряды, соблюдавшіеся при извѣстныхъ событіяхъ въ семейной и общественной жизни царскаго дома, напр. при бракѣ или вѣнчаніи на царство императоровъ. Главы 43—59, 84—85 и 97 занимаются описаніемъ возведенія въ гражданскія и отчасти церковныя должности и чины. 91—96 главы составляютъ особую группу, отличающуюся историческимъ характеромъ; въ нихъ заключается разсказъ о воцареніи

([2]) De cerim. aulae Byzant. Praefation. p. XIV—XV.

императоровъ: Льва I (457—474 г.), Анастасія (491—518 г.), Іустина I (518—527 г.), Льва младшаго или II (474), Юстиніана I (527—565 г.) и Никифора Фоки (963—969 г.). Остальныя главы первой части занимаются описаніемъ различныхъ гражданскихъ торжествъ, каковы, напримѣръ, пріемъ пословъ игры на ипподромѣ и т. п. Въ концѣ первой части въ печатныхъ изданіяхъ «Обрядника» помѣщается особое прибавленіе, состоящее изъ двухъ отдѣльныхъ статей съ отдѣльными заглавіями и посвященное военному дѣлу. Въ рукописи эти статьи помѣщены предъ первой частью книги.—Вторая часть состоитъ изъ 57 главъ и очень коротенькаго предисловія. Главы 6—14, 19—23, 28, 30 и 38—40 заняты церковными торжествами, 3—5, 24—25 и 27—обрядами возведенія въ должности, а остальныя, исключая 42 и 52—57, описываютъ различныя церемоніи, наблюдавшіяся въ гражданскихъ и отчасти военныхъ торжествахъ, а главнымъ образомъ въ придворной жизни. Нѣкоторыя главы, напримѣръ, 44-я и 45-я, имѣютъ въ виду опредѣленный историческій фактъ. Глава 42-я представляетъ списокъ императорскихъ гробницъ и преимущественно въ церкви свв. апостоловъ; 52-я глава описываетъ порядки, соблюдавшіеся на императорскихъ обѣдахъ. По содержанію примыкаютъ къ ней главы 53—57. Изъ нихъ одна, именно 54, есть разрядной списокъ іерарховъ православной вселенской церкви, надписываемый именемъ св. Епифанія, архіепископа Кипрскаго.

Кодексъ, содержавшій въ себѣ изучаемый памятникъ, сохранился почти во всей цѣлости. Самая значительная утрата состоитъ въ неимѣніи конца его, содержавшаго двѣ главы—56 и 57, какъ видно изъ оглавленія второй части. Теперешняя 57-я глава, какъ видно изъ оглавленія, есть конецъ 55-й главы, также не сохранившійся въ цѣлости. Начала

и первой половины этой 55-й главы, долженствовавшихъ составлять по принятому дѣленію 56-ю главу, не сохранилось ([3]). Утраченъ, далѣе, конецъ 96-й главы въ первой книгѣ и немного въ концѣ 97-й главы ([4]).

Къ какому времени относится описанный памятникъ и кому обязаны мы тѣми свѣдѣніями, какія сообщаетъ онъ намъ? Рейске, издавшій его, высказалъ по данному вопросу слѣдующія соображенія. Предъ 84-й главой первой части находится замѣчаніе: «ἐκ τῶν τοῦ Μαγίστρου Πέτρου». Это обстоятельство даетъ основаніе считать дальнѣйшія главы, кончая 95-ю, отрывкомъ изъ сочиненія магистра Петра. Такое предположеніе подтверждается дошедшимъ до насъ извѣстіемъ, что современникъ Юстиніана I магистръ Петръ писалъ подобное сочиненіе, и подробностью содержанія этихъ главъ. Во второй части обширная 52-я глава написана при Львѣ Мудромъ атриклиномъ императорскаго двора, Филофеемъ. Остальное, кромѣ этихъ двухъ отрывковъ изъ временъ 527—565 и 886—912 годовъ ([5]), Рейске приписываетъ согласно указанію заголовка Константину VII Багрянородному (912—959 гг.). Но еще при изданіи первой части книги онъ отмѣтилъ въ ней нѣкоторыя мѣста, противорѣчащія его взгляду. Въ 42 главѣ 2-й части упоминается о гробницѣ не только самого Константина VII, но и его внука, Василія Болгаробойцы († 1025 г.); въ 97 главѣ 1-й части описывается воцареніе Никифора Фоки, случившееся четыре года спустя послѣ Константина ([6]). Въ предисловіи ко второй части Рейске указалъ еще нѣсколько такихъ мѣстъ ([7]). Результатомъ всего

([3]) Reiskii. Comm. ad Const. porphyr. p. 903.

([4]) Ibid. p. 477—478.

([5]) Принадлежность 54-й главы 2-й части св. Епифанію Кипрскому Рейске вполнѣ основательно заподозриваетъ (ibid. p. 892).

([6]) De cerim aulae Byzant. Praefat. p. XXII—XXIII.

([7]) Ibidem. p. XXXI.

этого была необходимость допустить вставки въ трудѣ Константина VII, которыя, какъ и окончательную редакцію всего сочиненія, Рейске приписалъ, согласно съ Фабриціемъ ([8]), Константину VII (1025—1028 гг.). Новѣйшіе изслѣдователи отмѣтили еще болѣе мѣстъ, не могущихъ принадлежать Константину VII. Но большая часть всетаки оставлялась за нимъ. Сюда относили 83 главы первой части съ приложеніями въ концѣ ея и основу второй ([9]). Окончательная редакція памятника приписывалась неизвѣстному лицу конца X вѣка ([10]). Но послѣднее по времени изслѣдованіе памятника, сдѣланное профессоромъ Казанскаго университета Д. Ѳ. Бѣляевымъ, заставляетъ перемѣнить взглядъ. Тщательное изученіе памятника привело его къ такимъ результатамъ: не только вторая часть и конецъ первой, но и вся первая, съ начала до конца, состоятъ изъ обрядовъ разнаго времени и не могутъ быть отнесены ко времени Константина VII или быть написаны имъ ([11]). Общій выводъ изъ изученія памятника будетъ, такимъ образомъ, слѣдующій. «Обрядникъ» состоитъ изъ описаній церемоній, появившихся въ различное время. Императоръ Константинъ VII, отличавшійся своею образованностью, по своей любви къ родной старинѣ и изъ желанія сохранить ея обычаи ([12]), а вовсе не по причинѣ измельчанія интересовъ, какъ думаютъ нѣкоторые ([13]), собралъ въ одну книгу разновременныя и принадлежащія различнымъ авторамъ описанія придворныхъ обычаевъ. Занимался ли императоръ самъ этимъ дѣломъ, или по его порученію кто

([8]) Ibid. p. XXIV. Migne. Patrolog. cursus compl. Ser. gr. post. Paris. 1864. Tom. 112, p. 27—28.

([9]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1888. Часть 259. Стр. 171—172.

([10]) Ibid. Стр. 172.

([11]) Бѣляевъ. Byzantina. Кн. I, стр. 6; 38, прим. 1; 127, прим. 1.

([12]) De cerim. aulae Byzant. p. 3—5.

([13]) Вейсъ. Внѣшній бытъ народ. Москва. 1875. Томъ II, ч. 1. Стр. 42-

другой, для дѣла безразлично. Но виновникомъ появленія этого сборника во всякомъ случаѣ былъ Константинъ VII. По его приказанію былъ составленъ не одинъ такой сборникъ. Въ составъ изучаемаго сборника вошелъ матеріалъ, начиная съ временъ Юстиніана I и кончая царствованіемъ самого Константина VII. Нѣкоторыя мѣста могутъ съ большою опредѣленностью быть отнесены къ извѣстному времени, напр. къ царствованію Михаила III (855—867 гг.) ([14]). Послѣ смерти Константина VII сборникъ пополнялся, и окончательная редакція его принадлежитъ неизвѣстному лицу періода Македонской династіи (867—1056 гг.) ([15]). Очень можетъ быть, что этимъ лицомъ былъ внукъ Константина VII, императоръ Константинъ VIII, какъ думаютъ Фабрицій и Рейске. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ сборникомъ X вѣка, пополненнымъ и окончательно редактированнымъ въ первой четверти XI столѣтія.

При такой древности памятника и при такомъ богатствѣ его содержанія, казалось бы, онъ долженъ быть хорошо обслѣдованъ и изученъ. Въ частности онъ долженъ бы быть обстоятельно извѣстенъ церковной археологіи и особенно нашей. Выше мы видѣли, какъ богатъ матеріалъ по вопросамъ церковной археологіи, заключающійся въ «Обрядникѣ». Замѣтимъ теперь, что этотъ матеріалъ очень важенъ. Вѣдь X вѣкъ — вѣкъ первоначальнаго знакомства Руси съ христіанствомъ и принятія его въ лицѣ св. Владимира. Легенда или дѣйствительность—хожденіе русскихъ пословъ испытывать вѣры, — все равно. Но то несомнѣнно, что влагаемыя въ уста ихъ слова, что они, стоя за богослуженіемъ въ Великой церкви, не знали отъ восторга, на небѣ они или на землѣ, говорятъ объ исторической дѣйствительности.

([14]) Бѣляевъ. Ibid. Стр. 82, прим. 2.
([15]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1888. Ч. 259. Стр. 169.

Именно такое впечатлѣніе производило византійское богослуженіе на нашихъ предковъ. А что это за богослуженіе, отвѣтъ найдемъ въ «Обрядникѣ». Возьмемъ другой примѣръ. Въ нашемъ уставѣ мы нерѣдко находимъ ссылки на обычаи Великой церкви, потому что она имѣла свой собственный уставъ. Вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ: а что же это за уставъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ изученіе нашего памятника болѣе, чѣмъ необходимо ([16]). Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что «Обрядникъ» весьма мало разъясненъ и обслѣдованъ ([17]). Послѣ комментаріевъ Рейске едва ли можно указать сочиненіе одинаковой съ этимъ важности въ дѣлѣ изученія «Обрядника». Литература его очень бѣдна, хотя существуетъ на нѣсколькихъ языкахъ ([18]) и имѣетъ цѣнныя произведенія ([19]). Но еще бѣднѣе литература объ «Обрядникѣ», какъ источникѣ церковно-археологическомъ. Правда, имъ пользовались, какъ таковымъ, не только западные ученые, но и наши. Однако, между тѣмъ какъ, пользуясь «Обрядникомъ», какъ археологическимъ источникомъ вообще, создали такія капитальныя произведенія, какъ «Le palais impérial de Constantinople et ses abords» Лабарта, въ области церковной археологіи мы не можемъ указать ничего такого, что хотя нѣсколько могло бы идти въ сравненіе съ этимъ трудомъ. А о томъ, чтобы воспользоваться вполнѣ находящимся въ этомъ памятникѣ церковно-археологическимъ матеріаломъ и возсоздать на основаніи его церковную обрядность Византіи, — объ этомъ не было и рѣчи. Предлагаемое сочиненіе имѣетъ своею цѣлью именно изученіе «Обрядника», какъ церковно-археологическаго источника.

([16]) Мансветовъ. Церк. уставъ. М. 1885. Стр. 288. „О пѣснен. послѣд.“ Приб. къ изд. Твор. свв. оо. Ч. 26. Стр. 757—758.

([17]) Бѣляевъ. ibid, Стр, 6.

([18]) Васильевскій. Обозр. трудовъ по визант. исторіи. ibid. Стр. 173, прим. 1.

([19]) Бѣляевъ. ibid. Стр. 6, прим. 2.

Церковно-археологическій матеріалъ разбросанъ по всему «Обряднику». Цѣлью, съ которою составленъ этотъ послѣдній, было желаніе сохранить неизмѣнными порядки дворцовой жизни и чрезъ преданіе ихъ письмени обезпечить имъ существованіе въ настоящемъ и будущемъ. Императорскій дворъ, управляемый небрежно, не заслуживаетъ, по словамъ автора, уваженія и подобающей ему чести. Сохранить эту честь ненарекаемою было одною изъ задачъ при составленіи изучаемаго памятника ([20]). Сообразно съ такою задачею «Обрядникъ» долженъ удѣлить не мало мѣста описанію церковныхъ торжествъ. Но уже отсюда можно видѣть, что это описаніе будетъ очень односторонне. И дѣйствительно, нашъ памятникъ слѣдитъ за церковными праздниками и службами по стольку, по скольку это требуется для описанія участія въ нихъ императора. Какъ только послѣдній становится въ сторонѣ отъ службы или совсѣмъ уходитъ изъ храма, «Обрядникъ прекращаетъ о ней свою рѣчь, хотя бы это былъ интереснѣйшій моментъ ея. Понятна отсюда та неполнота и отрывочность, которыя встрѣчается въ «Обрядникѣ» при описаніи церковнаго богослуженія. Мало того, «Обрядникъ» писанъ, какъ руководство для своего времени и именно для дворцовой жизни. Поэтому авторъ «Обрядника описываетъ обрядъ за обрядомъ, предполагая извѣстными читателю тѣ мѣста, въ которыхъ они происходили, и называя вещи тѣми именами, какими оно назывались въ его время. Слѣдствіемъ этого является крайняя трудность пониманія текста. «Читателя поражаетъ и подавляетъ огромная масса непонятныхъ названій, терминовъ, намековъ, указаній и замѣчаній, которыя наполняютъ цѣлыя страницы, то повторяясь, то какъ будто противорѣча одно другому, такъ что читатель при

([20]) De cerim. aulae Byzant. p. 3–5.

всемъ вниманіи, невольно сбивается съ толку и перестаетъ многое понимать ([21])». Къ этому нужно присоединить еще стиль автора, соотвѣтствующій вѣку его; онъ и помимо терминологіи очень теменъ ([22]). Вслѣдствіе этого указанія «Обрядника» очень часто остаются для насъ непонятными, такъ что приходится довольствоваться неопредѣленными предположеніями и необоснованными гипотезами. Укажемъ для примѣра на многократное упоминаніе о св. кладязѣ въ святой Софіи—τὸ ἅγιον φρέαρ. Между тѣмъ какъ Лабартъ послѣ тщательнаго изученія нашего памятника помѣщаетъ его на южной сторонѣ храма въ видѣ отдѣльной пристройки ([23]), другіе разумѣютъ подъ нимъ, опираясь на тотъ же памятникъ, водовмѣстилище въ преддверіи св. Софіи ([24]). Еще болѣе трудности въ пользованіи представляютъ своего рода ἅπαξ λεγόμενα «Обрядника», которыя неизвѣстны изъ другихъ памятниковъ. Но, благодаря именно этому, указанія «Обрядника» пріобрѣтаютъ особенную цѣнность, какъ единственное свидѣтельство о той или другой сторонѣ церковной жизни Византіи. Таково, напримѣръ, упоминаніе о поклоненіи копію въ великую пятницу, совершенно неизвѣстное изъ другихъ литургическихъ памятниковъ ([25]), если не считать намековъ на совершеніе этого обряда (р. 178—180) въ Синайскомъ канонарѣ ([26]). Таковы указанія на существованіе въ Византіи нѣкоторыхъ монастырей, о которыхъ безъ

([21]) Бѣляевъ. Byzantina. Кн. I. Спб. 1891. Стр. 6 и 7.

([22]) De cerim. aulae Byzant. Praefat. p. XXXI. Самое лучшее доказательство справедливости сказаннаго составляютъ комментаріи Рейске къ этому памятнику. Они образуютъ томъ, большій тома самого греческаго текста „Обрядника“ и его латинскаго перевода.

([23]) Labarte. Le palais impérial de Cons. Paris. 1861. Pl. 2. № 1, L.

([24]) Труды Кіевск. духовн. Академіи 1872. Ч. II. Стрр. 795—797.

([25]) Мансветовъ. Церков. уст. Стр. 244.

([26]) Труды Кіев. дух. Акад. 1874. Май—Іюнь. Стр. 496.

«Обрядника» мы не знали бы вовсе. Не говоримъ уже объ общемъ отпечаткѣ богослуженія византійской столицы, который такъ выразительно отразился на страницахъ «Обрядника» ея императорскаго дворца ([27]).

Выше мы видѣли, что «Обрядникъ» составленъ въ X вѣкѣ, въ срединѣ его; но въ составъ его вошли фрагменты изъ временъ раннѣйшихъ этого вѣка и пополненія изъ временъ позднѣйшихъ. Какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для церковной археологіи? Если бы «Обрядникъ» весь состоялъ изъ фрагментовъ различнаго времени, то ничего, кромѣ хорошаго, изъ этого не могло бы быть. Тогда мы имѣли бы предъ глазами исторію того или другаго обряда, на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, какъ теперь имѣемъ исторію вѣнчанія на царство за 457—963 гг. въ 91—96 главахъ первой части. На самомъ же дѣлѣ въ составъ нашего памятника входитъ лишь одинъ отрывокъ изъ времени Юстиніана I, а все остальное по своему происхожденію относится уже ко времени Македонской династіи и предшествующему ей, къ царствованію Михаила III, Льва Философа. Послѣ Константина VII текстъ памятника пополнялся недолго и крупныхъ перемѣнъ въ церковной обрядности не могло произойти за это время. Такимъ образомъ, мы возстановляемъ по нашему памятнику обрядность средины X вѣка. Церковная обрядность есть нѣчто трудно поддающееся вліянію времени и, если измѣняется, то никогда не случается чего либо неподготовленнаго вѣками. Поэтому то нерѣдко при изученіи богослуженія за позднее время для рѣшенія возникающихъ вопросовъ прихо-

([27]) Болѣе подробная характеристика церковно-археологическаго матеріала „Обрядника“ будетъ предложена въ своихъ мѣстахъ, когда будетъ рѣчь о томъ или другомъ предметѣ изъ области церковной археологіи на основаніи данныхъ именно этого памятника.

дится обращаться въ глубь христіанской литургической практики ([28]). Такъ и въ «Обрядникѣ» въ тѣхъ частяхъ его, которыя появились уже послѣ Константина VII, не можетъ быть чего либо совершенно новаго; равно какъ въ фрагментахъ раннѣйшаго его времени мы также не находимъ чего либо особеннаго сравнительно съ вѣкомъ Константина VII. Достаточно просмотрѣть два—три мѣста, въ которыхъ авторъ, описавъ совершеніе обряда въ свое время, отмѣчаетъ разности въ совершеніи его за предшествующее время ([29]).

Десятый вѣкъ былъ вѣкомъ господства Македонской династіи, когда Византія переживала одну изъ лучшихъ эпохъ своей исторической жизни. Ея церковная архитектура ожила за это время и, сохраняя единство съ архитектурою предшествующаго времени, въ то же время продолжала развиваться и образовала особый—третій періодъ въ исторіи церковной архитектуры Византіи ([30]). Довольно просмотрѣть списокъ церквей, возстановленныхъ и построенныхъ однимъ Василіемъ Македоняниномъ, чтобы понять, какъ горяча была церковно-строительная дѣятельность этой эпохи. Пышность и блескъ церковныхъ службъ достигли за это время своего наибольшаго развитія, благодаря поддержкѣ со стороны благоденствовавшихъ императоровъ, обогащавшихъ церкви столицы своими вкладами и не нуждавшихся во вспоможеніяхъ съ ихъ стороны, какъ это стало не много спустя послѣ этой поры. Не говоримъ уже о латинскомъ разореніи, лишившемъ храмы столицы ихъ украшенія и святынь. Это было время сильнѣйшаго соприкосновенія Византіи съ различными

([28]) Дмитріевскій. Богослуж. въ русс. церк. въ XVI в. Ч. I. Казань 1884. Стр. IX—X.

([29]) De cerim. aulae Byzant. p. 159—160.

([30]) Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ. Томъ II. Одесса 1888. Стр. 256. Ersch und Gruber. Encykl. Tl 84. Sect. 1. S. 392—393.

варварскими народами, которыхъ поражали пышность храмовъ столицы и блескъ ея служенія и заставляли благоговѣть предъ византійцами. И вотъ этой то интереснѣйшей эпохи касается подлежащій нашему изученію церковно-археологическій памятникъ ([31]).

([31]) При изученіи „Обрядника“ мы пользуемся Боннскимъ изданіемъ его, какъ болѣе употребительнымъ въ литературѣ. „Constantini porphyr. imper. de cerim. aulae Byzant. libri duo. Vol. I. и vol. II. Bonnae 1829 и 1830“. Въ общемъ счетѣ томовъ „Corpus script hist. Byzantinae“—томы 9 и 10.

ГЛАВА I.

Храмы и монастыри Византіи.

а) Топографія церквей и монастырей Византіи.

Прежде чѣмъ говорить о самомъ богослуженіи, необходимо сказать о храмахъ, въ которыхъ совершалось оно. Первый вопросъ въ рѣчи о храмахъ въ данномъ случаѣ тотъ, гдѣ находились они, т. е. ихъ топографія. Для уясненія же послѣдней необходимо коснуться топографіи Византіи вообще. Это необходимо тѣмъ болѣе, что богослуженіе Византіи не ограничивалось одними храмами; торжественныя литіи и молебствія совершались въ ней подъ открытымъ небомъ на ея улицахъ и площадяхъ.

„Обрядникъ", говоря о храмахъ столицы, большею частью даетъ возможность опредѣлить съ достаточною точностью ихъ мѣстоположеніе. При этомъ онъ называетъ нѣкоторые храмы, неизвѣстные изслѣдователямъ византійскихъ древностей. Мы не говоримъ уже объ улицахъ столицы, которыя онъ, слѣдя за движеніемъ той или другой процессіи, очерчиваетъ иногда очень подробно. Но есть

церкви изъ названныхъ въ „Обрядникѣ“, которыя не поддаются опредѣленію или потому, что было нѣсколько одноименныхъ и не указано, какая именно въ данномъ случаѣ разумѣется, или потому, что церковь съ такимъ именемъ не встрѣчается у другихъ византійскихъ писателей, а „Обрядникъ“ ограничивается однимъ упоминаніемъ о ней, безъ всякихъ указаній на ея мѣстоположеніе.

Византія расположена на треугольномъ мысѣ, основаніемъ обращенномъ къ западу. Южная сторона мыса согнута лукомъ и омывается водами Пропонтиды; сѣверная, изогнутая въ видѣ молодого мѣсяца, образуетъ берегъ Золотого Рога и Босфора. Двѣ первыя стороны почти одинаковой длины, а сѣверная одною милею короче южной. Этотъ треугольникъ заключаетъ въ себѣ семь холмовъ, изъ которыхъ первый составляетъ восточный уголъ города. Этотъ холмъ отдѣляется отъ второго широкимъ оврагомъ. Остальные шесть холмовъ не вполнѣ отдѣлены другъ отъ друга, а лишь небольшими впадинами. Эти холмы составляютъ отроги мыса, кряжъ котораго тянется съ востока на западъ. Изъ этихъ холмовъ шесть вдаются въ Золотой Рогъ, а седьмой находится въ югозападномъ углу города; онъ называется сухимъ холмомъ или Ксиролофомъ. По южной сторонѣ своей мысовой кряжъ тянется непрерывно, не образуя отдѣльныхъ холмовъ и долинъ, а только небольшія приплюснутыя возвышенія ([1]).

На хребтѣ перваго холма возвышается главная церковь Византіи, а теперь первая мечеть Стамбула — св. Софія. Она, какъ извѣстно, сохранилась доселѣ и потому о топографіи ея говорить нечего. Иначе обстоитъ дѣло съ быв-

([1]) Вѣстникъ Импер. Русск. географ. Общества. 1857. Ч. XIX. „Очерки К-ля“. Стр. 6—7.

шимъ около нея Большимъ дворцомъ византійскихъ императоровъ. Здѣсь возможны споры, хотя, кажется, перевѣсъ долженъ остаться на сторонѣ Лабарта. Онъ, по отзыву византинистовъ ([2]), рѣшилъ вопросъ о положеніи Большого дворца относительно храма св. Софіи близко къ истинѣ. Большой дворецъ находился на югъ отъ св. Софіи; между ними помѣщалась дворцовая площадь. Большой дворецъ представлялъ совокупность цѣлой массы зданій, возстановить которыя съ желаемою точностью при наличныхъ средствахъ византійской науки нѣтъ никакой возможности. Лабартъ сдѣлалъ смѣлую попытку реставрировать дворецъ. Эта реставрація была сдѣлана, казалось, чрезвычайно успѣшно, такъ что едва ли можно было желать лучшаго. Дестунисъ, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ византійской археологіи считаетъ компетентнымъ цѣнителемъ трудовъ по топографіи Византіи ([3]), вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Паспати на трудъ Лабарта ([4]). А Паспати говоритъ о немъ какъ о небываломъ по своей геніальности произведеніи ([5]). Между тѣмъ новая провѣрка тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ Лабартъ произвелъ свою реставрацію, показала, что она во многихъ частяхъ представляетъ не воспроизведеніе дѣйствительности, а плодъ фантазіи французскаго ученаго. Оказалось, что реставрація Большого дворца есть вещь невозможная по крайней мѣрѣ до того времени, когда раскопки обнаружатъ основанія дворцовыхъ зданій ([6]). Вотъ причина, почему и въ вопросѣ о топографіи дворцовыхъ храмовъ большею

([2]) Бѣляевъ Bizantina. кн. I, стр. 10.

([3]) Кондаковъ. „Визант. церкви и памятн. К-ля". Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ. Одесса 1887. Томъ III. Стр. 96. Прим. 2.

([4]) Дестунисъ. „Топографія среднев. К-ля". Журн. М. Н. Пр. Ч. 225, стр. 240.

([5]) ibid. стр. 240.

([6]) Бѣляевъ ibid. стрр. 8—9.

частью приходится ограничиваться указаніемъ на положеніе ихъ въ извѣстномъ отдѣленіи дворца, не пытаясь опредѣлить точно, въ какихъ отношеніяхъ они были съ постройками этой части дворца.

Главную и древнѣйшую часть Большого дворца составлялъ Хризотриклинъ и прилежавшія къ нему зданія составлявшія внутренніе покои императора и его семьи. Это былъ священный и богохранимый дворецъ. Для церковной топографіи изъ его составныхъ частей имѣютъ значеніе собственно Хризотриклинъ и прилегавшій къ нему иліакъ. Хризотриклинъ представлялъ собою большую залу, ограниченную восемью камарами или арками. Расположеніе и характеръ ихъ неизвѣстны. Восточная камара оканчивалась конхою, въ которой помѣщался императорскій тронъ. Съ лѣвой или сѣверной стороны къ восточной примыкала камара св. Θеодора, съ храмомъ за ней того же святого ([7]). Этотъ храмъ или, точнѣе, евктиріонъ былъ посвященъ св. великомученнику Θеодору Тирону (6.622.625.640 и др.), какъ одному изъ покровителей греческой столицы. Этотъ храмъ служилъ для храненія предметовъ, принадлежавшихъ къ царской ризницѣ: жезла Моисеева — ἡ μωσαικὴ ῥάβδος (6), ἡ τοῦ Μωσέως ῥάβδος. (640), другихъ жезловъ, пѣпочекъ, щитовъ и т. д. (640). Здѣсь же производились нѣкоторые чиновники (622.625). Новгородскій архіепископъ Антоній покланялся въ этой церкви мощамъ св. Θеодора ([8]). Съ восточной стороны примыкалъ къ Хризотриклину иліакъ, т. е. открытый дворикъ; нѣсколько дверей въ восточной камарѣ Хризотриклина соединяли иліакъ съ этимъ послѣд-

([7]) Бѣляевъ. ibid. Стрр. 30—31. 33.

([8]) Арх. Сергій. Полный мѣсяцесловъ востока. Томъ II. Москва 1876. Стр. 55. Кондаковъ. ibid стр. 217.

нимъ ([9]). Къ восточной сторонѣ иліака примыкали два дворцовыхъ храма: первый—Богоматери и второй—св. великомученика Димитрія, принадлежавшаго къ патронамъ Византіи. Оба храма были въ тѣсной связи съ иліакомъ, такъ что двери ихъ выходили прямо на этотъ послѣдній (117. 120. 170). Они были въ связи также между собою и соединялись дверью, такъ что изъ одного можно было непосредственно войти въ другой (171). Храмъ св. Димитрія былъ влѣво отъ храма Богородицы, ближе къ сѣверной сторонѣ иліака (124). Оба храма и особенно Богоматери играли видную роль въ церковныхъ торжествахъ столицы. Названіе того и другого храма Фарскимъ или въ Фарѣ объясняется различно ([10]), но вѣроятнѣйшимъ объясненіемъ представляется то, что это было вызвано находившимся въ близкомъ сосѣдствѣ съ иліакомъ фаромъ или сигнальной станціей ([11]). Въ предѣлахъ Вуколеонта ([12]) за иліакомъ и уже близко къ морю ([13]) была новая великая церковь, построенная Василіемъ Македоняниномъ; онъ не пожалѣлъ средствъ на ея роскошное убранство лишь бы искупить этимъ грѣхъ убійства своего предшественника Михаила Пьяницы ([14]). У нашихъ паломниковъ эта церковь извѣстна подъ именемъ „Еннея Клессія“ или „Девяточинная церковь“ ([15]).

Въ Лавзіакѣ, залѣ, примыкавшей къ портику Хризотриклина и служившей для пріемовъ, помѣщалась церковь св.

([9]) Бѣляевъ. ibid. Стрр. 17. 35.

([10]) Du Cange. Constant christ. Paris. 1680. lib IV. pag. 95.

([11]) Бѣляевъ ibid. Стр. 39.

([12]) Вуколеонтомъ называлася мѣстность, прилегавшая къ гавани Вуколеонтъ, находившейся на востокъ отъ Большого дворца. Здѣвь былъ укрѣпленный дворецъ, носившій тоже имя—Дворецъ Вуколеонта.

([13]) Labarte. Le palais impérial de Const p. 195—196.

([14]) Du Cange. ibid. t. IV. p. 97—98.

([15]) Арх. Леонидъ. Обозр. цареград. памятн. и святынь XIV и XV в.в. по русс. паломникамъ М. 1870. Стрр. 42—44.

Василія (559). Она находилась въ южной части Лавзіака (539. 550) и служила для ежедневнаго совершенія службъ (559). Какому св. Василію она была посвящена, не сказано, но судя потому, что здѣсь праздновалась память св. Василія Великаго (137), должно думать, что евктиріонъ былъ воздвигнутъ въ честь этого святителя.

На западъ отъ Лавзіака изъ числа многихъ дворцовыхъ зданій слѣдуетъ назвать великолѣпную тронную залу—Триконхъ и его полукруглый перистиль, называемый полукругомъ Триконха ([16]). Здѣсь была церковь въ честь св. Іоанна, но какого именно, неизвѣстно (309—310).

На югъ отъ той группы дворцовыхъ зданій, въ которой находился вышеупомянутый Триконхъ, находилась большая зала, называвшаяся Юстиніановымъ триклиномъ ([17]). Съ этимъ послѣднимъ соприкасалась галлерея Маркіана, на противоположномъ концѣ которой былъ устроенъ евктиріонъ св. апостола Петра (122—123) ([18]). Этотъ храмъ возвышался надъ всѣмъ дворцомъ, подобно башнѣ. Онъ построенъ Василіемъ Македонянином ([19]).

На западъ отъ упомянутаго Триконха находилась новая группа зданій, составлявшая особую часть Большого дворца, извѣстная подъ именемъ дворца Дафны. Расположеніе помѣщеній, входившихъ въ составъ этого дворца, неизвѣстно ([20]). Изъ бывшихъ здѣсь храмовъ упомянуты два: Богоматери и св. первомученика Стефана. Первый храмъ имѣлъ при себѣ евктиріонъ св. Троицы и крестильницу. Онъ называется, „первозданный“—ὁ πρωτόκτιστος ναός (7). Храмъ первомученика Стефана (8) также имѣлъ крестильницу (141).

([16]) Бѣляевъ· ibid. Стрр. 88. 90. 96.
([17]) ibid. Стр. 86.
([18]) Labarte. ibid. p. 96.
([19]) Кондаковъ. ibid. Стр. 58.
([20]) Бѣляевъ. ibid. Стрр. 86. 97.

Онъ изъ дворцовыхъ храмовъ по своему значенію въ жизни императора и его семьи былъ первымъ. Въ немъ хранились многія драгоцѣнности царскаго дома (640). Построенъ Пульхеріей, которая положила въ немъ обрѣтенные при Ѳеодосіи II останки святого ([21]).

Въ послѣдней группѣ зданій Большого дворца, начинающейся Консисторіею и кончающейся Халкою, названы церкви Спасителя и свв. апостоловъ. Храмъ Спасителя былъ сосѣднимъ зданіемъ съ Консисторіею. Въ этомъ храмѣ, пріобрѣтшемъ себѣ въ византійской исторіи печальную извѣстность совершившемся въ немъ убійствомъ Льва V ([22]), хранились императорскія регаліи и другіе предметы царской утвари (591. 641). Сюда цари заходили предъ выходомъ и возвращеніемъ во дворецъ, здѣсь производились нѣкоторые чиновники (32. 84. 99, 107. 169. 217. 225 и др.). Храмъ свв. апостоловъ былъ въ зданіи Школъ, примыкавшемъ къ послѣдней части Большаго дворца,— Халкѣ (27). ([23]).

Большой дворецъ, какъ было сказано, примыкалъ къ дворцовой площади или Августеону, онъ граничилъ съ Августеономъ въ его южной сторонѣ. Сѣверную сторону площади образовывалъ храмъ св. Софіи. Атріумъ ея приходился какъ разъ противъ крайней части Большого дворца— Халки, изъ которой на площадь вели большія ворота, называвшіяся воротами Мелетія ([24]). Августеонъ представлялъ близкую къ квадрату площадь ([25]), устланную мраморными

([21]) Du Cange. ibid. t. IV. p. 136—137. Арх. Сергій. ibid. Стр. 227.

([22]) Labarte. ibid. p. 123.

([23]) Мѣстоположеніе храма Богородицы ἐν τῷ πρωτοθύρῳ неизвѣстно. (334).

([24]) Бѣляевъ. Byzantina. Кн. I, стр. 132.

([25]) Labarte. ibid p.p. 31—32.

плитами ([26]) и обнесенную со всѣхъ четырехъ сторонъ портиками, почему она называется иногда quadriporticus ([27]). Эти портики соединяли между собою различныя зданія, окружавшія Августеонъ ([28]). Подобнымъ портикомъ, шедшимъ отъ малыхъ или желѣзныхъ воротъ Халки къ св. кладязю, бывшему на южной сторонѣ св. Софіи, цари проходили въ извѣстныхъ случаяхъ въ эту послѣднюю ([29]). На восточной сторонѣ Августеона примыкала къ св. Софіи и образовывала съ нею юго-восточный уголъ площади патріаршая библіотека, извѣстная подъ именемъ триклина Θωμαΐτης (260). Это было высокое зданіе, соединявшееся съ верхними галлереями св. Софіи ([30]) (ibid). На той же сторонѣ помѣщалась одна изъ тронныхъ залъ Большого дворца — Магнавра; съ площади вела въ нее широкая лѣстница съ портикомъ ([31]). Проф. Бѣляевъ на этой сторонѣ Августеона не помѣщаетъ болѣе ничего ([32]). Унгеръ и Лабартъ помѣщаютъ здѣсь зданіе сепата ([33]), а послѣдній еще — совершенно ошибочно — Халкопратійскій храмъ Богоматери ([34]). На Августеонѣ, не извѣстно въ какомъ именно мѣстѣ, но только противъ улицы, ведшей съ него на форумъ Константина ([35]), былъ милій, или золотой мильный показатель. Площадь была украшена множествомъ статуй, изъ кото-

([26]) Banduri. Imperium orientale, tom. I, Paris. 1711. Pars III, pag 6—7.

([27]) Du cange Constant christ. t. I. p. 70.

([28]) Unger. „Griech. Kunst". Encykl. v. Ersch. und. Gruber. Sect, I. Fh 84. Leipzig. 1866. SS. 298—299.

([29]) Бѣляевъ. ibid. Стр. 138.

([30]) Unger. ibid. S. 405. Бѣляевъ. ibid. Стр. 121.

([31]) Бѣляевъ. ibid. Стр. 121.

([32]) ibidem.

([33]) Unger. ibid. Ss. 318—391. Labarte. ibid pp. 37—38.

([34]) Labarte. ibid. p. 40.

([35]) Это ясно видно изъ движенія различныхъ процессій, а между тѣмъ, при опредѣленіи мѣстоположенія милія на это, кажется, вовсе не смотрятъ

рыхъ одна — конная статуя Юстиніана — поражала своею величиною нашихъ паломниковъ ([36]); она стояла противъ юго-западнаго угла св. Софіи ([37]). На Августеонѣ былъ храмъ св. Іоанна Богослова, что въ двуконникѣ или діиппѣ— ἐν τῷ διίππίῳ (375. 562). Храмъ начатъ постройкою Фокою (602—610 г.г.), а оконченъ Иракліемъ (610—641 г.г.). Онъ былъ недалеко отъ милія ([38]) и получилъ свое названіе отъ двухъ мраморныхъ коней, поставленныхъ здѣсь основателемъ храма Фокою ([39]). Противъ милія на западной сторонѣ Августеона брала свое начало улица, называемая среднею—ἡ μέση (74 и мн. др.), а у нашихъ паломниковъ „великою улицею, царевымъ путемъ“ ([40]). Средняя улица, начавшись у Августеона, шла къ Золотымъ воротамъ (439) и составляла путь, по которому совершались тріумфальные въѣзды императоровъ. Тамъ, гдѣ въ „Обрядникѣ“ говорится о подобныхъ въѣздахъ, они совершаются именно по этому пути. Этимъ объясняется названіе даннаго пути у нашихъ паломниковъ великимъ и царскимъ. Изъ „Обрядника“ ясно видно, что тріумфальный путь шелъ по улицѣ, называемой Среднею (см. напр. стр. 439). Между тѣмъ нѣкоторые ученые, именно Скарлатъ Византій и за нимъ Кондаковъ ([41]), видятъ Среднюю улицу въ улицѣ, выдѣлившейся изъ via triumphalis и шедшей къ древнимъ Адріанопольскимъ воротамъ мимо храма свв. апостоловъ. Такое разногласіе объясняется тѣмъ, что въ

([36]) Сахаровъ. Сказанія русс. народа. С.-Петербургъ. 1849 г. Томъ 2. кн. 8, стр. 52. 61.

([37]) Лестунисъ. „Матер. и изслѣд. по стар. русс. литер. Л. Майкова“. Жур. М. Нар. Пр. 1890. Сентябрь. Стрр. 235—236.

([38]) Du Cange. ibid. t. IV. p. 113.

([39]) ibid. t. I. p. 74.

([40]) Арх. Леонидъ. ibid. Стр. 24.

([41]) Кондаковъ. ibid. стр. 164.

Византіи какъ та улица, что вела къ Золотымъ воротамъ, такъ и та, что шла къ воротамъ Адріанопольскимъ, называлась Среднею (см. напр. стр. 75—76). Этимъ и объясняется то обстоятельство, что Скарлатъ Византій видитъ Среднюю улицу то тамъ же, гдѣ и другіе, то высказываетъ свое новое мнѣніе ([42]). Вся путаница произошла изъ того, что съ понятіемъ средней улицы непремѣнно соединяли представленіе о via triumphalis, слѣдствіемъ чего была невозможность примирить разнорѣчивыя, повидимому, показанія относительно Средней улицы.

Начавшись у Августеона, Средняя шла къ западу на гору—ἀνέρχεται (74 и др.)—и приводила на форумъ или площадь Константина, находившуюся на второмъ холмѣ Византіи. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись портики, которые соединялись, вѣроятно, съ портиками, тянувшимися по сторонамъ форума. Форумъ былъ выстланъ плитами изъ Приконисскаго мрамора и украшенъ множествомъ статуй. Въ восточной сторонѣ его были статуи св. Константина и св. Елены, стоявшія по сторонамъ креста ([43]). На форумѣ стояла привезенная по преданію Константиномъ изъ Рима колонна. Она была составлена изъ восьми кусковъ порфироваго мрамора, по швамъ скрѣпленныхъ металлическими обручами, устроенными въ видѣ лавровыхъ вѣнковъ. Колонну вѣнчала прекрасной работы статуя Аполлона, привезенная Константиномъ изъ Фригійскаго города Иліополя и долженствовавшая изображать его самого. Въ головѣ статуи было вдѣлано нѣсколько гвоздей креста Христова, а начертанная на колоннѣ надпись заключала въ себѣ посвященіе города Господу и мольбу къ Нему объ его

([42]) Дестунисъ. „Историко-топогр. очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Кон-поля". Труды VI археол. съѣзда. Томъ III, стрр. 250—251.

([43]) Du Cange. Constant. christ. t. I. pagg. 75—76.

безбѣдномъ существованіи. Пьедесталъ колонны также былъ изъ мрамора: со всѣхъ сторонъ къ нему примыкали четыре мраморныхъ ступеньки. Колонна имѣла 90 футовъ вышины и до 30 въ окружности. При Алексѣѣ Комнинѣ статуя упала отъ сильной бури и была замѣнена крестомъ (1081—1118 гг.), а при Мануилѣ (1143—1180 г.г.) пострадалъ отъ землетрясенія верхъ колонны и былъ надстроенъ каменными плитами. Въ сильно пострадавшемъ видѣ отъ пожаровъ Порфировая колонна сохранилась до настоящаго столѣтія подъ именемъ „Обгорѣлой", указывая мѣсто форума ([44]). Въ южной сторонѣ форума было зданіе сената, отличное отъ бывшаго на Августеонѣ (164—165. 169. 610) и по мнѣнію Унгера служившее городскою думою—das Rathhaus ([45]). Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Порфировой колонной былъ храмъ св. Константина, вѣроятно, съ сѣверной стороны ея (28—30 и др.). Василій Македонянинъ построилъ на форумѣ еще храмъ въ честь Богоматери (439. 502), въ который императоры заходили при торжественныхъ въѣздахъ въ столицу. Лабартъ колонну Константина, его храмъ и храмъ Богоматери помѣщаетъ на Августеонѣ, ошибка его давно изобличена. Унгеръ отожествляетъ зданіе сената съ ναὸς Константина и говоритъ, что до храма Богоматери на форумѣ не было церквей ([46]). Между тѣмъ „Обрядникъ" одновременно называетъ сенатъ и храмъ Константина, какъ два различныя зданія, и говоритъ о послѣднемъ очень ясно, что это была церковь. Унгеръ отрицаетъ существованіе церкви Константина на форумѣ на томъ осно-

([44]) Banduri. Imperium orient. tom I. Gyllii. De topogr. Constant. pp. 394—5. Du Cange. ibid. t. I. p. 76. Κωνσταντινιά'ς παλαιά τε καὶ νεώτερα. Ἐν Κωνστ. 1844. 65-68.

([45]) Unger. ibid. S. 318.

([46]) ibidem.

ваніи, что Василій Македонянинъ выстроилъ храмъ Богоматери, чтобы купцы имѣли мѣсто для молитвы ([47]). Дѣло, однако, выясняется проще. Храмъ Константина не могъ удовлетворять нуждамъ купцовъ, потому что былъ, вѣроятно, не особенно вмѣстителенъ и принадлежалъ къ дворцовымъ. Круглый форумъ Константина игралъ видную роль въ церковныхъ торжествахъ столицы: здѣсь совершались молебствія, чрезъ него проходила большая часть крестныхъ ходовъ, останавливаясь у колонны для совершенія положенныхъ молитвословій.

Съ форума рядъ портиковъ велъ къ Халкопратійскому храму Богоматери, лежавшему гдѣ нибудь на восточномъ склонѣ второго холма, потому что о шедшихъ туда съ форума говорилось, что они κατέρχονται. Въ тоже время храмъ былъ очень недалеко отъ Августеона и соединялся съ нимъ портиками (32. 165. 167. 169. 185) ([48]).

Съ форума Константинова Средняя улица направлялась далѣе къ западу и приводила на площадь Тавра или Ѳеодосіеву, раскинувшуюся на вершинѣ третьяго холма. Форумъ Тавра имѣлъ колонну, называвшуюся Ѳеодосіевой, по имени Ѳеодосія I, устроившаго площадь. По своей величинѣ эта послѣдняя приближалась къ ипподрому и была засажена деревьями. По обѣимъ сторонамъ улицы отъ форума до Тавра тянулись портики. Къ югу отъ Средней, ближе къ морю, между форумомъ и Тавромъ, находились хлѣбные ряды—τὰ ἀρτοπώλια ([49]). На Средней недалеко отъ западной стороны Тавра находился храмъ Богоматери діако-

([47]) ibidem.

([48]) Du Cange. ibid. t. IV. pp. 85—86. Gyllii. De topogr. Const. ibid. p. 387. Подробно о мѣстоположеніи этого храма можно читать въ „Лѣтописи истор филол. общества при имп. новорос. унив.“ II. Одесса 1892. Стрр. 85 sqq.

([49]) Gullii. De topogr. Constant. ibid. t. IV. p. 87.

ниссы (75. 590). Получилъ онъ свое названіе отъ того, что при немъ проходила служеніе діакониссы сестра строителя его, патріарха Киріака (595—606 г.г.) ([50]).

Съ площади Тавра Средняя улица направлялась далѣе и приводила на площадь Аркадія или Ксиролофъ. Мѣсто этой площади точно извѣстно, благодаря сохранившемуся стилобату знаменитой Аркадіевой колонны, стоявшей на этой площади ([51]). На протяженіи улицы отъ площади Тавра до площади Аркадія упоминаются еще двѣ площади: амастріанская—τὰ Ἀμαστριανοῦ (56) и Быка—ὁ Βοῦς (56. 100. 501). Точно опредѣлить ихъ мѣстоположеніе невозможно, потому что отъ нихъ не сохранилось ясныхъ слѣдовъ, какъ отъ тѣхъ, о которыхъ было говорено доселѣ. Можно сказать только то, что амастріанская площадь была ближе къ Тавру, а площадь Быка ближе къ форуму Аркадія. О немъ говорится такъ: „ἦλθον... ἐν τῷ ἐξαχιονίῳ καὶ ξηρολόφῳ, αὐτίκα τὸν βοῦν· κ. τ. λ. (501). Жиль помѣщаетъ амастріанскую площадь недалеко отъ прежняго монастыря Мирелея, а нынѣ мечети Будрунъ ([52]): въ этой же мѣстности Гаммеръ помѣщаетъ площадь Быка, основываясь на созвучіи прежняго и нынѣшняго названія ([53]). Очень можетъ быть, что обѣ площади были въ близкомъ сосѣдствѣ, почему и въ „Обрядникѣ“ при описаніи процессій, шедшихъ по via triumphalis, обыкновенно упоминается только Быкъ (55—56. 100. 106 - 107. 501—502). На этомъ же пути недалеко отъ форума Тавра находился Капитолій (ibid) ([54]). Еще извѣстный патрицій Еввулъ построилъ портики отъ Тавра

([50]) Du Cange. ibid, t. IV. p. 87.
([51]) Hammer. Constant. und. der Bosporos. Pesth. 1822. B. I, S. 181—183.
([52]) Gullii. De topogr. ibid. p. 404.
([53]) Hammer. ibid. S. 114. 178—179.
([54]) Banduri. Imper. orient. t. I. p. 400—403.

до Быка ([55]); часть этихъ портиковъ, тянувшаяся отъ Тавра до Капитолія называлась Филадельфами (501—502). Гдѣ то около Аркадіева форума или же на самомъ форумѣ былъ евктиріонъ св. Каллиника (56).

Съ Аркадіева форума улица проходила чрезъ мѣстность, называвшуюся ексокіоніемъ, положеніе которой приблизительно извѣстно по мечети Экси-Мармара ([56]) и доходила до церкви св. Онисима (100). Отъ нея via triumphalis поворачивала влѣво, къ морю и мимо Сигмы, бухты у Псаматійскихъ воротъ, бывшей противъ ексокіонія, приводила къ Золотымъ воротамъ, находившимся въ южномъ концѣ сухопутной стѣны и въ юго-западномъ углу столицы (501—502) ([57]).

Миновавъ Филадельфійскій портикъ, главная улица Византіи выпускала изъ себя второй путь, гдѣ то около Капитолія. Эта улица, Средняя, приводила къ Адріанопольскимъ или Поліандрійскимъ воротамъ сухопутной стѣны. Первымъ храмомъ по пути къ воротамъ былъ храмъ св. Евфиміи, что въ Оливріи. Получилъ свое названіе отъ строителя своего, патриція Оливрія (75) ([58]). Далѣе слѣдовали бани Констанція, а за ними церковь св. Поліевкта (75. 50), считавшагося въ столицѣ мстителемъ клятвопреступленія. Разсказываютъ, что храмъ этотъ строительницею былъ выложенъ чистымъ золотомъ, какъ бы на смѣхъ Юстиніану, который съ алчностію посматривалъ на ея сокровища ([59]). На той же улицѣ „Обрядникъ“ указываетъ храмъ св. Христофора (83); онъ былъ недалеко отъ храма св. Поліевкта ([60]).

([55]) Кондаковъ. ibid. стр. 141.
([56]) ibidem стр. 136.
([57]) ibid. стр. 150. Hummer. ibid. S. 114.
([58]) Du Cange. Constant. christ. t. IV. p. 146.
([59]) ibid. p. 134.
([60]) ibid. p. 121. 133.

Далѣе, на самой вершинѣ четвертаго холма ([61]) высилась царская и патріаршая усыпальница—храмъ свв. апостоловъ, построенный первоначально св. Константиномъ и съ основанія вновь выстроенный Юстиніаномъ. Мѣсто храма точно извѣстно, такъ какъ на его мѣстѣ построена Магометомъ II мечеть Махмудіе ([62]). Недалеко отъ апостольской церкви, именно отъ южной ея стороны (535) была великолѣпная церковь всѣхъ святыхъ, построенная Львомъ Мудрымъ (886—912 г.г.). Интересна ея судьба: Іоаннъ Палеологъ (1425—1448) разрушилъ ее, а матеріаломъ воспользовался для починки сухопутной стѣны ([63]). Подобная участь постигла не одинъ храмъ столицы. Близъ храма святыхъ апостоловъ былъ царскій дворецъ называвшійся новымъ — τὸ νέον παλάτιον или дворцомъ Вону—τὸ (παλάτιον) τοῦ βόνου (532). Этотъ дворецъ построенъ, по словамъ Кедрина, Романомъ Лакапеномъ (917—944 г.) въ мѣстности βόνου, чѣмъ и объясняется наименованіе дворца ([64]). Дворецъ былъ соединенъ съ катихуменами апостольской церкви. Въ немъ было устроено двѣ домовыхъ церкви: св. Константина и св. Елены (534). Гдѣ то въ этой же мѣстности былъ храмъ св. Іоанна—εἰς τὸ ξηροκήπιον (532) ([65]).

Около упомянутой церкви св. апостола Онисима Средняя улица раздѣлялась на три вѣтви (100). Одна изъ нихъ, какъ было сказано, направлялась къ Сигмѣ и составляла продолженіе тріумфальнаго пути; указаніе на ея мѣстоположеніе находится въ цистернѣ, носящей наименованіе „Мокіевой“ ([66]). На той же улицѣ, ближе къ тріумфальной,

([61]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 129—130.
([62]) Banduri. Imper. orient. t. I. p. 407—408.
([63]) Архим. Леонидъ. ibid. Стр. 29—30.
([64]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 130—131.
([65]) Reiskii. Const. ad Comm. porphyr. p. 614—615.
([66]) ibid. p. 615—616.

былъ храмъ св. Іакова Персянина (100). Третья вѣтвь, судя по тому, что изъ храма Богоматери τῆς πηγῆς направлялась внутрь города чрезъ мѣстность св. Мокія и далѣе по via triumphalis (55 - 56), вела къ названному храму Богородицы, а слѣдовательно къ Силиврійскимъ воротамъ сухопутной стѣны.

Въ области амастріанской площади выдѣлялась изъ via triumphalis еще одна вѣтвь, ведшая по прямой линіи къ Романовымъ воротамъ сухопутной стѣны ([67]). Эти ворота были къ сѣверу отъ Силиврійскихъ. Свое названіе они получили отъ бывшаго при нихъ храма св. Романа ([68]). Такъ какъ извѣстна одна церковь съ этимъ именемъ, то вѣроятно ее разумѣетъ „Обрядникъ", когда описываетъ торжественный выходъ эпарха столицы въ недѣлю ваій во храмъ св. Романа (175—376).

На югъ отъ дворца въ самой тѣсной связи съ нимъ находится ипподромъ. Восточная и западная стороны его тянулись по прямой линіи, а южная представляла полукругъ. Въ срединѣ прямолинейной сѣверной возвышался дворецъ Каѳисмы, бывшій въ непосредственной связи съ Дафною ([69]). По обѣимъ сторонамъ ипподрома были устроены мраморныя сидѣнья, а около нихъ внизу тянулись портики. Сидѣнія на западной сторонѣ принадлежали Голубымъ, а на восточной Зеленымъ. Вдоль ипподрома тянулась низкая, но широкая стѣна, съ пестрымъ рядомъ обелисковъ, колоннъ и статуй. На ея закругленныхъ концахъ стояло по одному обелиску съ яйцомъ на вершинѣ; яйцо было указаніемъ на діоскуровъ, которымъ посвящался циркъ. Сѣверный обелискъ принадлежалъ Голубымъ, а южный Зеленымъ. Сидѣнія на обѣихъ

([67]) Кондаковъ. ibid. Стр 135.
([68]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 135.
([69]) Бѣляевъ. ibid. Стр. 80.

сторонахъ прерывались двумя воротами въ сѣверномъ и южномъ концѣ ихъ. Были ворота также въ сѣверной стѣнѣ къ западу отъ Каѳизмы ([70]). На ипподромѣ находился храмъ св. первомученика Стефана (175. 178. 251). Лабартъ отожествляетъ этотъ храмъ съ храмомъ тогоже святого въ Дафнѣ и сообразно съ этимъ заноситъ его на свой планъ слишкомъ далеко отъ его дѣйствительнаго мѣстоположенія ([71]). Ошибка Лабарта ясно видна изъ текста „Обрядника", который различаетъ эти два храма и не позволяетъ ихъ отожествлять (801—806) ([72]).

Недалеко отъ ипподрома на берегу Пропонтиды стоялъ богатый монастырь святыхъ Сергія и Вакха (571, 87). Храмъ этихъ святыхъ подъ именемъ „малой св. Софіи" сохранился, доселѣ отъ монастыря не сохранилось ничего, кромѣ малой калитки въ приморской стѣнѣ ([73]). На берегу Пропонтиды, но уже вблизи золотыхъ воротъ былъ знаменитый Студійскій монастырь. Онъ лежалъ на самомъ берегу моря и у морскихъ воротъ его (562) была, вѣроятно, небольшая пристань. Съ другой стороны онъ лежалъ недалеко отъ via triumphalis ([74]). Монастырь и его храмъ, выстроенный въ видѣ громадной базилики, были посвящены св. Іоанну Предтечѣ. Въ этомъ монастырѣ жили русскіе люди „списаючи отъ книгъ святаго писанія". Всѣмъ извѣстенъ живой разсказъ Стефана Новгородца о томъ, какъ онъ, путешествуя по монастырямъ Византіи съ своими други, встрѣтилъ своихъ, безъ вѣсти пропавшихъ, земляковъ Ивана и Добрилу, списывавшихъ книги въ Студійскомъ мо-

([70]) Unger. ibid. Seit. 319—321.
([71]) На второмъ его планѣ № 54.
([72]) Бѣляевъ. ibid. Стр. 102—103.
([73]) Кондаковъ. ibid. Стр. 133.
([74]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 103—104.

настырѣ ([75]). Здѣсь же списалъ свое евангеліе митрополитъ Алексій, а митрополитъ Кипріанъ переводилъ „Лѣствицу“ св. Іоанна лѣствичника. Отъ этой обители, долгое время дававшей тонъ литургическимъ порядкамъ востока, теперь осталось очень немного. Она находилась на мѣстѣ теперешней мечети Имбрахоръ ([76]). Третій монастырь на берегу Пропонтиды былъ монастырь Августы—τῆς αὐγούστης (642) или Юстина — τά Ἰουστίνου (646). Монастырь построенъ Юстиномъ I для жены своей августы Евфиміи ([77]), изъ чего объясняются наименованія его. Юстинъ и жена его были погребены здѣсь въ монастырскомъ храмѣ въ саркофагѣ изъ зеленаго Өессалійскаго мрамора. Когда же Левъ Философъ перенесъ этотъ саркофагъ въ апостольскій храмъ для Михаила Пьяницы, то тѣла Юстина и супруги его были погребены въ небогатой усыпальницѣ изъ Приконисскаго мрамора (642. 646). Монастырь Августы былъ женскій (646). Его храмъ въ честь св. ап. Өомы былъ построенъ еще при Маркіанѣ, такъ что монастырь явился около него послѣ ([78]). Точно опредѣлить мѣстоположеніе монастыря пока невозможно, но извѣстно, что онъ былъ близъ порта Юліана или Софіанскаго ([79]), который видятъ въ нынѣшней гавани Кадрига Лимани, около свв. Сергія и Вакха ([80]). Недалеко отъ Студійскаго монастыря около самыхъ Золотыхъ воротъ, въ югозападномъ углу города находился монастырь св. Діомида (760) ([81]). Упоминаемый въ „Обрядникѣ“ безъ всякихъ указаній мѣстоположенія монастырь

([75]) Сахаровъ. Сказ. рус. народа. т. II. кн. 8 стр. 54.
([76]) Кондаковъ. ibid. Стр. 143.
([77]) Riiskii. Commentar. p. 760—61. 771.
([78]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 117. 153.
([79]) Кондаковъ. ibid. Стр. 133.
([80]) ibid. Стр. 131
([81]) ibid. Стр. 8.

неусыпающихъ — τῶν ἀκοιμήτων (801. 806) Кондаковъ помѣщаетъ также близко къ берегу Пропонтиды противъ площади Тавра ([82]). На томъ же берегу въ Псаматійскомъ кварталѣ, находившемся въ юго-западномъ углу столицы, близъ Псаматійскихъ воротъ въ приморской стѣнѣ находился Гастрійскій монастырь ([83])—τὰ Γαστρία (647). Въ храмѣ Гастрійскій обители было погребено нѣсколько царственныхъ особъ. Въправой сторонѣ церкви была усыпальница—ἡ σταταραία славной возстановительницы иконопочитанія блаженной Θеодоры (855), жены Θеофила, и трехъ дочерей ея: Θеклы, Анастасіи и Пульхеріи. Противъ этой усыпальницы въ лѣвой сторонѣ церкви былъ мраморный саркофагъ брата Θеодоры, доместика школъ ([84]) Петроны. Въ притворѣ храма въ лѣвой его сторонѣ былъ небольшой саркофагъ изъ Приконисскаго мрамора матери Θеодоры, Θеоктисты, и около него небольшой саркофагъ Сагарійскаго мрамора дочери кесаря Варды, Ирины. Близъ этихъ саркофаговъ былъ небольшой, длиною съ пядень—σπιθαμιαῖον саркофагъ, въ которомъ была положена нижняя челюсть Варды (647—648).

Въ сѣверо-западномъ углу столицы находилась мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Влахернъ". Здѣсь былъ извѣстный храмъ Богоматери. Мѣстоположеніе его точно извѣстно, такъ какъ священный влахернскій источникъ сохраняется доселѣ ([85]). Онъ находился между подошвой шестого холма и берегомъ Золотого Рога ([86]). Съ храмомъ былъ соеди-

([82]) ibidem. На планѣ № 19.

([83]) ibid. Стр. 54. 142.

([84]) Въ византійской имперіи войска имѣли двухъ главныхъ начальниковъ, одного въ азіатской половинѣ имперіи, а другого въ европейской. Эти то начальники и назывались доместиками школъ. (Скабалановичъ. Виз. госуд. и церк. въ XI вѣкѣ. СПБ. 1884. Стр. 322—323).

([85]) Кондаковъ. ibid. Стр. 205.

([86]) Banduri. ibid. Tom. I. gyll. De Topogr. Const. p. 362. 415.

ненъ переходами влахернскій дворецъ (152—154. 542). Отъ приморскихъ воротъ, но какихъ именно не сказано, къ храму Богоматери шла улица (551). Отъ влахернскаго храма Богородицы улица рядомъ портиковъ вела въ Петріонъ (156), а именно къ храму св. Іоанна Предтечи, какъ это видно изъ путешествія архіепископа Антонія ([87]). Этотъ храмъ въ тѣ времена, когда посѣщали Византію наши паломники, оставившіе описанія своихъ путешествій, принадлежалъ монастырю Предтечи, который зовутъ по ихъ словамъ, „Иваномъ Бога богатымъ“ ([88]). Жиль видѣлъ остатки этого храма на шестомъ холмѣ, не далеко отъ цистерны Бона ([89]). Отъ монастыря св. Іоанна Предтечи путь приводилъ къ дворцу Елены и затѣмъ на форумъ (413—414). Изъ другого мѣста видно, что послѣ форума нужно было идти портиками Мавріана (156). Портики Мавріана начинались у храма Анастасіи, который былъ въ седьмомъ регіонѣ города ([90]), а не въ третьемъ, гдѣ его иногда помѣщаютъ. Возможно, что она находилась на мѣстѣ нынѣшней мечети Шахъ-Заде, стоящей вблизи средней улицы, ведшей къ храму апостоловъ ([91]). Такимъ образомъ, прошедши чрезъ форумъ и площадь Тавра, на которой находился дворецъ Елены ([92]), пересѣкали Среднюю улицу и, вступивъ у храма Анастасіи въ портики, именовавшіеся длиннымъ портикомъ Мавріана, шли на шестой холмъ къ храму Предтечи. Опредѣлить подробно направленіе этого пути за недостаткомъ данныхъ нѣтъ возможности. Соображая направленіе того пути, по которому наши поломники посѣщали

([87]) Кондаковъ ibid. Стр. 203—204.
([88]) ibid. Стр. 218. Архим. Леонидъ. ibid. Стр. 41—42.
([89]) Banduri ibid. p. 413.
([90]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 141—143.
([91]) Кондаковъ. ibid. Стр. 218.
([92]) Du Cange. ibid. l. II. p. 130.

расположенные на четвертомъ и пятомъ холмахъ храмы, какъ напр. Пантократора на четвертомъ и Богоматери Евергетиды на западномъ склонѣ пятаго, можно заключить, что, „черный великій уболъ“ тянулся почти параллельно Средней улицѣ, ближе къ Золотому Рогу. Во Влахернахъ находилось урочище—τὰ Βασιλίδου и въ немъ церковь св. Николая ([93]) (801. 806). Стефанъ новгородецъ, прежде чѣмъ выйти изъ Влахернъ „внѣ града, на полѣ“, изъ влахернскадо храма Богоматери ходилъ въ церковь святого Николы ([94]). Наконецъ, гдѣ то вблизи Влахернъ было два монастыря: 1) σπουδῆς, т.-е. поспѣшности, и 2) сосѣдній съ нимъ, παρασπουδῆς (801). Указаніе на ихъ мѣстоположеніе можно находить въ объясненіи названія ихъ. Когда жена Льва Исаврянина возвращалась изъ Влахернъ, ей настало время родить. Она зашла въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ и родила тамъ; впослѣдствіи домъ былъ превращенъ въ монастырь ([95]). Второй монастырь получилъ свое названіе отъ близости къ первому ([96]). Къ востоку по берегу Золотого Рога находилось урочище—τὰ Βασιλίσκου, а у нашихъ паломниковъ Васильки. Изъ анализа топографическихъ указаній изданной въ 1890 г. Л. Майковымъ „Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопримѣчательностяхъ Цареграда“ Дестунисъ нашелъ, что Васильки находились у пристани и у перевоза къ Галатамъ, у нынѣшнихъ Балыкъ-базарскихъ воротъ приморской стѣны ([97]). Здѣсь находился храмъ святыхъ Космы и Даміана (562). Дюканжъ, говоря объ этомъ храмѣ, упоминаетъ храмъ св. Трифона

([93]) Кондаковъ. ibid. Стр. 206—207.
([94]) Сахаровъ. Сказ. рус. народа. Т. II, кн. 8. Стр. 54.
([95]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 161.
([96]) Riiskii. Comment. et cet. p. 902.
([97]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1860. Сентябрь. Стр. 252—254.

въ τὰ Βασίλισκου; приводитъ далѣе указаніе минеи на празднованіе памяти св. Трифона 1-го февраля въ его мартиріумѣ въ храмѣ евангелиста Іоанна въ двуконникѣ и такимъ образомъ считаетъ тотъ и другой за одно, а вмѣстѣ съ тѣмъ относитъ мѣстность τὰ Βασιλίσκου на августеонъ (98). Ошибка легко изобличается. 1) Минея не даетъ права отожествлять два различныхъ храма св. Трифона, ибо не говоритъ, чтобы память его праздновалась въ храмѣ его въ τὰ Βασιλίσκου. Это замѣтилъ еще Bandyri (99). 2) Въ τὰ Βασιλίσκου былъ храмъ, а въ двуконникѣ храма не было, а мартиріумъ въ церкви—ἔνδον—евангелиста. 3) Наконецъ, августеонъ подробно извѣстенъ изъ византійскихъ писателей и о монастырѣ Космы и Даміана тамъ ничего не говорится; да ему тамъ и не было мѣста.

На берегу Босфора, къ сѣверу отъ Вуколеонта, слѣдовательно ближе къ Золотому Рогу былъ большой храмъ св. великомуч. Пантелеимона (560). Онъ былъ построенъ Нарзесомъ при имп. Фокѣ, почему и назывался εἰς τὰ Ναρσοῦ (100).

Послѣдняя церковь изъ упоминаемыхъ „Обрядникомъ“ въ стѣнахъ столицы — это церковь св. Ирины, построенная Юстиніаномъ. Она стояла на сѣверъ отъ св. Софіи, очень недалеко отъ нея и въ рядъ съ нею, фасадомъ къ городу и улицѣ, а алтаремъ къ морю (101). Эта церковь была спеціально патріаршескою и потому называлась τὸ πατριαρχεῖον (102). Она находилась, вѣроятно, въ тѣсной связи съ зданіями патріархіи, расположенными близъ св. Софіи (103) около восточной стороны ея.

(98) Du Cange. ibid. l. IV. p. 140.
(99) Imper. orient. Tom. II. pag 624.
(100) ibid. p. 686. Du Cange. ibid. l. IV. p. 132.
(101) Кондаковъ. ibid. Стр. 128.
(102) Du Cange. ibid. p. 147—148.
(103) ibid. l. II, p. 143.

За Золотыми воротами къ сѣверу отъ нихъ, но очень не далеко, находилась обитель Аврамитовъ— τῶν Ἀβραμιτιῶν, существовавшая еще до Юстиніана и прославившаяся ревностною защитою иконопочитанія во времена иконоборчества. Въ этомъ монастырѣ императоры останавливались предъ торжественнымъ въѣздомъ въ столицу. Монастырскій храмъ былъ воздвигнутъ въ честь Богоматери. Судя по названію монастыря нерукотвореннымъ монастыремъ Богородицы, здѣсь была „нерукотворенная икона“ Ея (438. 449. 501). Такихъ иконъ у грековъ Дюканжъ указываетъ нѣсколько ([104]).

Отъ золотыхъ воротъ дорога шла къ Регіуму. На пути туда около седьмого милевого камня, слѣдовательно на $1\frac{1}{2}$ геогр. мили отъ мильнаго показателя, находился Гебдомонъ ([105]), несправедливо помѣщаемый многими около Влахернъ (498—502). Это было предмѣстье Византіи на берегу Пропонтиды; оно имѣло гавань и императорскій дворецъ. Здѣсь „Обрядникъ“ упоминаетъ слѣдующіе храмы. Храмъ св. Іоанна Предтечи (499); въ немъ почивала глава его ([106]). Храмъ св. евангелиста Іоанна (776); былъ близко къ храму Предтечи ([107]). Храмъ въ честь виѳлеемскихъ младенцевъ (496).

Силиврійскія ворота выводятъ на Балуклійскую дорогу, получившую свое названіе отъ мѣстечка Балуклу. Въ этомъ мѣстечкѣ есть часовня, стоящая на мѣстѣ обширнаго храма Богоматери τῆς πηγῆς ([108]).

([104]) ibid. l. IV. p. 33.
([105]) Unger. Griech. Kunst. ibid. s. 297—298. Кондаковъ. ibid. Стр. 199—201.
([106]) Кондаковъ. ibid. Стр. l. 204—205.
([107]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 113.
([108]) Кондаковъ. ibid. Стр. 162—163.

Изъ монастырей и храмовъ, бывшихъ за стѣнами города по берегу Золотого Рога, Обрядникъ называетъ два. Храмъ св. Космы и Даміана въ τὰ Παυλίνου (559). Свое названіе получилъ отъ мѣстности, принадлежавшей извѣстному своей печальной судьбой министру Θеодосія II, Павлину. Построенный этимъ послѣднимъ, онъ былъ возобновленъ Юстиніаномъ. Обычно онъ назывался „Космидіонъ. Всѣ историки помѣщаютъ его на берегу залива, противъ Влахернъ ([109]); тутъ же указываютъ его и наши паломники ([110]). Монастырь св. Маманта находился на берегу Золотого Рога у воротъ, носившихъ названіе Ксилокерки, въ концѣ его([111]). Въ этомъ монастырѣ былъ погребенъ императоръ Маврикій (602); въ лѣвой сторонѣ притвора церкви стоялъ саркофагъ изъ разноцвѣтнаго мрамора жены Маврикія и дѣтей (646—647). Въ монастырѣ св. Маманта настоятельствовалъ Симеонъ, новый богословъ. Здѣсь же, у св. Мама, при Олегѣ жили русскіе купцы.

Судя по разсказу „Обрядника“ о воцареніи императора Льва (457—474 г.), гдѣ-то около конца Θеодосіевой стѣны было поле трибунала. Изслѣдователи относятъ его къ пространству на сѣверъ отъ Адріанопольскихъ воротъ по направленію къ Текфуръ—Сераю ([112]).

Упоминаемые въ „Обрядникѣ“ храмъ свв. сорока мучениковъ (559) и монастырь Οὐρβϊκίου (801—806) съ храмомъ Богоматери ([113]) не могутъ быть пріурочены, потому что храмовъ съ этими именами извѣстно нѣсколько, а какой именно разумѣется, не сказано. Впрочемъ относительно храма

([109]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 182—183.
([110]) Арх. Леонидъ. ibid. Стр. 44.
([111]) Du Cange. ibid. l. IV. p. 185—186.
([112]) Дестунисъ. Истор.-Топогр. Очеркъ стѣнъ К-ля. Труды VI археол съѣзда Т. III. Стр. 263—264. Кондаковъ. ibid. Табл. XXII.
([113]) Du Cange. Ibid. l. IV, p. 96.

сорока мучениковъ можно еще гадать. Въ „Обрядникѣ“ разумѣется тотъ храмъ ихъ, въ которомъ праздновалась ихъ память 9-го марта. А изъ минеи мы знаемъ, что этотъ день торжествовался въ храмѣ ихъ, бывшемъ на Средней улицѣ, куда и придется его пріурочить ([114]). Неизвѣстно совершенно положеніе слѣдующихъ церквей и монастырей. Св. Евфросинія—ἡ Κυρὰ Εὐφροσύνη. Въ этомъ монастырѣ были погребены въ саркофагѣ изъ виеинскаго мрамора Константинъ, сынъ Ирины, съ своею женою Маріей и двумя дочерьми, Евфросиніей и Ириной, и Анна, дочь Ѳеофила (647). Евфросинія была впослѣдствіи женою Михаила Травла (820—829 г.). Она построила этотъ монастырь и дала ему свое имя ([115]). Монастырь св. Евфиміи, называемый Евморфу. Въ лѣвой сторонѣ храма была усыпальница матери Василія Македонянина Панкало, а въ правой усыпальница изъ зеленаго Ѳессалійскаго мрамора братьевъ Василія, Маріана, доместика школъ, и Симватія (648). Церковь св. Панхарія (801—806) и монастырь Пелекана (ibid) неизвѣстны совершенно. Таковъ же монастырь Сигріанскій (156). Монастырь Ставракія извѣстенъ, но опредѣлить его мѣстоположеніе трудно. Именуется онъ то монастыремъ св. Троицы съ церковью Ея (647), то Спасителя съ Его храмомъ (801—806); быть можетъ, въ немъ было два храма.

На азіатскомъ берегу „Обрядникъ“ называетъ дворецъ Гіеріи и храмъ архистратига Михаила. Дворецъ Гіеріи былъ построенъ Юстиніаномъ на азіатскомъ берегу Пропонтиды въ окрестностяхъ Халкидона. Этотъ берегъ Азіи вплоть до Никомидіи былъ богатъ виноградными лозами, которыя производятъ отличный родъ винограда, какой, кромѣ этой по-

([114]) Кондаковъ. Ibid. Стр. 139. Du Cange. Ibid. l. IV. p. 134—135.
([115]) Du Cange. Ibid. l. IV. p. 147.

лосы, нигдѣ больше не удался ([116]). На ровной мѣстности здѣсь стоялъ дворецъ среди императорскихъ виноградныхъ садовъ ([117]). Здѣсь въ урочищѣ *τὰ Προμούτου* былъ монастырь архистратига Михаила. Въ правой сторонѣ храма была усыпальница Маріи, дочери Василія Македонянина (649) ([118]).

Въ заключеніе сдѣланнаго обзора топографіи остается высказать слѣдующее замѣчаніе. Многіе изъ храмовъ Византіи неизвѣстны у историковъ. Думается, что на это много вліяло случавшееся за позднѣйшее время существованія имперіи переименованіе храмовъ и монастырей ([119]). Возможно, что многіе храмы „Обрядника", неизвѣстные у историковъ, являются у нихъ съ другими именами. Святыни разрушавшихся храмовъ переносились въ сосѣдніе храмы, какъ напримѣръ, глава Предтечи изъ его храма въ Гебдомонѣ перенесена въ Студійскій монастырь ([120]). Мощи св. Поліевкта наши паломники видѣли уже въ храмѣ святыхъ апостоловъ ([121]). Этими указаніями можно съ большимъ успѣхомъ пользоваться при опредѣленіи взаимоотношенія церквей и пріуроченіи ихъ къ тому или другому мѣсту. Наконецъ, цѣнный матеріалъ для топографіи даютъ минеи, которыя, говоря о празднованіи памяти того или другого святого, указываютъ храмъ, гдѣ она праздновалась и сосѣдніе нерѣдко ему храмы. 16-го декабря, напримѣръ, читаемъ: „καὶ τὰ ἐγκαίνια τοῦ ναοῦ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Χριστοφόρου. πλησίον τοῦ ἁγίου Πολευέκτου ([122]).

([116]) Вѣстникъ импер. русс. геогр. общ. 1857. ч. XIX. Стр. 22.

([117]) Du Cange. Ibid. l. IV. p. 175—176. Hammer. Constant. und der Bosporos. B. II. S. 326—330.

([118]) Du Cange. Ibid. l. IV. p. 186—187.

([119]) Кондаковъ. Ibid. Стр. 75—82.

([120]) Ibidem. Стр. 205.

([121]) Арх. Леонидъ. Ibid. Стр. 47.

([122]) Μηναῖον τοῦ Δεκεμβρίου Ἐνετίησιν. 1806. Подъ 16 числомъ. Стр. 140.

b) Церковная архитектура.

Типичнымъ представителемъ церковнаго зодчества Византіи, извѣстнаго въ храмовой архитектурѣ подъ именемъ византійскаго стиля, является храмъ св. Софіи Константинопольской. Какъ „чудо архитектуры“ ([123]) св. Софія всегда привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей, которые изучали ее по описаніямъ греческихъ историковъ и на мѣстѣ. Но при этомъ св. Софію изучали, какъ образецъ византійской храмовой архитектуры, сохранившійся доселѣ, хотя и не во всей цѣлости. Между тѣмъ она была также центральнымъ храмомъ столицы, въ которомъ совершались церковныя и гражданскія торжества. Этотъ храмъ былъ въ близкой связи съ Большимъ дворцомъ и игралъ видную роль въ жизни византійскихъ царей, такъ что онъ, по словамъ Дидрона, „составлялъ часть дворца и скорѣе долженъ быть названъ дворцовымъ храмомъ, чѣмъ главнымъ храмомъ имперіи: это большая молельня императора ([124])“. Не раздѣляя крайности этого взгляда, въ общемъ съ нимъ нельзя не согласиться. Какъ таковой, храмъ св. Софіи имѣлъ много приспособленій къ отправленію службы патріархомъ и посѣщенію его императоромъ и дворомъ, цѣлый рядъ придѣловъ и пристроекъ..... разнаго рода службы окружали церковь ([125]). Но все это—многочисленные придѣлы и зданія—([126]) исчезло. Вмѣстѣ съ тѣмъ погибла память о нихъ, пока открытіе „Об-

([123]) Н. Кондаковъ. Виз. церкви и памятники К—ля. Стр. 111.

([124]) Т. Каневскій. Выходы виз. императоровъ въ церк. св. Софіи. Тр. К. Д. Ак. 1872 г. II, стр. 825, примѣч. 2.

([125]) Н. Кондаковъ. Древности Константинопол. Новь. 1885. кн. 4, стр. 476.

([126]) Ibid. стр. 474.

рядника“ не воскресило имена ихъ, а Лабартъ не возстановилъ ихъ предъ умственнымъ взоромъ своимъ и своихъ читателей. Матеріалъ для описанія св. Софіи, заключающійся въ „Обрядникѣ“, большею частію относится къ этимъ пристройкамъ. Не лишены, конечно, интереса его рѣчи о другихъ частяхъ храма, но главный интересъ сосредоточивается на вышеупомянутыхъ пристройкахъ. Правда упоминаются онѣ и въ другихъ памятникахъ греческой письменности, но эти упоминанія слишкомъ рѣдки и разрознены, чтобы изученіе ихъ могло привести къ какимъ-либо положительнымъ выводамъ, исключая развѣ того, который получается и теперь при обслѣдованіи св. Софіи, а именно: св. Софія заключаетъ въ себѣ еще много неизвѣстнаго ([127]). Не избавляетъ насъ отъ этого печальнаго заключенія и „Обрядникъ“, потому что онъ слѣдитъ за мелочами, не говоря о крупномъ, но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, неоцѣнимы. Не смотря на многія недоговоренныя мѣста, неясность и т. п., онъ довольно полно описываетъ намъ св. Софію, какъ каѳедральный храмъ столицы за блестящій періодъ византійской исторіи. Съ XI вѣка въ исторіи св. Софіи наступаетъ новый періодъ. Влахернскій дворецъ, бывшій доселѣ лишь лѣтнею резиденціею императоровъ, съ этого времени становится ихъ постояннымъ жилищемъ ([128]). Много церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ присутствіи царей въ св. Софіи, переносится въ дворцовыя церкви Влахернскаго замка, пристройки собора теряютъ свое значеніе и не упоминаются. Вотъ причина, по которой близкое по характеру къ „Обряднику“ сочиненіе Кодина (XIV в.). „De officialibus palatii Constantinopolitani

([127]) Н. Кондаковъ. Виз. церкви и памятники К—ля. Стр. 120.
([128]) Его же Древности К—ля. Новь. 1885 г., кн. 5. Стр. 6.

et de officiis magnae ecclesiae“ не можетъ идти въ сравненіе съ нимъ при изученіи св. Софіи и ея богослужебнаго чина. Помимо утраты своего прежняго значенія въ дворцовой жизни Византіи, за позднѣйшую эпоху ея существованія св. Софія измѣняется еще въ иномъ отношеніи: „нѣкогда церемоніальный храмъ становится складомъ драгоцѣнныхъ святынь востока“ ([129]), переполняется иконами, мощами и множествомъ другихъ святынь, которыя съ такою любовію описывали наши паломники. Такимъ образомъ, возстановляя св. Софію по „Обряднику“, мы реставрируемъ ее за извѣстный періодъ ея существованія, блестящій періодъ византійской имперіи и ея архитектуры и искусства.

Св. Софія носитъ много наименованій, изъ которыхъ большая часть указываетъ на обширность и важное значеніе ея. Вотъ эти наименованія: ἡ μεγάλη ἐκκλησία (стр. 5, 265, 566, 620 и др.), ἡ μεγάλη ἐκκλησία τῆς ἁγίας Σοφίας (стр. 550), ἡ ἁγιωτάτη μεγάλη ἐκκλησία (564, 629, 630), ὁ τῆς ἁγίας Εοφίας μέγας ναός (591), ἡ ἁγία Σοφία (97, 441, 591), ὁ ναὸς τῆς Εοφίας (186), ἡ ἐκκλησία (186), ἡ μεγάλη τοῦ Θεοῦ ἐκκλησία (616).

Подобно всему храму алтарь имѣетъ нѣсколько наименованій: онъ называется жертвенникомъ—τὸ βῆμα (15, 17, 159 и др.), τὸ θεῖον βῆμα (609) и святилищемъ—τὸ θυσιαστήριον (151, 155 и др.). Стороны алтаря называются сторонами—ἡ πλαγία τοῦ βήματος (133), ἡ πλαγία τοῦ θυσιαστηρίου (127, 145), и частями—τὸ δεξιὸν μέρος τοῦ βήματος (15, 17 и др.), τὸ δεξιὸν μέρος τοῦ ἁγίου βήματος (15), τὸ ἀριστερὸν μέρος τοῦ βήματος (34), τὸ δεξιὸν μέρος τοῦ θυσιασηρίου (66). Алтарь занималъ не одну алтарную абсиду или конху. Послѣдняя различается отъ алтаря

([129]) Ibid. кн. 4. Стр. 475.

и представляется частью его. На тоже указываютъ и боковыя двери алтарной рѣшетки, выводившія въ угольные залы храма. Алтарь возвышался надъ остальнымъ поломъ храма (17) и былъ огражденъ съ трехъ сторонъ рѣшетками— αἱ κιγκλίδες (15). Пространство внутри рѣшетки—ἔνδον отличается отъ пространства внѣ ея — ἔξω и составляетъ алтарь. Рѣшетка шла не по самому краю алтарной трибуны— по крайней мѣрѣ такъ было на передней сторонѣ, — а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, такъ что предъ нею оставалась узкая полоса трибуны, на которой можно было стоять человѣку (17). Высота рѣшетки была невелика, какъ видно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о ней; о матеріалѣ ея ничего не упоминается (66, 415 и др.).

Въ алтарной рѣшеткѣ было нѣсколько дверей, соединявшихъ алтарь съ остальнымъ пространствомъ церкви. Главныя двери находились въ срединѣ передней или западной части рѣшетки и вели къ престолу. Эти двери находились между двумя колонками—τὰ στήδεια (17), которыя, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, раздѣляли преграду на нѣсколько поясовъ и поддерживали архитравъ. Двери были двустворчатыя и украшались по верху крестами, которые императоръ, при входѣ въ алтарь, лобызалъ. Судя по тому, что митрополиты при этомъ приближали двери къ государю, на нихъ было два креста, по одному на каждой половинкѣ дверей (64--5). Эти двери назывались святыми — τὰ ἅγια θύρια (15, 28, 64, 440 и др.), αἱ ἅγιαι δύραι (17, 84 и др.), а каждая половинка--ἡ ἁγία δύρα (15). На стр. 134 упоминается предъ святыми дверями возвышенность — τὸ πούλπιτον. На немъ императоръ принималъ въ руки отъ патріарха Тѣло Христово и, спустившись внизъ, причащался его. Затѣмъ поднявшись снова, онъ причащался Крови Христовой. Судя по этому, τὸ πούλπιτον представлялъ выступъ

изъ алтарной эстрады ([130]) предъ святыми дверями (134—5). Вѣроятно въ немъ или въ самыхъ дверяхъ былъ порфировый кругъ—τὸ πορφυροῦν ὀμφάλιον (15), на которомъ императоръ становился для совершенія извѣстныхъ дѣйствій предъ входомъ въ алтарь. Въ пользу того, что этотъ кругъ находился въ выступѣ, говорятъ тѣ мѣста „Обрядника", въ которыхъ описывается обрядъ входа императора въ алтарь. Императоръ останавливается обыкновенно предъ святыми дверями—ἔμπροσθεν τῶν ἁγίων θυρῶν и только однажды въ нихъ—εἰς τὰ ἅγια θύρια (15). Послѣднее можетъ быть нерѣдкою въ „Обрядникѣ" неточностью.

Кромѣ главныхъ дверей въ алтарной рѣшеткѣ было еще двое въ южной и сѣверной сторонахъ ея (17, 548, 182 и др.). Эти двери также именуются святыми — τὸ εὐώνυμον ἅγιον θύριον (15), но въ отличіе отъ среднихъ—малыми—αἱ μικραὶ ἅγιαι θύραι (548).

Прямо противъ среднихъ святыхъ дверей находился престолъ или святая трапеза—ἡ ἁγία τράπεφα (151, 159, 164 и др.). Престолъ стоялъ на возвышеніи и къ нему нужно было подниматься по ступенямъ—τὰ βασμίδια (182). Надъ престоломъ возвышался киворій, поддерживаемый серебряными колоннами—αἱ ἀργυραὶ κίονες (591, 636).

Алтарная абсида называется—ἡ κόγχη (160) τὸ κυκλίν (15) τὸ κυκλεῖον (565, 636). На 16 стр. въ алтарной конхѣ упоминается вызолоченное распятіе — ἡ διάχρυσος ἁγία σταύρωσις. О распятіи говорится, что оно ἵδρυται—водружено, укрѣплено. Такимъ образомъ, это распятіе было не иконное

([130]) Можетъ возникнуть предположеніе, не разумѣется ли подъ τὸ πούλπιτον весь край алтарной эстрады, остающійся за рѣшеткою. Но такое предположеніе устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что названная полоса эстрады имѣетъ свое названіе, какъ будетъ видно ниже, и никогда не называется τὸ πούλπιτον.

изображеніе на стѣнѣ храма, а подобный нашимъ металлическій и именно серебряный, вызолоченный крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа.

Наконецъ, въ алтарѣ св. Софіи упоминается море св. престола — τὸ θαλασσίδιον τῆς ἁγίας τραπέζης и подножіе моря — τὸ πεξούλιον (34). Моремъ называлось устроенное по образцу ветхозавѣтнаго моря (2 Паралип. 4, 6) вмѣстилище для сліянія воды и вина при богослуженіи и для омовенія сосудовъ. Оно было богато украшено золотомъ и драгоцѣнными камнями. На подножіе его ставились измытые сосуды, а въ извѣстныхъ случаяхъ полагали свой денежный вкладъ императоры ([131]).

Средняя часть св. Софіи, подкупольная, называется храмомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—ὁ ναός (132, 185, 240, 620). Пространство между подкупольными столбами и боковыми портиками, огражденное колоннами, называлось срединой храма—ἡ μέση τοῦ ναοῦ (151); μέσον τοῦ ναοῦ (74, 126, 158, 250, 440). Боковые портики именуются сторонами, частями храма—ἡ πλαγία τοῦ ναοῦ (133, 268), τὸ δεξιὸν μέρος τοῦ ναοῦ (156), τὸ δεξιὸν μέρος τῆς ἐκκλησίας (15, 16). Лѣвая сторона храма составляла гинекей—τὸ γυναίκιον τῆς ἐκκλησίας (186). Обыкновенно думаютъ, что въ Византіи женщины становились исключительно на верхнихъ галлереяхъ, но на самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ. Въ св. Софіи и другихъ большихъ церквахъ столицы верхнія галлереи были заняты различными приспособленіями для патріаршей службы и посѣщенія ея дворомъ, почему женщины, являясь туда для молитвы, становились въ самомъ храмѣ, именно лѣвой сторонѣ его. Лѣвый портикъ и на-

([131]) Du Cange. Constant. christ. l. 39. pag. 49. Reiskii. Comment. ad Constant. porphyrog. pag. 141. De cerim. aulae Byzant. pag. 34.

зывается въ нихъ гинекеемъ, а верхнія галлереи никогда не носятъ такого наименованія.

Къ алтарной эстрадѣ примыкала площадка для клириковъ, называемая солеею—ἡ σωλέα (15, 17, 132, 145), ἡ σωλαία (164, 185, 240, 440). О пространствѣ солеи можно судить потому, что здѣсь при торжественныхъ выходахъ царей къ литургіи помѣщались сопровождавшія ихъ регаліи (15), въ воздвиженіе креста становился многочисленный штатъ чиновъ имперіи (126), производились нѣкоторые чиновники (240, 254). Солея ограждена была рѣшетками, что ясно видно изъ такихъ выраженій, какъ „войти внутрь ея"—εἰςελθὼν ἔνδον τῆς σωλέας (65) εἰςέρχοντα ἐν τῇ σωλέᾳ (112, 158 и др.), „выйти изъ нея"—ἐξέρχεσθαι τὴν σωλέαν (74, 164), „внѣ солеи" — ἔξω τῆς σωλέας (112). Въ этой рѣшеткѣ было нѣсколько выходовъ. Съ достовѣрностью извѣстны два: съ правой стороны амвона, примыкавшаго къ солеѣ, и въ правой сторонѣ рѣшетки. О первомъ говорятъ многочисленныя описанія шествія царей отъ царскихъ дверей къ святымъ, а о второмъ тѣ строки 65-й страницы, въ которыхъ читаемъ, что послѣ великаго входа императоръ прямо съ солеи проходилъ въ митаторій, бывшій вправо отъ алтаря. Вѣроятно, по соотвѣтствію съ упомянутыми входами были таковые съ лѣвой стороны амвона и въ лѣвой рѣшеткѣ. Кромѣ описанной солеи, была еще другая солея—это уже не разъ упомянутая узкая полоса алтарной эстрады, остававшаяся за алтарной преградой. Эта вторая солея не разъ упоминается въ „Обрядникѣ". Такъ, напр., на великомъ входѣ императоръ останавливается на солеѣ, и подсвѣчникъ его становится ἐπάνω τῆς σωλέας (66, 133) — на второй солеѣ, которая была очень узкою, какъ это видно изъ описанія того же великаго входа. Особенно ясно говорится о двухъ солеяхъ въ изложеніи обрядовъ великой субботы,

если она падаетъ на 25-ое марта. Здѣсь, когда императоръ прошелъ уже солею, говорится, что онъ проходитъ солею— „διέρχεται διὰ τῆς σωλέας, καὶ μέλλοντος αὐτοῦ διέρχεσθαι διὰ τῆς σωλέας κ. τ. λ. Очевидно, рѣчь идетъ о двухъ солеяхъ.

Къ западной сторонѣ солеи примыкалъ амвонъ—ὁ ἄμβων (16, 74, 192, 194, 609). Такимъ образомъ солея далеко уходила къ срединѣ храма, ибо относительно амвона извѣстно, что онъ въ св. Софіи былъ устроенъ почти среди церкви, немного болѣе къ востоку [132]). Амвонъ находился на линіи, шедшей чрезъ царскія и святыя двери (28, 440 и др.), и стоялъ предъ солеею, примыкая къ ней, какъ было упомянуто, восточной своей стороной. Амвонъ былъ снабженъ съ восточной и западной стороной лѣстницами (74, 26, 440); на первой упоминаются у лѣстницы третья и четвертая ступени снизу (126). Сѣверная и южная стороны амвона были глухія, не имѣли лѣстницъ; мимо южной стороны обыкновенно проходили отъ царскихъ дверей на солею (126 и др.). Стороны амвона называются сторонами— ἡ πλαγία τοῦ ἄμβωνος (64, 132, 158), ἡδεξιὰ πλαγία τοῦ ἄμβωνος (112), ἡ δεξιὰ τοῦ ἄμβωνος (440) и частями—τὰ τέσσαρα μερη τοῦ ἄμβωνος, τὸ ἀριστερὸν μέρος τοῦ ἄμβωνος (127), τὰ δεξιὰ μέρη τοῦ ἄμβωνος (126). На амвонѣ совершалось воздвиженіе креста, коронованіе государей, на немъ становились клирики предъ отправленіемъ литій изъ св. Софіи и т. д. Воздвиженіе креста на амвонѣ показываетъ, что стѣнки, ограждавшія его верхнюю площадку, были невысоки.

За амвономъ—ὄπισθεν τοῦ ἄμβωνος—было опредѣленное мѣсто—ὁ τόπος, на которомъ императоръ ожидалъ во время литургіи на великомъ входѣ священнослужителей, чтобы

(132) Ducang Constant. christ. I. III. pag. 67.

сопровождать ихъ съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, а крестные ходы останавливались для совершенія извѣстнаго молитвословія, прежде чѣмъ выйти изъ храма (16, 28, 65 и др.). Это мѣсто было обозначено, вѣроятно, порфировой круглой плитой, подобной вышеупомянутой, которая устраивалась въ греческихъ церквахъ въ самой срединѣ ихъ ([133]). Въ св. Софіи, быть можетъ, она была не въ самой срединѣ храма, а нѣсколько ближе къ царскимъ дверямъ; право заключать къ этому даетъ стр. 28-я, гдѣ о мѣстѣ остановки литіи говорится: „ὄπισθεν τοῦ ἄμβωνος, ἤγουν πρὸ τῶν μεγάλων πυλῶν.

Внѣ алтаря, въ лѣвой сторонѣ храма, находилась сосудохранильница — τὸ σκευοφυλάκιον (182, 184, 764). Изъ того, что въ великую субботу въ сосудохранильницу входила большая свита императора, видно, что это было вмѣстительное помѣщеніе, предназначенное для храненія священныхъ сосудовъ, благовоній и, вѣроятно, другихъ предметовъ, употреблявшихся при богослуженіи. Въ немъ находились два трона—для императора и патріарха, которые иногда сидѣли здѣсь (34, 182). Изъ описанія великаго входа видно, что въ лѣвой сторонѣ храма было и предложеніе, гдѣ заготовлялись Св. Дары. Оно составляло, вѣроятно, одно съ сосудохранильницей, какъ это бывало въ греческихъ храмахъ ([134]). Точнаго опредѣленія мѣста, гдѣ былъ устроенъ скевофилакій или сосудохранильница, въ сѣверовосточномъ угловомъ квадратѣ храма или составлялъ отдѣльную пристройку къ сѣверо-восточному углу св. Софіи, на основаніи „Обрядника“ сдѣлать нельзя. Но, кажется, онъ

([133]) Ducange. Constant. christ. l. III p. 72. Gloss. graecit. sub voce „ομφαλός“.
([134]) Ducange. ibid. s. voce „σκευοφυλάκιον“.

былъ въ самомъ храмѣ, а не внѣ его. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ тѣсная связь скевофилакія съ храмомъ и отсутствіе серьезныхъ препятствій принять этотъ взглядъ ([135]). Между тѣмъ, если смотрѣть на скевофилакій, какъ на пристройку, то придется считать таковымъ же и діакониконъ. А принять за пристройку послѣдній очень затруднительно въ виду цѣлой массы пристроекъ и зданій около юго-восточнаго угла св. Софіи. Сосудохранильницей завѣдывалъ важный патріаршій чиновникъ—сосудохранитель, σκευοφύλαξ (182), который имѣлъ своего письмоводителя χαρτουλάριος ([136]), являвшагося иногда при совершеніи извѣстныхъ обрядовъ въ сосудохранильницѣ (32).

Третью часть храма составлялъ притворъ—ὁ νάρθηξ (14, 64 и др.); этотъ притворъ былъ двухъ-этажный и въ своемъ верхнемъ этажѣ составлялъ одно цѣлое съ остальнымъ храмомъ, образуя западную галлерею катихуменовъ. Притворъ соединялся нѣсколькими дверями съ храмомъ, изъ которыхъ среднія назывались царскими вратами—αἱ βασιλικαὶ πύλαι (14, 28, 64, 74 и др.), великими—αἱ μεγάλαι πύλαι (28, 145), αἱ βασιλικαὶ μεγαλαι πύλαι (440), красными—ἡ ὡραία πύλη (636). По своему матеріалу эти двери назывались серебряными—αἱ ἀργυραὶ πύλαι (192). Въ западной стѣнѣ притвора противъ царскихъ дверей была дверь, называвшаяся великою дверью притвора — ἡ μεγάλη πύλη του νάρθηκος (126). Въ притворѣ въ извѣстныхъ случаяхъ устраивался для императора тронъ (158). Лѣвая часть притвора называется гинекеемъ, какъ и лѣвая сторона храма—ὁ γυναικιτης (182). Вѣроятно, этой стороной при-

([135]) „О чинахъ патріаршей констан—ской церкви въ средніе вѣка". Прав. Собес. 1868. Кн. 3. Стр. 55—56—80.

([136]) Н. Красносельцевъ. „Располож. и убранство древне-христ. храмовъ". Правосл. Собес. 1879. Кн. 2, стр. 60.

твора женщины входили въ храмъ. Описанный притворъ назывался великимъ, если только слово великій не употреблено по отношенію къ нему просто по привычкѣ все въ св. Софіи называть великимъ (157).

По тремъ сторонамъ св. Софіи тянулись катихумены— τὰ κατηχουμένια (67, 157, 691 и др.), τὰ κατηχούμενα (591, 635). На западной сторонѣ катихумены составляли верхній этажъ притвора и продолжались во всю ширину его (591). Южная и сѣверная галлереи катихуменовъ шли отъ стѣны до подкупольныхъ столбовъ, опираясь на четыре большія арки и 16 колоннъ. Катихумены были очень вмѣстительны, на нихъ засѣдали большіе соборы епископовъ (564), а правая сторона ихъ была занята цѣлымъ рядомъ помѣщеній патріаршихъ и дворцовыхъ. Здѣсь находились, какъ видно изъ обряда выноса креста 14 сентября (124—128). два патріаршихъ секрета: малый—τὸ μικρὸν σέκρετον и великій—τὸ μέγα σέκρετον (125—126). Послѣдній былъ ближе къ западной стѣнѣ, потому что при упомянутомъ обрядѣ выноса креста при движеніи отъ восточнаго края галлереи далѣе къ западной сторонѣ храма сначала проходили малый и потомъ великій секретъ (125—126). Великій секретъ отличался своей обширностью и богатою отдѣлкой, почему называется „τὸ λαμπρώτατον καὶ μέγα πατριαρχικὸν σέκρετον“ (761). Должно думать, что послѣдній секретъ былъ въ тѣсной связи съ митаторіемъ патріаршимъ — τὸ μητατώριον τοῦ πατριάρχου, который также былъ на катихуменахъ (160). Поводъ къ такому заключенію даетъ императорскій нижній митаторій, который заключалъ въ себѣ нѣсколько различныхъ помѣщеній. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что объ одномъ и томъ же обрядѣ говорится, что онъ совершался въ патріаршемъ митаторіи (160) и въ великомъ секретѣ (761). Такимъ образомъ, что прежде

совершалось въ одномъ мѣстѣ, то съ теченіемъ времени было перенесено въ другое, благодаря ихъ близкому сосѣдству.

Въ обрядахъ недѣли Православія упоминается евктиріонъ св. Θеофилакта — τὸ εὐκτήριον τοῦ ἁγίου Θεοφυλάκτου. Можно думать, что онъ помѣщался въ св. Софіи и именно на ея катихуменахъ. Основаніе для этого слѣдующее. Закуска послѣ литургіи полагалась въ самомъ храмѣ. Въ недѣлю Православія она совершалась въ патріаршемъ митаторіи, а при патріархѣ Θеофилактѣ (933—956 гг.) въ евктиріонѣ св. Θеофилакта. Судя по ходу дѣла, можно думать, что этотъ евктиріонъ былъ одною изъ частей патріаршаго митаторія и построенъ патріархомъ Θеофилактомъ въ честь своего ангела (160).

Въ правой галлереѣ катихуменовъ находился также митаторій императора и императрицы. Въ первомъ было нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ упоминается секретъ и въ немъ большой триклиній (160, 157). Императоръ за исключеніемъ нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ и торжественныхъ случаевъ, присутствуя за богослуженіемъ въ св. Софіи, стоялъ на правыхъ катихуменахъ (566, 636). Здѣсь у него было сѣдалище въ видѣ высокаго трона [137]), закрытаго завѣсами (125, 636); кромѣ императорскаго трона были и другія сѣдалища (125). Относительно митаторія императрицы извѣстно только то, что около него стоялъ ея тронъ (67—8).

Правая галлерея катихуменовъ, благодаря своему назначенію служить мѣстопребываніемъ во время службъ для лицъ императорскаго дома и его двора, была соединена въ юго-восточномъ углу храма съ Магнаврою, составлявшею

(137) Ducange. Gloss. graecit. sub vocibus παρακυπτικαὶ et πρόκυψις.

часть Большого дворца. Соединительнымъ звеномъ служили двуэтажные переходы, оканчивавшіеся у храма деревянною лѣстницею, выводившею на катихумены. Это былъ потайной ходъ изъ дворца въ св. Софію (125, 157, 160, 548). Въ томъ же юго-восточномъ углу катихумены соединялись съ патріаршимъ зданіемъ — „ὁ τρίκλινος Θωμαΐτης“ (260).

На каждую галлерею катихуменовъ было нѣсколько лѣстницъ, но въ „Обрядникѣ“ говорится почти о тѣхъ только, которыя вели въ правую часть ихъ — τὰ δεξιὰ μέρη τῶν κατηχουμενίων (566), какъ онъ называетъ стороны ихъ. Въ сѣверо-западномъ концѣ галлереи была великая лѣстница—τὸ μέγα κοχλίον (636). Спустившись по ней, проходили чрезъ дидаскаліонъ во внѣшній притворъ; дидаскаліонъ былъ при этомъ влѣво отъ спустившагося (126, 157). Кромѣ этой лѣстницы, на правые катихумены вела еще лѣстница гдѣ-то вблизи св. кладязя изъ храма (556 и 636) и изъ царскаго митаторія (548). Была лѣстница на катихумены сзади алтарной конхи (160). Она же, вѣроятно, разумѣется подъ восходомъ, которымъ патріархъ въ недѣлю Православія поднимался на катихумены; около нея на послѣднихъ были сѣдалища (160).

Изъ сказаннаго о катихуменахъ видно, что въ св. Софіи они могли служить помѣщеніемъ для женщинъ развѣ только въ западной и южной галлереяхъ. Потому-то кромѣ катихуменовъ, гинекеемъ служила и лѣвая сторона храма. Правая же сторона вполнѣ была занята для патріарха и двора. Нашъ русскій поклонникъ цареградскихъ святынь, архіепископъ Антоній нашелъ катихумены св. Софіи занятыми уже хозяйствомъ патріарха ([138]).

Притворомъ кончается храмъ св. Софіи. Все, о чемъ придется говорить дальше, составляетъ уже пристройки, не

([138]) Кондаковъ. Виз. цер. и памятн. К—ля. Стр. 117.

исключая и второго или внѣшняго притвора [139]). На второй притворъ въ „Обрядникѣ“ указываетъ обрядъ выноса креста 14 сентября и положеніе дидаскаліона, выходившаго лѣстницей въ закрытое зданіе (126, 157). Этотъ притворъ назывался иногда притворомъ атріума — ὁ νάρθηξ τοῦ λουτῆρος (164), если только въ данномъ, единственномъ мѣстѣ не пропущена занятая между словами διὰ τοῦ νάρθηκος и τοῦ λουτῆρος, что вполнѣ вѣроятно по сравненію съ другими подобными мѣстами, напр. 185 стр.

Къ этому притвору примыкалъ вестибулъ, преддверіе — τὸ προπύλαιον τοῦ νάρθηκος (14). Вестибулъ не составлялъ одного цѣлаго съ притворомъ, а былъ внѣ его, почему о немъ говорится — „ὄπισθεν“ за, сзади притвора и „πρό“ — предъ (64, 132). Судя по тому, что царь проходилъ въ вестибулъ чрезъ орологій, бывшій около юго-западнаго угла храма, онъ былъ пристроенъ къ этой же, западной сторонѣ, притвора. Изъ вестибула дверь, называемая „ἡ πύλη τοῦ νάρθηκος“ (14, 64), вела въ притворъ (64, 132). Въ вестибулѣ была устроена завѣса, за которою царь слагалъ и возлагалъ на себя корону (14, 132 и др.), почему этотъ вестибулъ называется также митаторіемъ [140]) (64, 440). Примыкая къ притвору восточною своею стороною, вестибулъ западною выходилъ во дворъ; дверь въ этой сторонѣ носила имя „красной“ — ἡ ὡραία πύλη. Красная дверь упоминается въ „Обрядникѣ“ три раза на стрр. 14, 440 и 636. Въ первыхъ двухъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одной и той же двери, а въ третьемъ о другой. Такимъ образомъ были двѣ

(139) Ibid. стр. 118.

(140) Если иногда о завѣсѣ говорится, что она была въ притворѣ (28, 145, 515), то это ничто иное, какъ нерѣдкая въ „Обрядникѣ“ неточность. Ср. рѣчи Забѣлина о придѣлѣ св. Димитрія Солунскаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. (Домаш. бытъ русс. царей въ XVI и XVII ст. Ч. I. Москва. 1871. Стрр. 334, 337 и др.).

двери съ именемъ красной. Первая „красная“ дверь опредѣляется слѣдующими данными. Она была на пути изъ орологіона (14, 439) въ храмъ. Изъ того, что чрезъ нее императоръ вступаетъ прямо въ вестибулъ притвора (14, 440), видно, что она вела въ послѣдній изъ прилегавшаго къ его западной стѣнѣ двора. Но между тѣмъ какъ изъ этого явствуетъ, что красная дверь не имѣла никакого отношенія къ притвору, на 636 стр. мы читаемъ: „въ притворѣ святѣйшей церкви (св. Софіи) въ красной двери встрѣтилъ его (императора) нареченный (патріархъ)“. Чинъ встрѣчи государя при поставленіи патріарха нисколько не отличался отъ встрѣчъ въ другіе торжественные дни, а въ эти дни она происходила въ царскихъ вратахъ. Такимъ образомъ, кромѣ иныхъ названій эти двери назывались еще „красными“ [141]). Но здѣсь это названіе теряется среди другихъ, между тѣмъ въ первомъ случаѣ оно имѣетъ полное значеніе.

Вдоль южной стѣны св. Софіи тянулся цѣлый рядъ пристроекъ. Начнемъ съ императорскаго митаторія. О положеніи его въ правой сторонѣ храма имѣются точныя свѣдѣнія: императоръ изъ алтаря проходитъ въ митаторій чрезъ правую дверь алтарной рѣшетки (17), идетъ изъ митаторія въ притворъ правой стороной храма (15, 156). Митаторій былъ послѣдней пристройкой къ востоку. Для опредѣленія его мѣстоположенія есть слѣдующія данныя. Прямо изъ него проходили въ правую дверь алтаря, о его отношеніи къ алтарю говорится такъ: „ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ βήματος πρὸς τὸ μητατώριον ἵσταται“. Когда императоръ шелъ изъ правой двери алтаря въ митаторій, патріархъ провожалъ его до порфировыхъ колоннъ. Эти порфировыя колонны — αἱ πορφυραὶ κίονες (548)—были колонны, поддерживавшія ка-

(141) Du Cang. Gloss. graecit. sub. v. πύλη.

тихумены между юго-восточнымъ главнымъ подкупольнымъ столбомъ и соотвѣтствующимъ ему подполукупольнымъ. Такимъ образомъ, митаторій находился немного западнѣе алтаря. Митаторій имѣлъ свой собственный выходъ въ храмъ, какъ видно это изъ многочисленныхъ упоминаній о томъ, что царь проходитъ изъ митаторія въ храмъ и обратно. Но двери на августеонъ, очень возможно, онъ не имѣлъ, такъ какъ при возвращеніи императора изъ св. Софіи во дворецъ нужно было выходить дверью святого кладязя (132, 135). Западною стороною митаторій примыкалъ къ св. кладязю. Митаторій состоялъ изъ нѣсколькихъ покоевъ. Одинъ изъ нихъ, западный, былъ триклиній (67); изъ послѣдняго вела дверь въ св. кладязь (68, 185). Отдѣленіе, сосѣднее съ триклиніемъ, составляло митаторій въ собственномъ смыслѣ (68). Назначеніемъ митаторія было доставлять императору удобное мѣсто для слушанія службы, здѣсь стояло его царское сѣдалище (193). Въ триклиніи послѣ службы предлагалась императору трапеза (67). Наконецъ, къ митаторію принадлежалъ евктиріонъ. Въ послѣднемъ упоминается крестъ, на которомъ изображены всѣ орудія страстей Христовыхъ — πάντα τὰ σύμβολα τοῦ πάθους (16) [142]). Это распятіе было серебряное — ἀργυρᾶ (565, 636).

Изъ митаторія, какъ было сказано, вела въ кладязь дверь. Эта дверь называлась малою — ἡ μικρὰ θύρα (18), ἡ θύρα (68), ἡ πύλη (68), ἡ μικρὰ πύλη (184). На порогѣ ея стано-

(142) На 415 стр. говорится объ импер. Львѣ, что онъ, совершивъ все по установленному порядку въ алтарѣ, уходитъ въ τὸ παρατίκλιν, гдѣ слушаетъ чтеніе евангелія. Ни Дюканжъ, ни комментаторъ „Обрядника“ не знаетъ такого слова. Послѣдній высказываетъ нѣсколько предположеній относительно его. Изъ нихъ лучшее то, что τὸ παρατίκλιν есть сокращеніе παρατρίκλινον (*Comm.* 428). Въ такомъ случаѣ это было одно изъ отдѣленій митаторія, въ которомъ цари дѣйствительно слушали чтеніе евангелія. Ср. Бѣляевъ. Byzantina. Вып. II. Спб. 1883. Стр. 130, прим. 1.

вился послѣ службы императоръ для раздачи денежной милостыни церковно-служителямъ (18). Въ южной стѣнѣ св. кладязя была дверь, выводившая на августеонъ, выйдя изъ нея, вступали въ портикъ, ведшій въ Большой дворецъ. Отъ св. кладязя этотъ портикъ заимствовалъ свое названіе — ὁ ἔμβολος τοῦ ἁγίου φρέατος (27, 135, 168). Противъ наружной двери — ἡ ἔξω πύλη (34) — находилась дверь изъ св. кладязя въ храмъ. Эта дверь (74, 155, 163, 182, 240, 250, 507) вела въ южную или правую сторону св. Софіи (27, 547—8, 566, 636). Она называется великою — ἡ μεγάλη πύλη (34, 547). Отдѣленіе св. кладязя едва ли имѣло нѣсколько дверей въ храмѣ, и потому упомянутая дверь называлась великой, вѣроятно, въ отличіе отъ малой, ведшей въ кладязь изъ митаторія. Чрезъ св. кладязь императоръ обычно входилъ и выходилъ изъ храма; за немногими исключеніями здѣсь встрѣчалъ его при вступленіи въ церковь патріархъ. Въ св. кладязѣ устроена была завѣса — ἡ χορτίνα (68), τὸ βῆλον (135), за которой патріархъ по окончаніи службы возлагалъ на императора корону (18). Въ св. кладязѣ хранилась святыня, называемая „τὸ ἅγιον φρέαρ“, которая чествовалась поклоненіемъ и лобзаніемъ (547). Отъ нея описываемая пристройка получила свое названіе. Св. кладяземъ называлась каменная оградка того колодца, около котораго Господь бесѣдовалъ съ Самарянкою (Іоан. 4, 6). Привезенная Юстиніаномъ изъ Палестины, она была положена въ отдѣльной пристройкѣ къ св. Софіи ([143]) вмѣстѣ съ другими святынями. Впослѣдствіи она была перенесена отсюда въ алтарь, гдѣ ее видѣли наши поломники ([144]).

([143]) Du Cang. Constant. christ. l. III. pagg. 69—70. Banduri. Imperium orient. T. I, pars III, p. 75. Unger Griechische Kunst. Encykl. von Esrch und Gruber. Sect. 1. Theil. 84. Ss. 526—527.

([144]) Архим. Леонидъ. Обозр. царегр. пам. и свят. XIV и XV. вв. Стр. 16.

На той же южной сторонѣ храма находился орологіонъ — τὸ ὡρολόγιον (64, 156, 192 и др.), τὸ ὡρολόγιον τῆς ἁγίας Σοφίας (14), τὸ ὡρολόγιον τῆς μεγάλης ἐκκλησίας (63). Объ отношеніи орологіона къ митаторію и св. кладязю ничего опредѣленнаго не говорится, кромѣ того, что онъ былъ въ одной сторонѣ съ митаторіемъ (268). Въ орологіонѣ было нѣсколько дверей: одна, южная, выходила на августеонъ (63), другая, вѣроятно противоположная, во дворъ храма (415). Къ этой двери орологіона примыкало большихъ размѣровъ преддверіе — ὁ μέγας πυλῶν, чрезъ которое и проходили во дворъ — εἰς τὸ μέσαυλον. Слѣдовательно, орологіонъ примыкалъ къ юго-западному углу св. Софіи ([145]).

Съ южной стороны къ второму или внѣшнему притвору примыкалъ дидаскаліонъ — τὸ διδασκαλεῖον (126, 156). Его мѣстоположеніе опредѣляется съ точностью. Изъ того, что 14 сентября при выносѣ креста изъ дидаскаліона шли къ великой двери притвора и потомъ къ царскимъ вратамъ, слѣдуетъ, что дидаскаліонъ соприкасался съ внѣшнимъ притворомъ. Относительно того, съ какой стороны примыкалъ онъ къ нему, не можетъ быть вопроса. То обстоятельство, что чрезъ него шли, спустившись съ правой галлереи катихуменовъ, ясно говоритъ о положеніи его на южной сторонѣ храма. Дидаскаліонъ былъ выше притвора и потому въ послѣдній спускались по ступенямъ (τὰ βάθρα, τὰ γραδήλια). Какъ орологіонъ получилъ свое названіе отъ устроенныхъ въ немъ часовъ, такъ дидаскаліонъ — отъ того, что служилъ мѣстомъ оглашенія для готовившихся къ крещенію ([146]). Въ дидаскаліонѣ была устроена доска, на которой была написана пасхалія — ἐπιγέγραπται τὰ πασχάλια (126, 157).

([145]) Ср. Бѣляевъ. Byzantina. Вып. II. Спб. 1893. Стрр. 95—97.
([146]) Reiskii. Commen. pagg. 120—121.

Ко второму или внѣшнему притвору примыкалъ атріумъ. Изъ устройства атріумовъ извѣстно, что они представляютъ обширный дворъ, обнесенный портиками. Восточный составлялъ екзонартексъ св. Софіи. Въ центрѣ атріума находился фонтанъ—ὁ λουτήρ (74, 185 и др.). Въ западной сторонѣ атріума, противъ среднихъ дверей притвора, находилась входная дверь — ἡ μεγάλη πύλη (156), которая выводила изъ храмовыхъ построекъ на площадную галлерею—ὁ ἀθύρας (74, 164. 185 и др.). Около этой двери была устроена лѣстница, снабженная по сторонамъ перилами—τὰ γραδήλια (74, 185).

Сзади алтаря—ὄπισθεν τοῦ βήματος—шла узкая галлерея, носившая имя „св. Николая“ или „перехода св. Николая“. Входили въ эту галлерею съ одной стороны алтаря, а выходили на другой. Въ „Обрядникѣ“ царь обыкновенно, вышедши изъ лѣвой двери алтаря, шелъ переходомъ на правую сторону къ св. кладязю. Такимъ образомъ, галлерея огибала всю алтарную конху (34, 182—184).

Наконецъ, въ „Обрядникѣ“ упоминается еще одна пристройка къ св. Софіи—крещальня. Онъ ясно говоритъ о крещальнѣ—ὁ βαπτιστήρ, что она находилась внѣ храма (620), хотя была въ близкой связи съ нимъ. Изъ позднѣйшихъ изслѣдованій лучшія указываютъ ее около сѣверо-восточнаго угла храма ([147]). Крещальня называлась великою—ὁ μέγας βαπτιστήρ. О смыслѣ названія думаютъ различно. Одни объясняютъ его происхожденіе изъ обширности зданія ([148]); другіе говорятъ, что словомъ „великій“ она отличалась отъ крещальни или фонтана въ атріумѣ ([149]);

([147]) Н. Кондаковъ. Виз. церкви и пам. К—ля. Стр. 117. Люиксъ. Планы древ. церк. К—ля, стр. 251.

([148]) Du Cang. Constantinopol. christ. l. III, p. 72—73,

([149]) Е. Е. Голубинскій. Ист. р. церк. т. I. полов. 2. Стр. 212. Примѣч. 3.

третьи же, кромѣ одной крещальни, допускаютъ при храмѣ еще другую, называемую въ отличіе отъ первой — „малою“ ([150]).

Изложеннымъ ограничивается заключающійся въ „Обрядникѣ“ матеріалъ для изученія св. Софіи ([151]). Количество его невелико, но, какъ было замѣчено въ началѣ рѣчи о св. Софіи, онъ очень важенъ. Важенъ онъ тѣмъ болѣе, что пристройки храмовыя не составляютъ чего-либо явившагося въ позднѣйшее время. Говоря это, мы имѣемъ въ виду пристройки главнымъ образомъ на южной сторонѣ св. Софіи; крещальня и атріумъ несомнѣнно были построены вмѣстѣ съ церковью, какъ небоходимыя для нея зданія. Остальныя пристройки явились также на первыхъ порахъ или немного спустя послѣ окончанія постройки св. Софіи. Основаніе думать такимъ образомъ даетъ уже то обстоятельство, что записи, вошедшія въ составъ „Обрядника“, относятся ко временямъ VI—X вв. Но мало того, есть положительныя указанія на время происхожденія пристроекъ. Юстиніанъ, перевезя Самарійскій камень въ Византію, какъ было сказано, положилъ его въ особомъ притворѣ при св. Софіи. Очень возможно, что этотъ притворъ былъ описанный св. кладязь. А если и не такъ, то это обстоятельство не теряетъ своей важности, ибо указываетъ на время появленія пристроекъ вообще. Анонимъ, изданный Banduri, говоритъ о митаторіи, что онъ построенъ самимъ Юстиніаномъ ([152]). Такимъ образомъ, пристройки, появленіе кото-

([150]) Н. Кондаковъ. Виз. цер. и пам. К—ля. Стр. 120.

([151]) Остались непримѣненными къ дѣлу два слова на 158 стр.—τὸ μητάτον и τὸ τρίγωνον, какъ непонятныя для насъ. Это своего рода ἅπαξ λεγόμενα „Обрядника“. Они не поддались опредѣленію даже ученыхъ византинистовъ, какъ наприм. Унгера. См. Ersch und Gruber. Encyklop. Sect. I. Theil 84. Seit. 404.

([152]) Banduri. Imperinm orientale. T. 1. Pars III, pag. 77.

рыхъ при храмѣ св. Софіи было вызвано отчасти строительными цѣлями ([153]), а главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что св. Софія была каѳедральнымъ храмомъ столицы, такъ же древни, какъ самый храмъ. Между тѣмъ нигдѣ въ описаніяхъ или изслѣдованіяхъ св. Софіи о нихъ не говорится, и случается слышать отъ посѣтителей Византіи, что св. Софія сохранилась въ цѣлости до нашего времени. Только Лабартъ впервые воспользовался данными „Обрядника" и составилъ планъ св. Софіи со всѣми ея пристройками. Унгеръ въ своей статьѣ о византійскомъ искусствѣ сказалъ кое-что о св. Софіи и ея пристройкахъ, но говоря о послѣднихъ, онъ далеко не безупреченъ, потому что основываетъ свое пріуроченіе той или другой пристройки часто на основаніяхъ, которыя не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ серьезнаго значенія. Такъ, напр., говоря объ орологіонѣ св. Софіи, онъ предполагаетъ, что орологіономъ служила извѣстная Грелотова башня на западной сторонѣ двора храма. Проходъ въ этой башнѣ онъ называетъ вестибуломъ притвора, восточною дверь его „красною" и т. д. Но вѣдь прежде чѣмъ дѣлать такія предположенія, необходимо доказать, что эта башня не составляетъ позднѣйшей пристройки. А между тѣмъ едва ли возможно это доказать ([154]). Да если бы и удалось это сдѣлать, то вѣдь за исключеніемъ единственнаго въ „Обрядникѣ" мѣста (стр. 182), которое при томъ можетъ быть безъ труда истолковано иначе, все говоритъ противъ предположеній Унгера ([155]). Вообще, когда Унгеръ говоритъ объ „Обрядникѣ", то не заслуживаетъ, по отзыву знатоковъ дѣла ([156]), довѣрія,

([153]) Н. Кондаковъ. Виз. цер. и памятн. К—ля. Стр. 118.
([154]) Н. Кондаковъ. ibid. стр. 120.
([155]) Ersch und Gruber. Encyklop. Sect. I. Theil 84. S.s. 402—404.
([156]) Бѣляевъ. Обзоръ глав. частей Б. дворца виз. царей. Стр. 6 Примѣчаніе 1.

потому что самъ не читалъ его. Въ русской литературѣ, за исключеніемъ статьи Каневскаго „Выходы византійскихъ императоровъ въ церковь св. Софіи въ праздники рождества Христова и Богоявленія“, помѣщенной въ Труд. К. д. ак. за 1872 г., изъ чтенія которой выносится убѣжденіе, что авторъ крайне смутно представлялъ то, о чемъ говорилъ, объ исчезнувшихъ притворахъ св. Софіи до послѣдняго времени почти ничего не имѣлось, пока въ прошломъ году не появился въ свѣтъ 2-й выпускъ „Byzantina“ Д. Ѳ. Бѣляева, гдѣ мы имѣемъ полную реставрацію св. Софіи ([157]).

Св. Софія, какъ было замѣчено, можетъ разсматриваться за образецъ храмовъ византійскаго архитектурнаго стиля. Но, будучи таковою, она тѣмъ не менѣе представляетъ въ памятникахъ зодчества явленіе исключительное, „равнозначительнаго которому лѣтописи христіанскаго искусства не могутъ записать“ ([158]). Поэтому, познакомившись съ св. Софіей, очень не лишне изучить и остальные храмы Византіи. Общій типъ византійскаго храма, насколько можно видѣть изъ „Обрядника“, таковъ Храмъ—ὁ ναός, ἡ ἐκκλησία—распадается на три части: алтарь, храмъ и притворъ. Алтарь—τὸ θυσιαστήριον (102. 103. 112), τὸ ἅγιον θυσιαστήριον (552), τὸ βῆμα (103. 117), τὸ ἅγιον βῆμα (552) ([159])—находился въ восточной части храма, вѣроятно, въ алтарной конхѣ (533. 537). Отъ остального пространства храма алтарь отдѣлялся рѣшеткой (533. 536. 622). Двери въ срединѣ ея назывались святыми—αἱ ἅγιαι θύραι (102. 103. и 211 др.), τὰ ἅγια θύρια (103. 120 и др.). На этихъ

([157]) Отзывъ о ней см. въ „Визант. Времен.“ Т. 1, в. I. Стр. 179.
([158]) Люиксъ. Планы древн. церк. Кон—ля. ibid. Стр. 254.
([159]) Въ „Обрядникѣ“ оба названія алтаря употребляются почти одинаково, но всетаки первое встрѣчается нѣсколько чаще. Это было общеупотребительное названіе алтаря и доселѣ сохранилось въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ.

дверяхъ были устроены, какъ и въ св. Софіи, кресты (103. 112. 120). Кромѣ св. дверей были несомнѣнно и малыя или боковыя св. двери; указанія на нихъ можно часто встрѣчать (напр. стр. 77), но прямо о нихъ не упоминается нигдѣ. Описанная алтарная рѣшетка не сохранилась въ нашихъ храмахъ, она перешла въ иконостасъ. Но вмѣсто нея у насъ явилась новая рѣшетка, которая представляетъ точное воспроизведеніе первоначальной алтарной. Это—рѣшетка, которая нерѣдко въ нашихъ храмахъ тянется по солеѣ, отдѣляя её отъ остального храмового пространства. Очень возможно, что въ св. дверяхъ или передъ ними былъ обычный порфировый кругъ; на немъ императоръ останавливался передъ входомъ въ алтарь, когда являлся за службу или на богомолье въ тотъ или другой изъ храмовъ столицы. Надъ стоящею среди алтаря св. трапезою возвышался устроенный изъ богатаго матеріала киворій (534). Стороны алтаря называются сторонами—ἡ πλαγία τοῦ θυσιαστηρίου (103) и частями — δεξιὸν μέρος τοῦ βήματος (551. 563).

Средняя часть храма или ναός въ тѣсномъ смыслѣ слова распадалась на три части: средину—μέσον τοῦ ναοῦ (102. 112. 117 и др.), μέσον τῆς ἐκκλησίας (124), ἡ μέση τῆς ἐκκλησίας (552)—и боковыя, называемыя частями—τὸ δεξιὸν μέρος τοῦ ναοῦ (112). Средняя часть была подкупольная, а боковыя помѣщались подъ сѣверными и южными катихуменами. Въ средней части храма находилась, какъ и въ св. Софіи, солея—ἡ σωλέα (102 и др.), ἡ σωλαία (166. 552 и др.), огражденная рѣшетками (112); къ ней примыкалъ амвонъ, по сторонамъ котораго были дверцы на солею,—ὁ ἄμβων (85. 102. 112 и др.). Въ св. Софіи, какъ было замѣчено, лѣвая сторона храма служила гинекеемъ; правая сторона тамъ была занята свитой императора и дво-

ромъ. Въ другихъ же храмахъ столицы не только лѣвая сторона ихъ была назначена для стоянія женщинъ, но и правая служила гинекеемъ (31. 77. 103. 118. 121. 167. 563), тамъ что для мущинъ оставалась лишь средняя часть ([160]).

Изъ храма выходили въ притворъ — ὁ νάρθηξ. Главный или средній входъ составляли царскія врата, но кромѣ этихъ вратъ упоминаются еще другія (76. 166) и, наконецъ, врата, которыми проходили изъ притвора въ боковыя пространства храма или гинекей (536). Въ западной стѣнѣ притвора, кромѣ средней двери, приходившейся противъ царскихъ вратъ—ἡ μέση πύλη. τοῦ νάρθηκος (105, ср. 101, 117), были и другія двери (102). Къ дверямъ притвора поднимались по лѣстницѣ, обнесенной перилами—τὰ γραδήλια (74. 164—165). Если дверей въ западной сторонѣ притвора было нѣсколько, то ступеньки должны были тянуться во всю ширину притвора (102) [161]).

Притворъ былъ обыкновенно двуэтажный. Составляя въ нижнемъ этажѣ самостоятельную часть храма, въ верхнемъ онъ сливался въ одно съ средней частью его, образуя западную галлерею катихуменовъ. Катихумены—τὰ κατηχουμένια (100. 112), τὰ κατηχούμενα (104)—тянулись по всѣмъ тремъ сторонамъ византійскихъ храмовъ; на западной сторонѣ они шли по всему притвору отъ западной его стороны до царскихъ вратъ. Изъ всходовъ на катихумены упоминается преимущественно одинъ, называемый западнымъ, τὸ δυτικὸν κοχλίον (104). Этотъ всходъ — τὸ ἀναβάσιον (549)—велъ въ западную галлерею катихуменовъ. Онъ находился въ правой сторонѣ притвора, въ стѣнѣ, но въ ка-

([160]) Ср. Beiskii. Comment. ad. Constant. porphyrogen. p. 135—136.

([161]) Кромѣ дверей въ западной стѣнѣ храма, однажды упоминается дверь въ лѣвой или сѣверной стѣнѣ его (p. 30).

кой, рѣшить нельзя; всходъ запирался изъ притвора дверью (77. 80. 103. 105. 110. 112—113 и др.). Кромѣ этой лѣстницы, на катихумены вели еще другія, изъ которыхъ упоминается одна, потайная, бывшая въ правой сторонѣ храма св. Мокія (103). Эти лѣстницы были деревянныя — ἡ ξυλίνη σκάλα (166. 167).

Сейчасъ описанный типъ храма повторялся неизмѣнно, за немногими развѣ исключеніями, въ церквахъ Византіи, были ли это церкви монастырскія, приходскія или домовыя, самостоятельныя или придѣльныя. Что же касается атріума, крещальни и другихъ построекъ, которыя были упомянуты при описаніи св. Софіи, то нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются лишь при болѣе или менѣе обширныхъ храмахъ, а нѣкоторыя составляютъ отличительную принадлежность одного или двухъ изъ упомянутыхъ въ „Обрядникѣ“ храмовъ. Наконецъ, нѣкоторыя части храма, не смотря на то, что онѣ несомнѣнно существовали въ византійскихъ церквахъ, какъ необходимыя, упоминаются лишь въ очень немногихъ, а иногда только въ одной.

Въ большихъ церквахъ Византіи за притворомъ слѣдовалъ атріумъ, называемый иногда по своему устройству — τὸ ἐξάερον (560. 561. 563). Хотя онъ упоминается въ очень немногихъ храмахъ, но немногія рѣчи о немъ довольно содержательны и даютъ возможность ясно представить устройство атріума. Атріумъ представлялъ собою открытый дворъ, съ трехъ сторонъ обнесенный стѣнами, а четвертою примыкавшій къ западной стѣнѣ притвора, съ которымъ онъ сообщался нѣсколькими дверями, носившими названіе—ἡ πύλη τοῦ λουτῆρος (100. 110—111. 561. 563). Въ западной стѣнѣ атріума была одна дверь, называемая „внѣшней“—ἡ ἔξω πύλη (111), или нѣсколько дверей (561). Въ храмѣ св. Пантелеимона εἰς τὰ Ναρσοῦ предъ атріумомъ,

примыкая къ западной стѣнѣ его, былъ устроенъ входный портикъ или пропилей, примыкавшій къ тянувшемуся около него уличному портику. Въ отличіе отъ храмовыхъ пропилеевъ этотъ послѣдній назывался „внѣшнимъ“ — τὸ ἔξω προπύλαιον (561). Въ сѣверной и южной стѣнахъ, атріума также были двери (101. 105). Хотя атріумъ возвышался надъ уровнемъ земли, такъ что съ улицы вели въ него ступени—τὰ σκαλία (561), но тѣмъ не менѣе онъ былъ ниже уровня притвора; куда всходили изъ него по лѣстницѣ (100 и др.). Въ атріумѣ, вѣроятно, на срединѣ его, устраивался водоемъ — ὁ λουτήρ (100, 102. 109 и др.), въ которомъ предъ входомъ въ храмъ омывали лице и руки (100). По сторонамъ атріума тянулись галлереи (563). Въ монастырскомъ храмѣ святаго Іоанна Предтечи въ Студійской обители и въ упомянутомъ же храмѣ св. Пантелеимона въ атріумѣ были еще τὸ ἀναδενδράδιον (561. 563) ([162]). Дюканжъ не зналъ этого слова. Авторъ примѣчаній къ „Обряднику“ передаетъ его словами „arboretum“ и „viridarium“, а русскій ученый, имѣвшій дѣло съ 13-ою главою 2-ой части изучаемаго памятника, передаетъ τὸ ἀναδενδράδιον словомъ „терраса“ ([163]). Τὸ ἀναδενδράδιον можно бы понимать, какъ названіе атріума, каковое значеніе имѣетъ viridarium (франц. le préau) ([164]); но въ текстѣ эти два понятія различаются, напр., ἐξέρχονται εἰς τὸ ἐξάερον εἰς τὸ ἐκεῖσε ἀναδενδράδιον (561). Остается признать за τὸ ἀναδενδράδιον значеніе, какое имѣютъ лат. viridarium и arboretum. Это было усаженное деревьями мѣсто на храмовомъ

([162]) Возможно, впрочемъ, что здѣсь подъ ἐξάερον разумѣется церковный дворъ вообще, въ какомъ значеніи это слово употреблялось въ „Обрядникѣ“ (напр. на 533 стр.).

([163]) Мансвеновъ. Церков. уст. стр. 85, прим. 1.

([164]) Du Cange. Gloss. lamin. sub voce „viridarium“ (t. VI. p. 850).

дворѣ [165]), какія бывали въ Византіи въ атріумахъ [166]). Было это и на западѣ, почему и слово arboretum встрѣчается въ монашескихъ уставахъ [167]). Быть можетъ, среди деревъ была устроена бесѣдка, терраса или что либо подобное, гдѣ въ извѣстныхъ случаяхъ поставлялась трапеза [168]). Атріумъ упоминается у слѣдующихъ храмовъ: святыхъ апостоловъ (ч. 1 гл. 10; ч. 2 глл. 6 и 7), τῆς πηλῆς Богоматери (ч. 1 гл. 18), св. Мокія (гл. 17), св. Пантелеимона εἰς τὰ Ναρσοῦ (ч. 2 гл. 13) и въ Студійскомъ монастырѣ у храма Предтечи (ibid.). Въ послѣднемъ атріумъ сохранился болѣе или менѣе доселѣ и можетъ дать ясное представленіе о дворахъ византійскихъ церквей [169]).

Внѣшній притворъ или пропилей — ὁ παρανάρθηξ (257), τὸ προπύλαιον (27. 124. 551) упоминается въ слѣдующихъ храмахъ: святыхъ апостоловъ въ Большомъ дворцѣ, свв. апостоловъ, Богоматери во Влахернахъ и въ Фарѣ и св. Димитрія въ Фарѣ. Тѣ храмы, которые имѣли атріумъ, пропилеемъ могли имѣть восточную галлерею его. Оставляя пока въ сторонѣ влахернскій храмъ Богоматери и свв. апостоловъ, объ остальныхъ можно сдѣлать очень немного замѣчаній. Въ храмѣ Богоматери въ Фарѣ, кромѣ пропилея, былъ настоящій притворъ; пропилей соединялся съ нимъ нѣсколькими дверями, изъ которыхъ „Обрядникъ“ называетъ „среднія“ (257). Изъ нѣкоторыхъ подробностей службы на 26 октября и близкой связи храма св. Димитрія съ Фарскимъ храмомъ Божьей Матери слѣдуетъ, что онъ также имѣлъ внутренній притворъ. О храмѣ-же свв. апостоловъ

(165) ibid. s. v. „arboretum“ (t. I. p. 362) et „viridarium“. Reiskii. Ibid. p. 651.

(166) Кондаковъ. Виз. церк. и памят. К-ля, стрр. 145. 204.

(167) Du Cang. ibid. s. v. „arboretum“.

(168) De cerim. aulae Byzant. pp. 561. 563.

(169) Кондаковъ. Виз. церк. и памят. Кон-ля, стр. 145.

ничего сказать нельзя; извѣстенъ только его пропилей. Иногда этотъ пропилей принимается за внутренній притворъ— „ὁ νάρθηξ“ ([170]), но едва ли справедливо. Въ „Обрядникѣ“ пропилей и притворъ ясно различаются и отожествлять ихъ нельзя, напр. „ἐν δὲ τῷ προπυλαίῳ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας δέχεται... εἰσιόντων εἰς τὸν νάρθηκα“ (551—552).

Крещальня—ὁ βαπτιστήρ была при первозданномъ храмѣ Богородицы и при церкви св. Стефана въ Дафне. Въ послѣдней упоминается водоемъ — ἡ κολυμβήθρα (141). Это было углубленіе въ полу крещальни или купель; она устраивалась изъ мрамора или подобнаго матеріала. Края купели были почти вровень съ поломъ, въ нее спускались по ступенямъ ([171]). Въ крещальнѣ при упомянутомъ храмѣ Богоматери упоминаются стоявшіе въ ней три большихъ и прекрасныхъ креста—εὐμεγέθεις καὶ περικαλλεῖς σταυροί (5).

Многіе изъ византійскихъ храмовъ нерѣдко посѣщались императорами, которые слушали въ нихъ церковную службу или являлись для поклоненія святынѣ ихъ. Это были храмы знаменитыхъ монастырей, какъ Студійскій, или славные своими святынями, какъ св. Пантелеимона εἰς τὰ Ναρσοῦ. Присутствіе за службой императора требовало много приспособленій, такъ какъ придворный церемоніалъ соблюдался въ Византіи строго. Этимъ обусловливалось устройство въ храмахъ Богоматери τῆς πηγῆς, св. Мокія, свв. Сергія и Вакха и Предтечи въ Студійской обители митаторія. Хотя не во всѣхъ этихъ храмахъ митаторій описывается подробно, но несомнѣнно, что устройство его вездѣ было одинаково ([172]). Митаторій состоялъ изъ трехъ отдѣленій: триклинія, въ ко-

([170]) Бѣляевъ. Byzantina. Кн. 1. Стрр. 103. 127. 135. 137. 139.

([171]) Красносельцевъ. Располож. и убранст. древне-христ. храмовъ. Правосл. Собесѣдн. 1880. ч. I стр. 388.

([172]) Reiskii. Comment. ad Constant. porphyrogen. pag. 630—635.

торомъ императоръ закусывалъ послѣ службы, собственно митаторія, гдѣ царь переодѣвался, и отдѣленія для отдыха— ὁ κοιτών (88. 100 — 101. 103. 104. 109 — 110 и др.). Особенно ясно обрисована эта послѣдовательность въ храмѣ Богоматери τῆς πηγῆς. Здѣсь входъ въ митаторій открывался дверью въ узкій триклиній, изъ котораго проходили въ митаторій и далѣе въ спальню или китонъ (109—110). Митаторій устраивался въ западной галлереѣ катихуменовъ, въ сѣверной половинѣ ихъ (ibid.). Исключеніе представляетъ митаторій въ Студійскомъ храмѣ Крестителя. Здѣсь онъ по своему положенію напоминаетъ нижній императорскій митаторій въ св. Софіи, будучи устроенъ въ правой сторонѣ храма противъ алтаря (563). Упоминаются митаторіи и еще въ нѣкоторыхъ церквахъ, но тамъ они были устраиваемы, кажется въ виду того или другого частнаго случая и представляли образованную завѣсами комнатку, въ которой императоръ переоблачался. Такимъ образомъ, здѣсь была только одна, средняя часть настоящаго митаторія (413. 537). Въ храмѣ св. Димитрія въ Фарѣ и св. Пантелеимона εἰς τὰ Ναρσοῦ упоминается τὸ τετράσερον (114. 561). Это было, вѣроятно, огражденное съ четырехъ сторонъ рѣшетками или чѣмъ либо подобнымъ, быть можетъ, устроенное въ видѣ сѣни царское мѣсто, гдѣ императоръ слушалъ службу и куда вносились священно-служителями для поклоненія святыни храма (ibid.). Тетрасеронъ находился въ лѣвой сторонѣ храма вблизи алтаря (561. Ср. 124). Обычнымъ мѣстомъ стоянія императора за службой была правая галлерея катихуменовъ, гдѣ онъ становился вблизи алтаря и смотрѣлъ на совершавшееся въ немъ священнодѣйствіе. Отсюда это обычное мѣсто стоянія императора — ὁ εἰθισμένος τόπος (112), ὁ συνήθης τόπος (113) — получило названіе τὸ παρακυμπτικόν

(88), τὸ παρακυπτικὸν (103), о которыхъ было уже говорено при описаніи св. Софіи.

Изучая византійскія церкви по „Обряднику“, мы встрѣчаемся очень часто съ такъ называемыми евктиріонами—τὸ εὐκτήριον. Евктиріоны, какъ видно изъ изучаемаго памятника, нисколько не отличались своимъ устройствбмъ отъ другихъ храмовъ. Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится объ евктиріонѣ св. пророка Иліи въ Фарскомъ храмѣ Богоматери, дворцовыхъ евктиріонахъ ап. Петра и вмч. Ѳеодора, ясно видно ихъ полное тожество съ храмами. Они распадаются на три части: алтарь, отдѣленный рѣшеткою (622. 625—626); святыми дверями выходили изъ алтаря (625—6) въ среднюю часть храма, изъ которой царскими вратами вступали въ притворъ (116—117. 122—123). Изъ притвора ἡ πύλη (550) выводила наружу. Упоминаемые въ „Обрядникѣ“ евктиріоны были нѣсколькихъ родовъ. 1) Евктиріоны представляли собою придѣльные храмы, вполнѣ сходные съ нашими придѣлами. Явленіе очень любопытное для историка церковной архитектуры. Евктиріоны придѣльные были въ слѣдующихъ церквахъ: въ Фарскомъ храмѣ Богоматери имени пророка Иліи; былъ устроенъ съ какой либо стороны алтаря или около храмовой стѣны вблизи алтаря, такъ какъ по выходѣ изъ него къ выходной двери церкви шли чрезъ средину ея (116—117). Евктиріонъ св. Троицы при храмѣ Богоматери въ Дафне; принадлежалъ къ этой церкви и былъ въ тѣсной связи, но находился не въ ней самой (7—8). Евктиріонъ св. Іоанна Предтечи въ церкви монастыря св. Троицы τὰ Σταυρακίου (647). Его же евктиріонъ въ церкви монастыря св. Евфиміи Евморфу (648). Оба евктиріона находились въ правой сторонѣ церквей. Евктиріонъ св. мученика Льва въ правой сторонѣ храма всѣхъ святыхъ. Къ этому же храму всѣхъ святыхъ

принадлежали еще два евктиріона, положеніе которыхъ по отношенію къ нему уяснить трудно. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ св. Ѳеофано и находился, вѣроятно, въ лѣвой сторонѣ храма; кажется, въ той же сторонѣ, но уже примыкая съ евктиріону св. Ѳеофано, находился большой евктиріонъ св. Ипатія (537—538). Евктиріонъ пресвятой Богородицы на катихуменахъ, кажется, западныхъ въ храмѣ свв. Сергія и Вакха (88). Этотъ послѣдній обычай устройства придѣловъ перешелъ и въ русскую храмовую архитектуру, хотя и не распространился такъ широко, какъ первый. Изъ древнихъ храмовъ можно указать для примѣра на Новгородскіе, гдѣ устроялись придѣлы на западныхъ полатяхъ ([173]), а изъ новыхъ на храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 2) Евктиріонами называется большая часть храмовъ дворцовыхъ, находившихся внутри дворцовыхъ зданій, которые иногда впрочемъ именуются также храмами. Таковы: евктиріонъ ап. Петра (122 — 123), св. Василія (539. 550. 559), св. вмч. Ѳеодора (540 и мн. др.), Богоматери (334). 3) Наконецъ, евктиріономъ называется самостоятельная церковь св. Каллиника (56). Евктиріоны, какъ было сказано, ничѣмъ не отличались отъ храмовъ по устройству. Очень нерѣдко евктиріоны называются храмами ὁ ναός и наоборотъ, такъ что трудно рѣшить, какъ они собственно назывались. Евктиріонъ св. Василія въ Лавзіакѣ называется иногда ὁ ναός (137), евктиріонъ св. Константина на форумѣ большею частью именуется ὁ ναός (30. 163—165). Наоборотъ, церкви Богоматери и св. Стефана въ Дафне, почти всегда называемыя ὁ ναός, иногда именуются евктиріонами—τὰ εὐκτήρια τῆς δάφνης (176). Откуда же явилось названіе храмовъ евктиріономъ и каковъ смыслъ его? Объяснять дѣло такъ, что

([173]) Арх. Макарія. Археол. опис. церковн. древн. въ Новгор. Ч. I. М. 1860. стр. 25—27.

они получили свое названіе за свою малую величину, по которой скорѣе походили на часовни, чѣмъ на настоящіе храмы, нельзя. Храмъ Богоматери въ Дафне имѣлъ евктиріонъ св. Троицы, храмъ св. Стефана имѣлъ крещальню, а евктиріонъ св. Ипатія, съ которымъ мы встрѣчались уже, имѣлъ атріумъ. Можно предполагать, что это были большія церкви. Вѣроятно, евктиріонами назывались частныя церкви, помѣщенныя въ другихъ церквахъ и домахъ, какъ предполагаетъ Рейске ([174]). Но и здѣсь, какъ было сказано, въ примѣненіи къ евктиріонамъ дворцовымъ это не соблюдается строго. При томъ остается необъяснимымъ названіе евктиріонами самостоятельныхъ храмовъ.

Евктиріоны служили иногда для погребенія. Въ евктиріонѣ Предтечи въ храмѣ монастыря св. Троицы τὰ Σταυρακίου были погребены императоръ Ставракій, скончавшійся здѣсь послѣ кратковременнаго правленія въ заточеніи 11 января 812 года, и раздѣлявшая съ нимъ тяжелую долю супруга его Θеофано. Оба положены въ одномъ саркофагѣ изъ бѣлаго мрамора (647). Во второмъ изъ упомянутыхъ евктиріоновъ Предтечи было два саркофага, украшенныхъ барельефами. Первый, стоявшій у сѣверной стѣны евктиріона, заключалъ въ себѣ тѣло дочери императора Василія Анастасіи. Во второмъ, стоявшемъ у южной стѣны противъ перваго, меньшемъ по размѣру, были погребены: дочери того же Василія, Анна и Елена, и Зоя Карбонопсина, четвертая супруга Льва Мудраго, заточенная въ монастырь св. Евфиміи Евморфу Романомъ Лакапеномъ (648).

Лучшимъ изъ храмовъ Византіи послѣ св. Софіи былъ храмъ святыхъ апостоловъ—ὁ ναὸς τῶν ἁγίων ἀποστόλων (85 и др.) или святые апостолы — οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι (76

([174]) Beiskii. ibid. p. 42—43.

и др.) [175]). Храмъ апостоловъ служилъ усыпальницей для византійскихъ царей и патріарховъ, слѣдовательно былъ однимъ изъ важнѣйшихъ храмовъ столицы. Лицъ, не имѣвшихъ царскаго достоинства или патріаршаго сана, здѣсь погребать не позволялось. Назначеніе апостольскаго храма служить усыпальницей царей и патріарховъ приписывается его основателю — Константину великому. Храмъ святыхъ апостоловъ, какъ извѣстно, былъ крестообразной формы; алтарь помѣщался въ срединѣ соединенія рукавовъ креста ([176]). Это необходимо имѣть въ виду при изученіи его по даннымъ „Обрядника". Первую часть храма составлялъ двуэтажный притворъ, во второмъ этажѣ сливавшійся съ самымъ храмомъ. Вторая часть храма имѣла, какъ было сказано, въ срединѣ, но нѣсколько ближе къ востоку, алтарь. Какъ и въ другихъ храмахъ, алтарь былъ огражденъ рѣшетками (535, 536); боковыя двери выводили въ боковыя пространства обширной церкви, а святыя на солею, къ которой примыкалъ амвонъ (76, 77). Какъ и другіе храмы, апостольскій имѣлъ катихумены. Катихумены надъ притворомъ или западные назывались передними — τὰ ἔμπροσθεν κατηχουμένεια (79, 30). Въ правой сторонѣ ихъ былъ устроенъ изъ завѣсы небольшой митаторій, въ которомъ помѣщалось императорское кресло (78). На правой сторонѣ катихуменовъ—ἐν τοῖς δεξιοῖς μέρεσι τῶν σεπτῶν κατηχουμενείων (77) было обычное мѣсто стоянія императора. Лѣстница на катихумены была въ лѣвой или сѣверной сторонѣ притвора, изъ котораго она по обычаю затворялась особою дверью (77, 80). Кромѣ этой, упоминается еще лѣстница на сѣверную галлерею катихуменовъ около усыпальницы св. Константина (538). Лѣвая сторона храма (77),

([175]) Du Cang. Const. chr. l. III, p. 105.
([176]) Кондаковъ. Виз. церк. и памят. Кон—ля. Стр. 42.

а быть можетъ и правая (536), служила мѣстомъ стоянія женщинъ, гинекеемъ. Храмъ по обычаю соединялся съ притворомъ царскими дверями, кромѣ которыхъ было еще нѣсколько дверей. Нѣкоторыя изъ нихъ вводили въ женское отдѣленіе, почему получили названіе дверей гинекея — ἡ θύρα τοῦ γυναικίτου (536, 77). Въ лѣвой сторонѣ притвора былъ устроенный изъ завѣсы митаторій, гдѣ императоръ въ извѣстное время отдыхалъ въ креслахъ. Кромѣ того, устанавливались для него кресла въ нужныхъ случаяхъ и въ самомъ притворѣ (532, 76). Къ притвору примыкалъ атріумъ съ водовмѣстилищемъ по срединѣ. Дверь въ западной сторонѣ называлась великою — ἡ μεγάλη πύλη τοῦ λουτροῦ (532, 80). При апостольской церкви былъ орологіонъ (535, 536). Наконецъ, она была соединена переходами, именно въ западной части катихуменовъ, съ дворцомъ, построеннымъ вблизи ея и называвшемся дворцомъ Βόνου (79—80, 534, 538).

Въ апостольскомъ храмѣ было двѣ усыпальницы, называется ироонами — τὸ ἡρῷον — названіе, перешедшее изъ міра языческаго, гдѣ оно означало храмы героевъ или полубоговъ (ὁ ἥρως). Фактъ, быть можетъ, не лишенный интереса для изучающихъ міросозерцаніе христіанской Византіи. Гдѣ помѣщались усыпальницы? „Обрядникъ“ не даетъ вполнѣ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но тѣмъ не менѣе позволяетъ сдѣлать вѣроятное предположеніе. Усыпальницы были внѣ храма въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онѣ соприкасались съ его боковыми частями или гинекеемъ, такъ что изъ храма туда и наоборотъ нужно было идти черезъ гинекей. Онѣ были отдѣлены отъ храма стѣною и закрывались особою дверью. Судя по тому, что выйдя изъ той двери и пройдя гинекеемъ, императоръ и патріархъ являлись предъ алтаремъ, можно думать, что усыпальница была про-

тивъ южной и сѣверной стороны алтаря (77, 534). Все это даетъ право предположить, что усыпальницы помѣщались въ рукавахъ креста, какъ это и допускаютъ нѣкоторые археологи ([177]). Первая усыпальница была въ сѣверномъ рукавѣ креста, влѣво отъ алтаря (77, 534), и носила имя св. Константина—ἡρῷον τοῦ ἁγίου καὶ μεγάλου Κωνσταντίνου (642). Въ ней былъ устроенъ престолъ, а слѣдовательно, и алтарь въ честь св. Константина (534). Это прототипъ придѣльныхъ церквей, устраивавшихся у насъ въ папертяхъ для служенія заупокойныхъ литургій въ память погребенныхъ въ нихъ лицъ ([178]). Въ восточной части описываемой усыпальницы помѣщался саркофагъ св. Константина (22 мая 337 г.) и блаженной матери его Елены (18 авг. 327 г.) ([179]); саркофагъ былъ изъ порфироваго ([180]) мрамора ([181]). Вторая усыпальница, въ южномъ или правомъ

([177]) Кондаковъ. Виз. церк. и памят. Кон—ля. Стр. 42.

([178]) Голубинскій. Ист. русск. церк. I, 2. Стрр. 57—58.

([179]) Годы кончины погребенныхъ въ апостольской церкви лицъ обозначены по сочиненію Дюканжа „Familiae augustae byzantinae". Показанія же его относительно лицъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, провѣрены по „Мѣсяцеслову" арх. Сергія.

([180]) Порфировый мраморъ былъ краснаго цвѣта и привозился изъ Египта

([181]) Далѣе „Обрядникъ" перечисляетъ саркофаги въ слѣдующемъ порядкѣ, Порфироваго мрамора саркофагъ Констанція, сына Константина великаго (361 г.). Такой же саркофагъ Ѳеодосія великаго (395 г.). Саркофагъ Льва великаго (474 г.), изъ зеленаго, покрытаго черными и бѣлыми крапинами. мрамора. Порфировый саркофагъ Маркіана (457 г.) и его супруги Пульхеріи (453 г.). Саркофагъ изъ зеленаго Ѳессалійскаго мрамора, императора Зенона (491 г.). Саркофагъ изъ чернаго съ бѣлыми крапинами мрамора, Анастасія Дикира (518 г.) и его супруги Ареадны. Саркофагъ Михаила Пьяницы, перенесеннаго въ апостольскую церковь императоромъ Львомъ Философомъ; зеленаго Ѳессалійскаго мрамора. Такой же саркофагъ, заключающій тѣла Василія Македонянина (886 г.), его супруги Евдокіи и сына Александра (912 г.). Сагарійскаго мрамора (сагарійскій мраморъ получилъ свое названіе отъ города Сагары въ Виѳиніи) саркофагъ Льва Мудраго (911 г.) и его сына Константина (959 г.). Бѣлаго мрамора саркофагъ Константина, сына Василія Македонянина (879 г.). Зеленаго Ѳессалійскаго мрамора саркофагъ св. Ѳеофано, первой супруги Льва Мудраго (893 г.), и

рукавѣ креста, носила имя Юстиніана—ἡρῷον τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ. Въ восточной сторонѣ ея стоялъ богатый саркофагъ Юстиніана (566 г.), устроенный изъ особаго рода мрамора ([182]).

его дочери Евдокіи. Саркофагъ изъ Виѳинскаго мрамора, почиваетъ вторая супруга Льва, Зоя (896 г.). Зеленаго Ѳессалійскаго мрамора саркофагъ третьей супруги Льва, Евдокіи (900 г.). Бѣлаго приконисскаго мрамора (приконисскій мраморъ привозили съ острова Приконисса близъ столицы, получившаго свою извѣстность вслѣдствіе заточенія на немъ патріарха Никифора) саркофагъ дочерей императора Льва Мудраго, Анны и Евдокіи. Небольшой саркофагъ изъ Сагарійскаго мрамора, въ немъ положены братъ Константина Порфиророднаго Василій и неизвѣстный родственникъ его Варда. Небольшой саркофагъ изъ того же мрамора. Кому принадлежалъ этотъ послѣдній саркофагъ за утратой дальнѣйшихъ словъ въ рукописи, неизвѣстно. Кромѣ 17 перечисленныхъ саркофаговъ въ этой усыпальницѣ было еще нѣсколько, непоименованныхъ по указанной причинѣ (Дюканжъ пополняетъ этотъ недостатокъ, но онъ сильно расходится съ показаніями „Обрядника", измѣняя ихъ, иногда добавляя новыя имена, которыхъ нѣтъ въ томъ. Стрр. 642—3).

([182]) Далѣе слѣдуетъ саркофагъ бѣлаго Фригійскаго мрамора супруги его Ѳеодоры (568 г.). Саркофагъ Іерапольскаго (Іерапольскій мраморъ названъ по имени Фригійскаго города Іераполя, откуда онъ привозился), розоваго съ черными крапинами мрамора Евдокіи, жены Юстиніана II. Мѣстоположеніе этого саркофага опредѣляется около юго-западнаго угла усыпальницы. Саркофагъ бѣлаго приконисскаго мрамора, Юстиніана II (711 г.). Такой же саркофагъ Софіи, жены Юстина. Саркофагъ Ираклія великаго (641 г.), изъ бѣлаго, подобнаго камню ониксу, мрамора. Саркофагъ жены его Фабіи, зеленаго Ѳессалійскаго мрамора. Бѣлаго приконисскаго мрамора саркофагъ Константина Погоната (685 г.). Саркофагъ зеленаго Ѳессалійскаго мрамора, жены его Фавсты. Саркофагъ Сагарійскаго мрамора Константина, сына Константина Погоната и внука Ираклія. Саркофагъ Сагарійскаго же мрамора, но разноцвѣтнаго; почиваетъ Анастасій-Артемій, занимавшій византійскій тронъ 713—715 гг. Саркофагъ бѣлаго Фригійскаго мрамора, его жены. Саркофагъ жены Льва Исаврянина (741 г.), изъ Приконисскаго мрамора. Такой же саркофагъ Ирины, жены Копронима. Саркофагъ другой жены его, но неизвѣстно второй или третьей, зеленаго Ѳессалійскаго мрамора. Саркофагъ приконисскаго мрамора Льва Хазара (780 г.). Такой же саркофагъ жены его Ирины. Саркофагъ Ѳессалійскаго мрамора, Михаила Травла (829 г.). Саркофагъ жены его Ѳеклы, изъ Сагарійскаго мрамора. Саркофагъ Ѳеофила (842 г.), зеленаго мрамора. Такой же саркофагъ сына его Константина. Саркофагъ дочери его Маріи, изъ Сагарійскаго мрамора. Въ этой же усыпальницѣ былъ склепъ, въ ко-

Кромѣ усыпальницъ, гробницы лицъ царскаго дома находились еще въ галлереяхъ храма ([183]).

Храмъ свв. апп. былъ также усыпальницей первосвятителей столицы. Изъ почивавшихъ здѣсь предстоятелей церкви Константинопольской „Обрядникъ“ называетъ слѣдующихъ. Въ лѣвой сторонѣ алтаря были гробницы св. Іоанна Златоуста и св. Григорія Богослова. Златоустъ перенесенъ изъ Команъ въ храмъ свв. апп. въ 438 году ([184]), а св. Григорія мощи перенесены въ столицу Константиномъ Порфиророднымъ въ 350 году, при чемъ часть ихъ положена въ храмѣ апостольскомъ, а часть въ дорогой для него и незабвенной въ исторіи православія церкви Анастасіи ([185]). Вѣроятно, въ усыпальницѣ св. Константина почивали два патріарха исповѣдника: Никифоръ I (806—815 гг.) и Меѳодій I (842—846 гг.). Оба патріарха были причислены къ лику святыхъ. Гробница послѣдняго изъ нихъ, по словамъ пѣснопѣвца, источала исцѣленія ([186]) и въ честь его впослѣдствіи былъ воздвигнутъ здѣсь придѣлъ ([187]). Изъ другихъ патріарховъ, почивавшихъ у свв. апп., названы: Сергій I (610—638 гг.), и предшественники его, Киріакъ (595—606 гг.) и св. Ѳома I (607—610 гг.). (77, 630—631) ([188]).

торомъ покоились сестры Копронима Космо и Ирина. Онъ былъ покрытъ бѣлымъ приконисскимъ мраморомъ (ἡ σταταραία) (644—5).

([183]) Въ южной галлереѣ, т. е. подъ южными катихуменами. было три саркофага: Аркадія (408 г.), къ югу; Ѳеодосія младшаго (450 г.), къ сѣверу; его матери Евдокіи (404 г.), къ востоку. Всѣ три саркофага были порфироваго мрамора. Въ сѣверной галлереѣ были также два порфировыхъ саркофага: первый, цилиндрической формы, Юліана (363 г.) и второй Іовіана (364 г.). (646).

([184]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. II. Стр. 24.

([185]) Ibid. Стр. 29. Ср. Кондаковъ. Виз. цер. и пам. Кон—ля. Стр. 131.

([186]) Ibid. Стр. 169.

([187]) Du Cang. Constant. christ. l. IV. p. 107.

([188]) Обычай назначать извѣстные храмы усыпальницей князей и царей

Другимъ знаменитымъ храмомъ столицы былъ храмъ Богоматери во Влахернахъ—ὁ ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ἐν βλαχέρναις (156) или по просту Влахерны—αἱ βλαχέρναι (148). Это былъ громадный храмъ. „Обрядникъ“ называетъ его великимъ—ὁ μέγας ναός (150), каковое названіе, кромѣ св. Софіи, прилагается еще къ храму св. Мокія. Влахернскій храмъ Богоматери, по словамъ Никифора Каллиста, своею красотою могъ спорить съ красотой небесной. Люди, писавшіе о немъ, не находятъ словъ, чтобы восхвалить его. Влахернскій храмъ среди храмовъ столицы, посвященныхъ имени Богородицы, былъ прекраснѣе всѣхъ, какъ солнце среди звѣздъ; онъ былъ источникомъ исцѣленій и утвержденіемъ граду ([189]). Влахернскій храмъ Богоматери, дѣйствительно, соперничалъ славою съ св. Софіею, а въ послѣднія времена существованія имперіи онъ затмилъ ее. Со времени переселенія византійскихъ императоровъ во Влахернскій дворецъ храмъ Богоматери какъ бы заступилъ мѣсто св. Софіи и неудивительно, что на запустѣніе его послѣ 1434 года можно было смотрѣть, какъ на предзнаменованіе паденія имперіи ([190]). Влахернскій храмъ Богоматери былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Греціи, благодаря своимъ святынямъ и тѣмъ чудеснымъ событіямъ, которыя связаны съ его именемъ: въ этомъ храмѣ свв. Андрей и Епифаній видѣли Богородицу молившеюся за родъ человѣческій; около

перешелъ и къ намъ на Русь. Таковыми усыпальницами были многіе изъ древнихъ русскихъ соборныхъ и монастырскихъ храмовъ, а особенно извѣстны Архангельскій соборъ въ Москвѣ и Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ. Въ этихъ храмахъ-усыпальницахъ въ старое время совершались въ извѣстные дни торжественныя панихиды и заупокойныя литургіи, за которыми слѣдовали поминовенные столы (архим. Макарій. Археол. опис. церковн. древн. въ Новгородѣ. Ч. I. Стрр. 77, 89—90. Доброхотовъ. Памятники древн. во Владимірѣ-Кляземскомъ. Москва. 1842. Стрр. 60—67).

([189]) Du Cange. Conctant. chrict. l. IV, pp. 83—85.

([190]) Кондаковъ. Виз. церк. и памятн. К—ля. Стр. 83.

этого храма по Ея молитвѣ погибли суда враговъ Греціи. Такимъ образомъ праздникъ Покрова пресв. Богородицы и послѣдованіе акаѳиста въ субботу пятой седмицы великаго поста являются памятниками Влахернской церкви. Неудивительно, что послѣ всего этого Влахернская церковь дала поводъ къ легендарнымъ сказаніямъ о бывшихъ въ ней чудесахъ не только жителямъ православнаго востока, но и латинскаго запада ([191]).

Влахернскій храмъ представлялъ по своему плану фигуру византійскаго креста, у котораго поперечный нефъ приходится возлѣ главной аспиды ([192]). Внутреннее устройство храма не представляло особенностей: алтарь, солея и амвонъ были устроены такъ же, какъ и вездѣ. Въ правой сторонѣ храма была устроена ризница или скевофилакій; по образцу св. Софіи ею управлялъ особый сосудохранитель, имѣвшій своего письмоводителя (552). Ризницы были, вѣроятно, во всѣхъ храмахъ Византіи, но они не упоминаются въ „Обрядникѣ“, хотя указаніе на ихъ существованіе есть. Такъ, напримѣръ, упоминается сосудохранитель дворцоваго храма Спасителя (11). Притворъ храма былъ двуэтажный и въ верхнемъ этажѣ составлялъ западную галлерею катихуменовъ. Кромѣ царскихъ дверей (150), въ немъ упоминаются императорскія кресла (150). Лѣстница, ведшая на катихумены, также была здѣсь. Она была винтовая и находилась въ пустомъ цилиндрѣ — τὸ στυράκιον (151, 542). На катихуменахъ, вѣроятно, западныхъ находился евктиріонъ, неизвѣстно кому посвященный (151, 156). Здѣсь же, но внѣ его, стоялъ крестъ (151). На катихуменахъ былъ устроенъ царскій митаторій; изъ составныхъ частей его названы китонъ (152, 154) и триклиній (154, 542). Обычное мѣсто стоянія импе-

([191]) Du Cange. Ibid.
([192]) Кондаковъ. Ibid. Стрр. 17, 19.

ратора на катихуменахъ было устроено на подобіе другихъ храмовъ — τὸ παρακυπτικόν (156). Западная часть катихуменовъ была соединена переходами съ Влахернскимъ дворцомъ (152—3, 156, 542). Храмъ имѣлъ также внѣшній притворъ (551).

Поперечный нефъ Влахернскаго храма выдавался на южной и сѣверной сторонахъ его выступами, которые въ восточной части имѣли конху или абсиду (554), какъ и рукава креста въ храмѣ апостольскомъ (644). Въ южномъ рукавѣ помѣщался придѣльный храмъ святой Раки—ὁ ναὸς τῆς ἁγίας σοροῦ (179—180), имѣвшій свой особый притворъ (553). Онъ соединялся съ настоящимъ храмомъ. Ковчегъ съ ризами Богоматери хранился въ правой сторонѣ придѣла. Въ этой же сторонѣ былъ митаторій ([193]), а гдѣ-то около него стоялъ серебряный крестъ (553). Изъ притвора лѣстница вела на катихумены, вѣроятно, южныя главнаго храма (553).

Въ сѣверномъ крестѣ была устроена священная омывальня — τὸ ἅγιον λοῦσμα (554). Это былъ знаменитый у грековъ священный влахернскій источникъ. Къ омывальнѣ велъ особый переходъ — τὸ παράπτερον (553—4), оканчивавшійся однополотенною дверью—τὸ μονόθυρον (554, 556). Эта дверь вводила въ раздѣвальню—τὰ ἀποδυτά (553, 554, 556), изъ которой уже вступали въ купель — ὁ κόλυμβος (554). Омывальня была богато украшена иконами; изъ нихъ двѣ иконы представляли Богоматерь. Первая была въ абсидѣ ([194]), а вторая на лѣвой сторонѣ омывальни ([195]). По

([193]) Кондаковъ отожествляетъ митаторій съ ризницею (18 и др.), хотя тотъ и другая ясно различаются — τὸ σκευοφυλάκιον (531) и τὸ μητατώριον (533).

([194]) Кондаковъ говоритъ объ алтарѣ въ ней, но на это нѣтъ никакого указанія.

([195]) Кондаковъ нерѣшительно помѣщаетъ эту икону на лѣвой сторонѣ

сторонамъ омывальни стояли курильницы, въ которыя при омыванiи клали благовонiя (555—6). Въ центрѣ зданiя омывальни находилась часовня св. купели—ὁ ἅγιος φωτεινός ([196]). Это была, вѣроятно, ротонда, крытая куполомъ. Въ ней находилась икона Богоматери, изъ рукъ которой лилась агiазма въ священный водоемъ. Этотъ водоемъ представлялъ собою купель, сдѣланную въ полу часовни: въ ней погружались при омыванiи въ чудесномъ влахернскомъ источникѣ (555—6). Такая же купель была въ храмѣ Богоматери τῆς πηγῆς, въ которой заключались воды тамошняго чудеснаго источника. Эта купель была устроена среди храма въ видѣ квадрата изъ мрамора; въ нее спускались 25 мраморными ступенями ([197]). Упоминается при описанiи омывальни еще другое купольное зданiе, но что такое было оно, уяснить трудно (555).

Омывальня, какъ было сказано, богато украшена была иконами. Влахернскiй храмъ въ этомъ отношенiи восполняетъ нѣсколько тотъ ощутительный пробѣлъ въ археологическомъ матерiалѣ „Обрядника", который чувствуется, когда заходитъ рѣчь объ иконахъ. Въ омывальнѣ въ абсидѣ была чеканенная на серебрѣ икона, представлявшая Богоматерь надъ фiаломъ—ἐπὶ τῆς φιάλης (554), и бывшая переводомъ помѣстной иконы изъ храма Богоматери „Живоноснаго Источника". На этой иконѣ Богородица съ Младенцемъ изображалась стоявшею въ фiалѣ или надъ фiаломъ ([198]). На лѣвой стѣнѣ омывальни было вырѣзанное на мраморѣ изображенiе руки Богородицы, обложенное серебромъ — ἡ τῆς χειρὸς τῆς Θεοτόκου ἐκτύπωσις ἐν τῷ μαρμάρῳ... διὰ

храма (18), но текстъ ясно говоритъ объ омывальнѣ.

([196]) Du Cang. Constant. christ. l. IV, p. 183—4.

([197]) Кондаковъ. Виз. церкви и пр. Стр. 19, прим. 1.

([198]) Ibid. 19—20.

ἀργυρᾶς περιφερείας περιχέχλεισται (555). Наконецъ, въ омывальнѣ были еще чеканныя на серебрѣ иконы, но какія именно, не сказано (554). Въ часовнѣ св. купели находилась мраморная икона Богоматери—ἡ μαρμαρίνη εἰκὼν τῆς Θεοτόκου; изъ рукъ Богородицы текла агіазма (555). Эта икона представляла мраморный барельефъ. Богоматерь была изображена здѣсь въ видѣ Оранты, такъ какъ именно этотъ типъ Ея избирался въ Византіи для монументальныхъ мозаикъ, барельефовъ ([199]). Въ храмѣ св. Раки около серебрянаго креста была икона Богоматери—η εἰκὼν τῆς Θεοτόκου (553). Это была „Влахернская“ икона Богоматери, на которой Она была изображена во весь ростъ въ видѣ молящейся съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ Христомъ на лонѣ ([200]).

Изъ сказаннаго можно заключить, что храмы Византійскіе не совсѣмъ были бѣдны иконами, а между тѣмъ въ „Обрядникѣ“ кромѣ распятія и иконъ Богоматери только три раза упоминается икона Спасителя. Эта икона находилась въ восточной абсидѣ Хризотриклина и представляла Спасителя сидящимъ на тронѣ, вѣроятно, въ первосвященническомъ облаченіи. Она была исполнена живописью — ἐστηλογράφηται. Передъ этою иконою императоръ совершалъ свои ежедневныя молитвы, предъ нею молился онъ, выходя изъ дворца и возвращаясь туда и т. д. (7, 22, 519). Кромѣ иконъ Богоматери во Влахернской церкви, говорится о иконѣ Ея въ храмѣ св. Димитрія въ Фарѣ. Эта икона стояла у дверей, выходившихъ на иліакъ, но какія именно двери разумѣются здѣсь, не ясно. Она была эмалевая—ἡ χειμευτὴ εἰκὼν τῆς Θεοτόκου (170). Иконы Богоматери, вѣроятно, какъ и храмы въ честь Ея, были особенно часты въ Ви-

([199]) Ibid. 19—20.
([200]) Ibid. 19—28.

зантіи и пользовались преимущественнымъ уваженіемъ, такъ какъ столица была вручена Ея покрову.

Заслуживаетъ вниманія другой храмъ Богородицы—ὁ ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν χαλκοπρατείων (30). Здѣсь также хранилась часть одеждъ Богородицы. Въ устройствѣ храма нельзя найти ничего примѣчательнаго сравнительно съ остальными церквами. Притворъ, соединявшійся съ храмомъ нѣсколькими дверями (30, 155), былъ двуэтажный. Катихумены имѣли по обычаю царскій митаторій; изъ всходовъ на катихумены упоминается одинъ, ведшій въ сѣверную часть ихъ изъ храма (167—9). Пространство въ самомъ храмѣ подъ сѣверными катихуменами было гинекеемъ (31, 167). Въ лѣвой сторонѣ храма была пристройка особой структуры [201]), именуемая св. Ракою — ἡ τροπικὴ τῆς ἁγίας σοροῦ (31, 169). Эта пристройка представляла храмъ (31, 166), подобный такому же храму св. Раки во Влахернской церкви Богородицы. Здѣсь хранились, какъ и тамъ внѣ алтаря, одежды Богоматери въ особомъ ковчегѣ или ракѣ—ἡ ἁγία σορός (31, 166). Въ лѣвой же или сѣверной сторонѣ церкви, вѣроятно, около сѣверной стѣны св. Раки былъ устроенъ, неизвѣстно кому посвященный, евктиріонъ (31, 166). Благодаря своей святынѣ, Халкопратійская церковь Богородицы пользовалась большимъ почетомъ [202]). При ней упоминается еще дидаскаліонъ, вѣроятно, подобный Софійскому; онъ былъ на западной сторонѣ храма, такъ какъ дверь изъ него выводила въ портикъ, ведшій къ притвору храма (167).

Нельзя также пройти молчаніемъ Новую церковь, столь превознесенную патріархомъ Фотіемъ въ его словѣ на ея

(201) Reiske. Comment. ad Const. porphyrog. p. 629. Du Cang. Gloss graecit. s. v. «τροπική».

(202) Du Cange. Constant. christ. l. IV, p. 86.

освященіе. Церковь называлась новою — ἡ νέα μεγάλη ἐκκλησία (118), ἡ νέα ἐκκλησία, ἡ νέα (549), — благодаря своему позднему происхожденію: она построена Василіемъ Македонянинomъ. Главный храмъ, какъ извѣстно, былъ посвященъ Спасителю ([203]), а евктиріоны — одинъ пророку Иліи и другой архистратигу Михаилу (47, 121). Судя по тому, что императоръ, пройдя всѣ алтари, начиная съ алтаря пророка Иліи, выходитъ въ гинекей, какой обыкновенно помѣщался въ лѣвой или сѣверной сторонѣ храма, евктиріонъ св. Иліи былъ въ южной сторонѣ его. Евктиріонъ архангела Михаила былъ такимъ образомъ на сѣверной сторонѣ. Алтари всѣхъ трехъ храмовъ сообщались между собою (117, 121). На святыхъ дверяхъ вездѣ были утверждены крестики (117, 120). Въ храмѣ были по обычаю катихумены (549), входъ на которые запирался дверью (ibid). Лѣвая сторона храма составляла гинекей ([204]). На западной сторонѣ его было мозаическое ([205]) изображеніе — ἡ εἰκών — христолюбиваго владыки Василія, создателя храма (118, 121). Здѣсь находился τὸ προσευχάδιον (118, 121). Что разумѣть подъ этимъ словомъ, ясно невидно. Изъ многихъ значеній, какія придаютъ ему ([206]), лучшее кажется то, что оно представляло небольшую возвышенную эстраду или выступъ предъ иконою, на который становился молящійся. Притворъ храма былъ двуэтажный. Въ немъ былъ митаторій, образованный завѣсою и кресломъ за нею ([207]). Изъ

([203]) Du Cang. Constant. christ. l. IV, p. 97—8.

([204]) Что здѣсь разумѣется гинекей, а не катихумены, какъ полагаетъ Кондаковъ (стр. 63), помимо названія, видно изъ пути императора: до выхода его отъ иконы въ притворъ ни о какомъ подъемѣ вверхъ не говорится; онъ всходитъ въ переходы уже послѣ службы (I, 19 и 20).

([205]) Кондаковъ. Виз. церк. и пр. Стр. 62.

([206]) Du Cang. Gloss. graecit. sub. hac voce. Reiske. Comment. et cet. p. 215—116.

([207]) Что рѣчь идетъ именно объ этомъ притворѣ, видно изъ всего, что

притвора лѣстница вела вверхъ въ переходы, соединявшіе Новую церковь съ Большимъ дворцомъ (118, 121). Очень вѣроятно, что эти переходы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, соединялись именно съ западною галлерею катихуменовъ [208]).

Должно, наконецъ, упомянуть о мартиріумѣ въ храмѣ свв. младенцевъ, что въ Гебдомонѣ. Этотъ мартиріумъ — τὸ μαρτύριον представлялъ, вѣроятно, особое отдѣленіе въ храмѣ или часовню (496) ([209]), въ которой, очень можетъ быть, хранилась часть мощей свв. младенцевъ, впослѣдствіи перенесенныхъ въ другіе храмы Византіи ([210]).

Таковъ заключающійся въ „Обрядникѣ" матеріалъ по церковной архитектурѣ Византіи. Онъ не даетъ, конечно, возможности воспроизвести съ желаемою полнотою ту или другую церковь въ отдѣльности и о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. о Новой церкви, изъ другихъ источниковъ извѣстно болѣе, чѣмъ сколько даетъ „Обрядникъ". Это объясняется тѣмъ, что онъ слѣдитъ за устройствомъ церкви

было говорено о притворахъ, но какъ понять присоединяемое къ слову притворъ слово море—ὁ πρὸς τὴν θάλασσαν νάρθηξ, какъ и Reiske (p. 216), не можемъ объяснить. Ср. Кондаковъ. Стр. 63.

([208]) Обычай соединять храмы переходами съ дворцами перешелъ и на Русь. Благовѣщенскій соборъ въ старину соединенъ переходами въ хорахъ съ дворцомъ. Обычай изображать храмоздателей получилъ также широкое распространеніе и въ Греціи (Кондаковъ. Виз. церк. и пр. Стр. 63) и въ Россіи. Напр. въ Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ на южной стѣнѣ подъ хорами изображенъ храмоздатель князь Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ сидитъ съ созданнымъ имъ храмомъ, а передъ нимъ стоитъ благословляющій Спаситель (арх. Макарій. Археол. опис. церк. древп. въ Новгор. I. 503). Въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ на южной сторонѣ собора на образѣ св. Василія Великаго изображенъ и основатель его великій князь Василій Ивановичъ. Въ Преображенскомъ соборѣ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ на столбѣ за правымъ клиросомъ изображены храмоздатели, цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ.

([209]) Ср. Кондаковъ. Виз. церк. и памят. К—ля. Стр. 11.

([210]) Арх. Сергій. Полн. мѣсяцесловъ востока. Стр. 403.

по стольку, по скольку это требуется изложеніемъ совершавшагося въ ней обряда. Но общій типъ византійскаго храма по прочтеніи „Обрядника“ является ясно очерченнымъ. Тѣмъ же объясняется и то обстоятельство, что о внѣшнемъ видѣ храмовъ „Обрядникъ“ почти ничего не говоритъ. Онъ даетъ особенно много матеріала для изученія внутренняго устройства храма и его пристроекъ. Въ этомъ главный интересъ его матеріала по церковной архитектурѣ. Византійскій храмъ является въ „Обрядникѣ“ со многими придѣлами и пристройками. Явленіе любопытное и не лишенное интереса при рѣшеніи вопроса о вліяніи церковной обрядности на устройство храмовъ. Ясно, что это вліяніе было не мало и что осложненіе церковнаго ритуала вело за собою осложненіе плана византійскаго храма пристройками и придѣлами. Фактъ существованія придѣловъ можетъ имѣть также значеніе при рѣшеніи вопроса, какихъ правилъ и обычаевъ держалась греческая церковь при посвященіи своихъ церквей. Очевидно, въ первой половинѣ X вѣка уже не дѣйствовалъ обычай имѣть въ храмѣ лишь одинъ престолъ. Очень многіе изъ упоминаемыхъ въ „Обрядникѣ“ храмовъ подверглись перестройкѣ при Василіи Македонянинѣ, многіе были возобновлены при его преемникѣ и предшественникахъ; всѣ они могутъ дать матеріалъ для изученія византійскаго храмового стиля за третій періодъ его исторіи, именно за первую эпоху его — девятый вѣкъ. То же значеніе они имѣютъ при изученіи русской храмовой архитектуры, такъ какъ къ этой порѣ Русь уже стала знакомиться съ христіанствомъ, а скоро вступила съ Византіей въ религіозныя связи, заимствовавъ у нея вѣру.

c) Богослужебныя принадлежности.

Совершеніе литургіи и другихъ службъ требовало священныхъ сосудовъ и другихъ предметовъ, которые въ цѣломъ составляютъ то, что называется церковною утварью. „Обрядникъ“ перечисляетъ далеко не всѣ предметы церковной утвари, а лишь тѣ, о которыхъ имѣлъ случай говорить. При совершеніи таинства евхаристіи употреблялись святый дискосъ и святый потиръ. Они приготовлялись изъ дорогихъ металловъ и украшались драгоцѣнными камнями. О формѣ ихъ ничего не говорится. Потиръ въ отличіе отъ нынѣшняго имѣлъ крышку (15, 65, 133 и др. 630). При причащеніи употреблялась лжица; указанія на нее разсѣяны всюду при описаніи совершенія литургіи (напр. 18 стр.). Обрядъ поклоненія копію въ великую пятницу говоритъ объ употребленіи при совершеніи литургіи копія (179).

Рипиды устраивались изъ перьевъ; при омовеніи императора во влахернскомъ источникѣ упоминаются рипиды изъ павлиньихъ перьевъ, которыми тотъ обметалъ престолъ, ходя вокругъ него (553).

Для куренія ѳиміамомъ употреблялись кадильницы—ὁ θυμιατός и курильницы—τὰ καπνιστήρια. Кадильницы брались во время кажденія въ руки и съ ними ходили по храму. Кажденіе было очень употребительно въ византійскомъ богослуженіи, какъ употребительно было оно и во всѣхъ культахъ. Кажденіе совершали всѣ священнослужители, начиная патріархомъ и кончая діакономъ, а также императоръ. Ѳиміамъ употреблялся при встрѣчахъ; такъ патріархъ и игумены монастырей встрѣчали императора съ кадильницей въ рукахъ, когда онъ являлся за службу въ Софійскій соборъ или монастыри столицы. Такое употребленіе ѳиміама велось

издавна; извѣстно, что при возвращеніи св. Іоанна Златоуста въ Византію послѣ перваго его изгнанія встрѣтили всѣ жители столицы на берегу Босфора со свѣчами и ѳиміамомъ. Ѳиміамъ употреблялся при молитвѣ за умершихъ на ихъ гробницахъ. Престолъ кадился обыкновенно кругомъ. Кажденіе совершалось предъ иконами, а также предъ молящимися. Курильницами назывались сосуды, стоявшіе на полу храма, съ горящими углями, въ которые бросали благовонія (28, 117, 120, 123 и др. 255, 554 и др.).

Кромѣ ѳиміама употреблялись еще другія благовонія. Они заключались въ небольшіе ящики, которые по восточному обычаю подносились друзьямъ при разставаніи съ ними и при встрѣчѣ ([211]). Эти ящики назывались τὰ ἀλειπτά — сосуды, ящики съ мазями. Ихъ подносилъ патріархъ императору, когда провожалъ его изъ храма по окончаніи службы, а иногда послѣ праздничной трапезы, за что получалъ отъ него денежный подарокъ или апокомвіонъ (28 и др.). Такіе подарки —τὰ ἀποκόμβια—цари приносили почти каждый разъ, когда являлись въ ту или другую церковь на богомолье, полагая ихъ на престолъ или на подножіе его.

Святое мѵро употреблялось при крещеніи. О приготовленіи его и храненіи не говорится ничего (92).

Вѣнцы, кромѣ таинства брака и обряда коронованія, употреблялись, какъ церковныя украшенія. Такимъ украшеніемъ вѣнцы служили въ св. Софіи, въ храмѣ св. апостоловъ, въ дворцовыхъ церквахъ и, вѣроятно, въ другихъ церквахъ столицы. Описывая пріемъ Сарацинскихъ пословъ въ Большомъ дворцѣ, „Обрядникъ“ описываетъ три вѣнца изъ церквей Богоматери Фарской, св. великомученика Димитрія и свв. апостоловъ, принесенные для украшенія Хризотрик-

([211]) Reiskii. Comment. ad Constant. porphyrogen. P. 121.

лина. Два вѣнца были голубые, а третій зеленый. Въ верху вѣнцовъ были утверждены кресты, а на нихъ устроены голуби съ распущенными крыльями [212]). Замѣчательную аналогію съ этимъ представляли въ старину у насъ кресты на церковныхъ главахъ, вѣнчавшіеся сидящимъ на нихъ металлическимъ голубемъ ([213]). Вѣнцы вѣшались надъ престоломъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ киворія; жертвовались они церквамъ императорами ([214]). Въ нѣкоторыхъ церквахъ у насъ встрѣчается на святыхъ или царскихъ вратахъ корона, вѣнчающая ихъ. Думается, что она представляетъ слѣды давно минувшей практики. Съ выходомъ изъ употребленія киворіевъ, украшенія ихъ перешли на святыя двери, гдѣ они могли быть видимы всѣми, и остаются тамъ донынѣ (580, 586—7, 591).

Какъ и у насъ, въ Византіи употреблялись аналогіи — τὸ ἀναλόγιον (760), на которые возлагались книги при чтеніи; эти аналогіи были переносные. Такъ во вторникъ сырой седмицы во время патріаршей трапезы входилъ въ столовую палату съ аналогіемъ и книгою протонотарій патріарха и начиналъ читать (ibid.). Упоминается еще иной столикъ — τὸ ἀντιμίσιον, т. е. столикъ, употребляющійся вмѣсто настоящаго стола, престола. Онъ употреблялся при причащеніи. Его ставили въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли желавшіе приступить къ таинству евхаристіи; когда наступало время причащенія, на немъ полагались св. дары. На этомъ же столикѣ клались одежды при производствѣ въ тотъ или другой чинъ, напримѣръ, при коронованіи (66, 240—1 и др.). Подобные столики употребляются и у насъ.

([212]) Ibidem. p. 685-687.

([213]) Архим. Макарій. Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ Ч. I. Стрр. 24—25.

([214]) Du Cange. Constant. christ. l. III, p. 37—38.

Въ византійскихъ храмахъ часто упоминаются скамьи для сидѣнія—τὰ σκάμνα. Эти скамьи были въ самыхъ храмахъ, напр. на солеѣ и у царскихъ дверей, и въ притворѣ. На скамьяхъ, стоявшихъ по сторонамъ царскихъ дверей, въ извѣстные праздничные дни становились за литургіей сироты и привѣтствовали проходившаго мимо императора (126, 151, 178, 240—1, 254, 268 и др.). Въ притворахъ и другихъ частяхъ храмовъ, каковы ризница и катихумены, а также митаторій, упоминаются кресла императорскія — τὸ σέλλιον, богатой отдѣлки и дорогого матеріала. Возможно, что эти кресла не всегда находились во всѣхъ храмахъ, а только въ важнѣйшихъ, въ другіе же переносились изъ Большого дворца по мѣрѣ надобности (76, 102, 111 и др.) ([215]).

При погребеніи въ Византіи употреблялись одры или кровати—ἡ κλίνη, называвшіеся одрами печали (275). На этихъ одрахъ покойниковъ выносили въ церковь, а потомъ относили къ могилѣ, гдѣ и погребали ихъ прямо въ землѣ ([216]). Эти одры хранились при церквахъ, откуда ихъ брали для выноса покойниковъ. Люди богатые приготовляли свои собственные одры; которые послѣ дарили церквамъ ([217]). Погребальные одры иногда были очень богатые; при дворѣ, они дѣлались изъ золота (275). Они представляли полное сходство съ обыкновенными кроватями, какъ это видно изъ находящейся въ сочиненіи Дюкажка „Constantinopolis christiana“ картины, изображающей погребеніе Кесарія, брата св. Григорія Богослова († ок. 369). Онъ возлежитъ на одрѣ, представляющемъ невысокую кровать на четырехъ ножкахъ

([215]) Бѣляевъ. Byzantina. Кн. 1. Стр. 14.
([216]) Голубинскій. Ibid. Стр. 392.
([217]) Мансветовъ. Митр. Кипріанъ. Прилож. IX. Стр. XXVII, примѣч. 77.

съ небольшой стѣнкой у головы для подушки ([218]). Въ Греціи доселѣ при погребеніи употребляются подобныя кровати, сдѣланныя изъ дерева,—ὁ ξυλοκράββατος ([219]). Хотя у насъ съ самаго древняго времени вошли въ употребленіе гробы, но въ старину погребали также безъ нихъ, по греческому обычаю ([220]). Слѣды греческаго обычая сохранились въ богослужебныхъ книгахъ, гдѣ въ рѣчахъ о погребеніи употребляется иногда слово „одръ".

Въ „Обрядникѣ" часто упоминаются — αἱ εὐλόγιαι, благословенія. Это были испеченные изъ лучшей муки хлѣбцы благословенные. Такіе хлѣбцы епископы посылали лицамъ, которымъ хотѣли сдѣлать честь. Патріархи посылали ихъ императорамъ при вступленіи на каѳедру ([221]), а также при прощаніи съ ними послѣ благословенія подносили ихъ вмѣстѣ съ благовоніями (28. 31 и др). Иногда благословенія подносились также священниками и въ другое время.

Широкое употребленіе въ литургической практикѣ Византіи имѣли кресты, приготовлявшіеся изъ разныхъ матеріаловъ, между прочимъ изъ серебра и золота, украшавшіеся драгоцѣнными камнями. Особымъ уваженіемъ пользовался великій крестъ (591), называвшійся крестомъ святого Константина (534), прекраснымъ и всечестнымъ (8—9). Этотъ крестъ носился въ выходахъ царей въ св. Софію и ставился тамъ въ правой сторонѣ алтаря (15). Назывался ли крестъ Константиновымъ по той причинѣ, что въ немъ была частица животворящаго креста, или потому, что онъ былъ устроенъ на подобіе креста, видѣннаго Константиномъ на

([218]) Du Cange. Ionst. E. III. p. 77.

([219]) „Обряды при погребеніи іереевъ въ Греціи" и т. д. Христ. Чт. 1888. Ч. I. Стр. 673.

([220]) Голубинскій. Ibid. Стр. 392.

([221]) Тьерри. Несторій и Евтихій. Переводъ Поспѣлова. Вып. второй. Кіевъ 1883. Стр. 23.

небѣ, неизвѣстно ([222]). Хранившійся первоначально въ Большомъ дворцѣ, этотъ крестъ въ 912—959 гг. былъ перенесенъ въ Новый дворецъ.—Кресты ставились, какъ и иконы въ церквахъ и домахъ (16. 151. 553). Такъ въ крещальнѣ при первозданномъ храмѣ Богоматери было три богатыхъ и большихъ креста (8). Иногда надъ крестомъ устривалась сѣнь. Въ Большомъ дворцѣ, въ одномъ изъ его отдѣленій стоялъ серебряный крестъ прекрасной работы; надъ нимъ на восьми колоннахъ утверждалась сѣнь (11).—Кресты носились въ литіяхъ и въ другихъ шествіяхъ, напр. при вступленіи императоровъ въ столицу, въ походахъ (485. 502). Кресты, носившіеся въ крестныхъ ходахъ, назывались литійными—ὁ λιτανικὸς σταυρός; литійный крестъ носилъ обыкновенно иподіаконъ (28. 74. 76. 102. 106. 120. 123. 174 и др.). Литійный крестъ былъ запрестольный и четвероконечный ([223]), каковыми они остаются доселѣ.—Напрестольный крестъ употреблялся при воздвиженіи 14-го сентября и при встрѣчахъ. Въ Византіи въ торжественныхъ встрѣчахъ, какъ и у насъ, выносился крестъ; такъ, напримѣръ, при выходахъ царей клиръ храма Спасителя встрѣчалъ ихъ у дверей послѣдняго, при чемъ скевофилаксъ держалъ въ рукахъ крестъ, который императоръ лобызалъ (11. 130). Форма этого креста была шестиконечная ([224]). У насъ напрестольные или воздвизальные кресты были той же формы съ различными изображеніями по концамъ; въ срединѣ ихъ нерѣдко вставлялась частица животворящаго креста Господня([225]). Въ недѣлю крестопоклонную и для крестныхъ ходовъ въ мѣсяцѣ авгу-

([222]) Reiskii. Comment. ah Constant. porphyrogenit. p. 615.

([223]) Голубинскій. Истор. русск. церк. т. I. пол. 2. Стр. 166. примѣч. 2.

([224]) Ibidem.

([225]) Архим. Макарій Археол. опис. церковн. древн. въ Новгородѣ. Ч. II. Стр. 172—3. 185. 188.

стѣ употреблялись особые кресты, хранившіеся въ другое время въ ризницѣ. Напоминаніе объ этомъ сохранилось въ нашемъ уставѣ въ изложеніи обряда приготовленія къ выносу креста въ недѣлю крестопоклонную и перваго августа, а также 14-го сентября (538. 550).—Въ извѣстные дни въ Византіи императоры раздавили небольшіе серебряные крестики членамъ своей свиты и синклиту, съ которыми они присутствовали за богослуженіемъ этихъ праздниковъ и участвовали въ крестныхъ ходахъ (115. 170. 171. 175). Съ подобными крестами, но золотыми и украшенными драгоцѣнными камнями, императоры выходили въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ богослуженію въ св. Софію (25. 591. 766). Въ нѣкоторые праздники представители разныхъ учрежденій столицы, напримѣръ, богадѣленъ, сиротскихъ пріютовъ, подносили императорамъ кресты изъ дорогого матеріала, вызолоченные (115. 116. 171—173).—Кресты украшались цвѣтами, особенно розами, а иногда даже сплетались изъ цвѣтовъ (111. 324. 344). Кресты и у насъ украшаются цвѣтами, напримѣръ, въ день воздвиженія; но въ Византіи употребленіе цвѣтовъ при богослуженіи встрѣчается чаще, какъ и вообще на востокѣ ([226]). Крестъ намащался благовоніями, когда приготовлялся къ выносу для поклоненія. Предъ крестомъ совершались молитвы, какъ и предъ иконами; въ честь честнаго и животворящаго креста были особые праздники и службы. Крестъ устраивался на вѣнцахъ императорскихъ и брачныхъ, устраивался на вершинѣ святыхъ вратъ и т. д.

Церковный уставъ доселѣ предписываетъ богатое освѣщеніе храмовъ въ дни торжественныхъ праздниковъ. Таковъ

([226]) Преосвящ. Порфирій, епископъ Чигиринскій, въ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изученію востока, не разъ упоминаетъ объ употребленіи цвѣтовъ въ богослуженіи православной церкви. См. напр. „Востокъ христіанскій. Египетъ“ Кіевъ 1868. Вып. II. Стр. 4—5.

же обычай Византіи; по словамъ одного изъ изслѣдователей старины, праздничное освѣщеніе церквей въ Византіи представляло полную иллюминацію, такъ какъ вся церковь была наполнена множествомъ огней ([227]). Понятіе объ этомъ освѣщеніи можно получить изъ описанія пріема Сарацинскихъ пословъ въ 15 главѣ 2 книги „Обрядника", для котораго тогда были взяты въ Большой дворецъ поликандила главнѣйшихъ храмовъ столицы. Главнымъ матеріаломъ освѣщенія храмовъ въ Византіи былъ елей или деревянное масло. Въ „Обрядникѣ" многократно упоминаются поликандила — τὰ πολυκάνδηλα (571—3, 581, 591), состоявшія изъ соединенія многихъ кандилъ или лампадъ, наполненныхъ масломъ. Послѣднее обстоятельство дало поликандиламъ названіе—ὁ πολυλυέλεος; отсюда наименованіе поліелея перешло на 134 и 135 псалмы, пѣвшіеся при зажженныхъ поліелеяхъ. Поликандила дѣлались большею частью изъ серебра (ibid.) и иногда отличались своей величиной (573. 591). Кромѣ настоящихъ поликандилъ, въ Византіи употреблялся еще слѣдующій способъ освѣщенія храмовъ посредствомъ лампадъ. По церкви протягивались цѣпи, а къ этимъ послѣднимъ подвѣшивались кандила. Цѣпи были изъ высеребренной мѣди (570—3) или изъ одного серебра (581). Число поликандилъ и цѣпей въ нѣкоторыхъ церквахъ было очень велико. „Обрядникъ" называетъ, напримѣръ, въ церкви монастыря св. Сергія и Вакха 33 цѣпи (570 и 571), а въ Новой церкви 35 цѣпей и 29 поликандилъ. При томъ эти цифры далеко не исчерпываютъ всего количества тѣхъ и другихъ.

Свѣчи, упоминаемыя въ „Обрядникѣ", были двухъ родовъ: большія—ἡ λαμπάς и маленькія—ὁ κηρός. Особенно часто упоминаются послѣднія. Онѣ зажигались предъ иконами (118. 121) и крестами (151), на гробахъ почившихъ (77) и на

([227]) Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. I, полов. 2, стр. 241

престолѣ (117). Свѣчи часто употреблялись при совершеніи тѣхъ или другихъ молитвословій и церемоній. Въ литіяхъ нерѣдко участвовали съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Эти свѣчи въ отличіе отъ свѣчей, употреблявшихся при молитвословіяхъ и носившихъ наименованіе свѣчей молитвы —τὰ κηρία τῆς προσευχῆς (151), назывались литійными — τὸ κηρίον λιτανίκιον—(150), ἡ κηριολιτανίκη (74). Иногда эти свѣчи вставлялись въ длинныя металлическія трубочки, оканчивавшіяся широкою чашечкою, въ которую стекалъ воскъ [228]). Такія чашечки назывались фіалами, а потому и литійныя свѣчи назывались свѣчами съ фіалами и безъ фіалъ, напр. τὸ κηρίον λιτανίκιον ἄνευ φιαλίου (125). Со свѣчами въ рукахъ присутствовали при обрядѣ выноса креста въ день воздвиженія, на водосвятіи въ день Богоявленія и т. д. Особенное вниманіе обращаетъ на себя употребленіе свѣчъ при молитвословіяхъ литургіи и въ частныхъ молитвахъ предъ той или другой иконой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ молящійся, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, совершаетъ предъ иконой три поклона (8. 11. 12 и др.). За литургіей свѣчи употреблялись во время малаго входа въ царскихъ (14. 76. 102 и др.) и святыхъ вратахъ (132. 145. 185 и др.). Слѣды этого обычая остались доселѣ въ архіерейскомъ служеніи. Архіерей, вступая во время малаго входа въ алтарь, идетъ съ амвона, имѣя въ рукахъ дикирій и трикирій; остановившись у святыхъ дверей, онъ осѣняетъ ими молящихся. Евангеліе слушали также со свѣчами въ рукахъ (118. 121 и др.); слѣды этого обычая видны въ томъ, что при чтеніи евангелія у насъ ставятся около аналогія или престола свѣтильники. Большія свѣчи — αἱ λαμπάδες [229]) употреблялись въ подсвѣчникахъ (16). Под-

(228) Reiskii. Comment. ad Constatn. porphgrogenit. P. 219—220.
(229) Du Cange. Gloss. graecit. sub voce „λαμπάς“.

свѣчники въ Византіи были меньше нашихъ, такъ что могли легко переноситься съ мѣста на мѣсто и потому назывались ручными—τὰ μανουάλια (75) ([230]). Эти подсвѣчники имѣли по нѣскольку свѣчъ и носились во время крестныхъ ходовъ (ibid.). Подсвѣчники, употреблявшіеся во время великаго входа на литургіи, такъ называемые выносные—ἡ λαμπάς, τὸ κηρίον (65. 75. 133. 165) были односвѣчные, какъ это видно уже изъ названія ихъ. Менологій императора Василія, иконографическій памятникъ X — XI вв., сохранилъ намъ образцы выносныхъ подсвѣчниковъ ([231]).

Чаще другихъ священныхъ одеждъ въ „Обрядникѣ" упоминается фелонь—ἡ φελόνη, τὸ φελώνιον. Эта одежда составляла принадлежность всего клира, при чемъ фелонь низшихъ клириковъ отличалась, какъ увидимъ ниже, отъ фелони священнической. Въ Византіи фелонь составляла литургическую одежду не только священниковъ (755,761, 771), но и епископовъ (761,771). Патріархъ, за исключеніемъ величайшихъ праздниковъ ([232]), когда онъ надѣвалъ саккосъ, также облачался въ фелонь (374). Поверхъ послѣдней патріархъ, какъ и другіе епископы, носилъ омофоръ—τὸ ὠμοφόριον (374,771). Омофоръ составлялъ исключительно епископское облаченіе и безъ него, насколько можно замѣтить изъ описанія различныхъ молитвословій, епископъ не совершалъ ни одного чинопослѣдованія, не читалъ ни одной молитвы, какъ теперь священникъ безъ епитрахили (79—80, 95, 96, 104, 374, 755 и мн. др.). Литургическую одежду низшихъ клириковъ, какъ мы сказали, составляла фелонь. Эта фелонь отличалась отъ настоящей тѣмъ, что была короче ея. Короткую или малую

([230]) Ibid. s. voce „μανουάλιον". Reiske. ibid. p. 177—178.
([231]) Голубинскій. Ист. русс. церк. I, 2. Стр. 238—239.
([232]) Ibidem. I, 2. Стр. 226.

фелонь носили чтецы, пѣвцы, патріаршіе духовные чиновники и въ извѣстныхъ случаяхъ сироты (755, 246). Въ крестныхъ ходахъ всѣ клирики, какъ видно изъ менологія императора Василія, носили малую фелонь, такъ что она въ нѣкоторомъ смыслѣ составляла одежду всего клира ([233]). Кромѣ малой фелони, низшіе клирики имѣли еще одежду, называемую τὸ καμίσιον (755). Эту одежду одни отожествляютъ съ малой фелонью ([234]), другіе съ стихаремъ ([235]). Что эта литургическая одежда не была однимъ и тѣмъ же съ малой фелонью, видно изъ того, что „Обрядникъ" ясно различаетъ ихъ (756). Она приближалась, вѣроятно, къ стихарю ([236]), который въ нашемъ памятникѣ является одеждой извѣстныхъ придворныхъ чиновъ (233). Быть можетъ, τὸ καμίσιον и τὸ στιχάριον были одна и таже одежда, различаясь лишь названіемъ и нѣкоторыми особенностями въ покроѣ. Что касается матеріи священныхъ облаченій, то „Обрядникъ" не говоритъ о ней; цвѣтъ литургическихъ одеждъ былъ, конечно, различенъ, но болѣе другихъ упоминается бѣлый (755, 771) ([237]).

Кромѣ священныхъ облаченій для священно-церковно-служителей, въ „Обрядникѣ" находятся указанія еще на другой родъ священныхъ одеждъ. Это—одежды престола, покровы для священныхъ сосудовъ и различнаго рода завѣсы. Изъ облаченій престола „Обрядникъ" упоминаетъ одну только

([233]) Ibid. Стр. 228—9.

([234]) Ibid. Стр. 228.

([235]) Прибавл. къ изд. твор. св. отцевъ. Мансветовъ. „О пѣсненномъ послѣдованіи". Ч. 26. Стр. 794—795.

([236]) Du Cange. Gloss. graecit. s. v. „καμίσιον". Gloss. latnit. s. v. „alba".

([237]) Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ упоминаемаго въ „Обрядникѣ" головного покрова подъ названіемъ камилавки—τὸ καμελαύκιον (353. 628). Это былъ особаго вида вѣнецъ, отъ котораго заимствовали свою форму головные покровы духовныхъ лицъ. См. Du Cange. Gloss. graecit. s. v. „καμελαύκιον" и Gloss. latinit. s. v. „camelaucum".

индитію—ἡ ἁγία ἐνδυτή (15, 151, 160, 536 и др.) и ничего не говоритъ о нижней одеждѣ или срачицѣ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что она въ это время еще не употреблялась ([238]). Судя по тому обстоятельству, что патріархъ подавалъ императору индитію для лобзанія (15, 536), индитія представляла изъ себя не такую, трудно снимаемую съ престола одежду, какою мы видимъ ее теперь, а покровъ, стлавшійся на престолѣ ([239]). Да и къ чему, напримѣръ, было закрывать престолъ въ св. Софіи, когда онъ былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннѣйшаго матеріала? По угламъ и въ срединѣ индитіи были сдѣланы особыя нашивки, называвшіяся τὰ ταβλία (15); эти нашивки были ничто иное, какъ украшенія, которыя подъ именемъ latus clavus употреблялись въ греко-римскомъ костюмѣ ([240]). На углахъ индитіи имъ придавали символическое значеніе четырехъ евангелистовъ ([241]). Въ извѣстные дни года, какъ, напримѣръ, въ великую субботу, предъ литургіей съ извѣстными обрядами совершалось переоблаченіе престола. По вступленіи въ алтарь лица, имѣвшія на то право, лобызали престолъ, поднявъ, вѣроятно, индитію и затѣмъ эту послѣднюю (160).—Изъ покрововъ на священные сосуды „Обрядникъ“ говоритъ о воздухахъ или илитонахъ—ἡ ἀήρ (15), τὸ εἰλητόν (65, 183). Понятіе, соединяемое теперь съ этими названіями, иное. Подъ воздухомъ теперь разумѣется общій для потира и дискоса покровъ, а подъ илитономъ платъ, въ которомъ завертывается антиминсъ. Въ „Обрядникѣ“ же названія воздухъ и илитона были названіемъ двухъ покров-

([238]) Голубинскій. ibid. Стр. 143, прим. 5.

([239]) Reiskii Comment. ad Const. porphyrog. p. 108. Du Cange. Gloss. graecit. s. v. „ἐνδυτή“.

([240]) Reiskii.ibid. p. 107. Du Cange. s. voce „τάβλα“. Вейсъ. Внѣшн. бытъ народовъ. II, I. Стр. 15—15. 98—99.

([241]) Голубинскій. ibid. Стр. 143—144.

цевъ, которыми покрывались потиръ и дискосъ (ibid) ([242]). Въ дни торжественныхъ выходовъ къ литургіи въ св. Софію императоръ приносилъ въ даръ ей два бѣлыхъ воздуха (ibid.). Обычай приносить въ даръ церквамъ покровцы сохраняется у насъ въ народѣ доселѣ. Надъ престоломъ, какъ мы видѣли, устраивался на четырехъ столбахъ киворій. Между этими столбами вѣшались завѣсы, которыя въ извѣстные моменты литургіи задергивались; эти завѣсы дѣлались изъ дорогихъ тканей (596). Употреблялись въ византійскихъ храмахъ и иныя завѣсы (ibid.), для другихъ цѣлей; онѣ развѣшивались, напримѣръ, въ той части катихуменовъ, гдѣ присутствовалъ за службой императоръ (80, 101 и др.). — Индитіи и завѣсы помимо своего литургическаго назначенія имѣли еще декоративное, будучи употребляемы для украшенія храмовъ въ торжественныхъ случаяхъ. Съ этою цѣлью онѣ развѣшивались на катихуменахъ (591).

Изъ книгъ, употреблявшихся при богослуженіи, „Обрядникъ“ чаще другихъ упоминаетъ честное — τὸ ἄχραντον, святое — τὸ ἅγιον, евангеліе — εὐαγγέλιον (14. 28, 76, 102, 116, 120, 123, 126 и мн. др.). Евангеліе украшалось такъ же, какъ и у насъ; драгоцѣнно украшенные евангельскіе кодексы — πτυχία εὐαγγελίων въ торжественныхъ случаяхъ развѣшивались по церкви для убранства послѣдней (592). Евангеліе носилось въ крестныхъ ходахъ (120, 175); оно выносилось архидіакономъ при встрѣчахъ императора, вступавшаго въ церковь (14). Евангеліе чествовалось лобзаніемъ, какъ это дѣлается доселѣ (117, 120 и др.). Подобно евангелію употреблялись и апостольскіе кодексы или апостолы (85). Кромѣ евангелія и апостола, „Обрядникъ“ изъ богослужебныхъ книгъ называетъ „церковное послѣдо-

([242]) Reiskii ibid. p. 108—9. 162. Du Cange. ibid. s. vocibus „ἀήρ“, „εἰλητόν“.

ваніе“—ἡ ἀκολουθία τῆς ἐκκλησίας (467). Каково было содержаніе этого литургическаго кодекса, сказать трудно. Но судя потому, что эта книга бралась византійскими императорами въ походы, можно думать, что она представляла собою собраніе необходимѣйшихъ церковныхъ послѣдованій. Въ ней заключались, вѣроятно, послѣдованія, входящія теперь въ составъ служебника и требника, а въ древнее и старое время составлявшія одну книгу, древнѣйшій образецъ которой заключается въ восьмой книгѣ постановленій апостольскихъ. Эта книга носила названіе евхологіона и его необходимо разумѣть подъ „церковнымъ послѣдованіемъ“, упоминаемымъ въ „Обрядникѣ“ ([243]). Наконецъ, въ изучаемомъ памятникѣ не разъ идетъ рѣчь о сборникахъ поученій, изъ которыхъ предлагались чтенія, напримѣръ, за патріаршей трапезой въ четвергъ сырной седмицы (760), въ Магнаврскомъ дворцѣ въ понедѣльникъ первой седмицы великаго поста (155) и въ другихъ случаяхъ. Каковъ былъ составъ этихъ сборниковъ, изъ „Обрядника“ не видно. Быть можетъ, они содержали въ себѣ поученія знаменитѣйшихъ отцовъ на весь кругъ церковнаго года. Такіе сборники извѣстны и въ нашей русской церкви ([244]).

Нашъ способъ собиранія вѣрующихъ на молитву посредствомъ колокольнаго звона заимствованъ нами у западныхъ христіанъ и не былъ въ употребленіи у христіанъ восточныхъ ([245]). У этихъ послѣднихъ для названной цѣли упо-

([243]) См. Мансветовъ. Митроп. Кипріанъ въ его литур. дѣят. Стр. 10—11, прим. 1.

([244]) Оканчивая рѣчь о церковной утвари, необходимо упомянуть о передвижныхъ церквахъ, употреблявшихся во время походовъ. Эти церкви устраивались въ палаткахъ, которыя могли разбираться и переноситься съ одного мѣста на другое. Походныя церкви имѣли свою ризницу, при нихъ полагался извѣстный штатъ клириковъ и т. д. (412. 413. 466—467). См. Reiskii Comment. ad Ionstant. porphyrogen. p. 416—7 и 518—520.

([245]) Голубинскій. ibid. Стр. 130.

треблялись такъ называемыя била, которыя были деревянныя и желѣзныя ([246]). Въ „Обрядникѣ“ мы встрѣчаемся именно съ этимъ способомъ призыванія къ молитвѣ. Въ немъ упоминается деревянное било—τὸ ξύλον (334) и, когда идетъ рѣчь о призываніи въ церковь на молитву, то употребляется выраженіе „знаменовать—σημαίνειν, доселѣ употребляющееся въ уставѣ преимущественно тамъ, гдѣ говорится объ ударахъ въ било (170, 334) ([247]).

([246]) Du Cange. Gloss. aecit. s. voce „σήμαντρον“.
([247]) Reiskii. Comment. ad Constant. porphyrogen. p. 235—238.

ГЛАВА II.

Общій очеркъ богослуженія Великой церкви.

Отличительными чертами богослуженія Великой церкви было преобладаніе обрядоваго драмматизма и пѣнія (1). Тотъ и другое требовали участія въ службѣ большого количества клириковъ. И дѣйствительно, штатъ духовенства при св. Софіи, опредѣленный въ очень крупныхъ цифрахъ еще при Юстиніанѣ, при его преемникахъ возросъ до огромнаго количества (2). — Во главѣ Софійскаго клира стоялъ патріархъ. Онъ совершалъ богослуженіе во всѣ великіе праздники и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Ему сослужили случавшіеся въ столицѣ митрополиты, архіепископы и епископы, а также іереи и протоіереи. Судя по тому обстоятельству, что въ „Обрядникѣ" протопопы являются опредѣленными къ извѣстной церкви, можно думать, что каждый храмъ, по крайней мѣрѣ изъ большихъ, имѣлъ своего протопопа — ὁ πρωτοπάπας (594). Во главѣ діаконовъ былъ архидіаконъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ патріаршихъ служеніяхъ (14, 28). Діаконы имѣли своею обязанностью произносить ектеніи, кадить, носить въ крестныхъ ходахъ евангеліе и т. п. (175. 117. 120 и др.) Переходную сту-

(1) И. Мансветовъ. Церковный уставъ. М. 1885. Стр. 233.

(2) И. Мансветовъ. О пѣсненномъ послѣдованіи. Приб. къ изд. твор. свв. оо. 1880 г. Ч. 26. Стр. 757.

пень къ низшимъ клирикамъ составляли иподіаконы, изъ обязанностей которыхъ упоминается несеніе креста во время литаній (117. 120). Кромѣ иподіаконовъ говорится и о другихъ церковнослужителяхъ чтецахъ, пѣвцахъ и парамонаряхъ. О послѣднихъ вся рѣчь ограничивается простымъ упоминаніемъ (118). Чтецы, кромѣ чтенія въ храмахъ и за трапезою, какъ увидимъ ниже, принимали также участіе въ пѣніи. — Въ клирѣ Софійскаго собора сверхъ упомянутыхъ лицъ было еще много другихъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ ту или иную священную степень. Богатѣйшею сосудохранильницей храма св. Софіи завѣдывалъ скевофилаксъ (34 и др.), избиравшійся обыкновенно изъ діаконовъ ([3]). Онъ имѣлъ письмоводителя (ibid.), такъ какъ обязанъ былъ дважды или трижды въ годъ представлять патріарху отчетъ о состояніи ризницы ([4]). Скевофилаксу былъ подчиненъ кастризій — ὁ καστρήσιος или ризничій. Онъ служилъ патріарху при облаченіи и разоблаченіи, а во время службы подавалъ ему кадильницу (28 и др.) ([5]). Скевофилаксы были также при другихъ церквахъ, напр. при церкви Спасителя въ Большомъ дворцѣ (11), во влахернскомъ храмѣ Богоматери (551). При встрѣчѣ императора скевофилаксы выходили обыкновенно съ крестомъ и ѳиміамомъ (11. 551). — Очень часто при описаніи патріаршихъ служеній упоминается референдарій. Это былъ патріаршій чиновникъ, употреблявшійся патріархомъ при сношеніяхъ съ императоромъ и другими важными лицами ([6]). За литургіей онъ подводилъ для лобзанія съ императоромъ членовъ патріаршаго клира (17 и др.).

([3]) „О чинахъ патріаршей К — ской церкви въ средніе вѣка". Прав. Собес. 1868. Ч. 3. Стр. 55—6.

([4]) Стрр. 80. 55.

([5]) Стр. 63.

([6]) Стр. 64.

Референдарій имѣлъ санъ діакона. — Наконецъ, въ клирѣ св. Софіи упоминаются еще остіаріи — οἱ ὀστιάριοι (18); они прислуживали во время причащенія, держа у устъ причащающагося развернутый платъ (134 и др.). Были также при св. Софіи діакониссы (182).

Каждый храмъ и монастырь имѣлъ свое собственное духовенство. Такъ въ „Обрядникѣ“ упоминается, напримѣръ, клиръ влахернской церкви Божіей матери (551—552), клиръ церкви Спасителя въ Большомъ дворцѣ (11), клиръ Новой церкви (549) и др. Какъ велики были эти клиры, неизвѣстно. Нѣкоторыя указанія, находящіяся въ 52-й главѣ второй книги, слишкомъ общи, чтобы при помощи ихъ можно было рѣшить данный вопросъ. — Въ дни торжественныхъ служеній, напр. въ недѣлю православія (157), все духовенство столичныхъ церквей и игумены монастырей съ своимъ клиромъ собирались вмѣстѣ около патріарха.

Кромѣ клириковъ, въ Византіи въ совершеніи богослуженія принимали участіе императоры (7). Ихъ участіе не ограничивалось пассивною ролью — составлять обстановку того или другого литургическаго акта; они дѣятельно участвовали въ немъ, совершая всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются у насъ діаконами, а сверхъ того нѣчто изъ принадлежащаго священникамъ. Вотъ причина, по которой, говоря о богослуженіи Великой церкви, нельзя не говорить объ участіи въ немъ византійскаго императора. Упомянемъ прежде всего о томъ, что императоръ имѣлъ право входить въ алтарь и чрезъ святыя двери. Изъ „Обрядника“ видно, что въ дни поста государь не входилъ въ алтарь (155. 159); очень можетъ быть, что первоначально императоръ входилъ въ алтарь только въ великіе праздники и лишь впослѣд-

(7) Въ описаніи богослуженія Великой церкви, какъ увидимъ послѣ, фигурируютъ и другіе міряне, какъ напр. сироты.

ствіи это право было распространено на всѣ дни года. Въ алтарѣ царь лобызалъ св. престолъ, перемѣнялъ на немъ индитію, прикасался къ священнымъ сосудамъ, вѣялъ рипидою и т. д. Очень часто императоръ кадилъ, а во время великаго входа на литургіи исполнялъ обязанности свѣщеносца. Изъ священническихъ дѣйствій имѣлъ право преподавать народу благословеніе (291. 299. 307. 309)([8]). Во время нѣкоторыхъ службъ императоръ становился рядомъ съ патріархомъ предъ престоломъ, шелъ съ нимъ рядомъ въ литаніяхъ; при этомъ нерѣдко первенство, видимо, было за императоромъ([9]).

Усиленное участіе пѣвцовъ въ богослуженіи Великой церкви требовало болѣе или менѣе полно организованныхъ хоровъ и раздѣленія ихъ на клиросы([10]). Такъ и было это въ дѣйствительности. Изъ такихъ хоровъ пѣвчихъ въ „Обрядникѣ“ упоминаются два: въ храмѣ святыхъ апостоловъ — οἱ ἀποστολῖται и въ св. Софіи — οἱ ἁγιοσοφῖται (569). Агіософиты раздѣлялись на два клироса, во главѣ которыхъ стояли два доместика (755) или регента([11]). Они управляли хорами пѣвцовъ, пользуясь техническими пріемами тогдашней хирономіи (757). Иногда трудъ пѣвческаго исполненія тѣхъ или другихъ гимновъ раздѣляли съ пѣвцами св. Софіи чтецы. Въ такомъ случаѣ пѣвцы составляли одинъ клиросъ, а чтецы другой; во главѣ ихъ было два доместика (755).

Преобладающимъ способомъ пѣвческаго исполненія молитвословій былъ антифонный. Указанія на него разбросаны во множествѣ по страницамъ изучаемаго памятника (115.

([8]) См. статью Каневскаго „Выходы византійскихъ императоровъ“ и пр. въ Труд. Кіев. дух. акад. 1872. Ч. Стрр. 810—811, примѣч. 1.

([9]) Ibid. Стрр. 847—848.

([10]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 773.

([11]) „О чинахъ патріаршей“ и пр. Прав. Собесѣд. 1868. Ч. 3. Стр. 76.

117. 366 и др.). Такъ, напримѣръ, за праздничными трапезами два хора пѣвцовъ исполняли антифонно приличныя случаю пѣснопѣнія, чередуясь каждый по три раза (756).— Встрѣчаются также указанія на инофоническій способъ исполненія пѣснопѣній, издревле существовавшій въ литургической практикѣ и состоявшій въ слѣдующемъ. Къ стихамъ псалмовъ или другихъ молитвословій присоединялся какой либо припѣвъ, который и назывался — ὑπακοή ([12]). На этомъ способѣ исполненія пѣснопѣній основана цѣлая отрасль церковной гимнографіи, такъ называемые кондакари ([13]). Въ Византіи такъ исполнялась побѣдная пѣснь Израильтянъ по переходѣ чрезъ Чермное море (Исход. гл. 15), исполняемая тѣмъ же способомъ доселѣ на литургіи въ великую субботу. — Изъ „Обрядника“ мы узнаемъ, что въ Византіи имѣли широкое распространеніе тѣ восемь гласовыхъ напѣвовъ, которые употребляются въ православной церкви доселѣ. Называются они ἦχοι и раздѣляются на двѣ группы, по четыре гласа въ каждой, каждый гласъ второй группы называется πλάγιος — косвенный, напр. πλάγιος πρῶτος (42). Причина такого названія та, что во второй группѣ гласы не имѣютъ своего особаго характера и тона пѣнія, а представляютъ тѣ же гласы первой группы, лишь перешедшіе въ ближайшій полутонъ ([14]).—Пѣвческое исполненіе молитвословій называется обычно псалмопѣніемъ—ἡ ψαλμῳδία (115), пѣніемъ, мелодіей — ἡ μελῳδία (756); встрѣчается выраженіе „пѣть со гласомъ“ — μετὰ μέλους (610), — выраженіе, употребляющееся въ нашемъ типиконѣ доселѣ. Всѣ эти термины ясно свидѣтельствуютъ о широкомъ развитіи

([12]) Мансветовъ. Ibid. Стрр. 778—780.

([13]) Мансветовъ. „Кондакарій въ греческ. подлинникѣ“ и пр. Приб. къ изд. Твор. свв. оо. 1880. Ч. 26. Стрр. 500—503.

([14]) Ловягинъ. Богослужебные каноны. Спб. 1861. Стр. 85, примѣч. 1.

пѣвческаго элемента въ богослуженіи Великой церкви, развитіи, обязанномъ своимъ существованіемъ уже давно отжившему свой вѣкъ типу „пѣсненныхъ“ службъ, исполнявшихся преимущественно при соборныхъ храмахъ ([15]).

Почти всѣ церковныя чинопослѣдованія слагаются изъ двухъ элементовъ: молитвословій и обрядовыхъ дѣйствій. Изучаемый памятникъ даетъ довольно свѣдѣній о томъ и другомъ элементѣ. Начнемъ съ перваго, какъ несравненно болѣе древняго. — Чтеніе священнаго писанія происходило за литургіей и другими службами. На литургіи предлагалось чтеніе изъ писаній апостольскихъ (85) и евангелія (ibid.); послѣднее читалось также на утренѣ, напр. о воскресеніи Спасителя въ дни воскресные (435). На вечернѣ полагалось чтеніе паремій, при чемъ число ихъ бывало иногда довольно большое (140). Предъ чтеніемъ положеннаго отдѣла священнаго писанія пѣлся прокименъ (85), заимствованный, вѣроятно, также изъ священнаго писанія. Таковъ, напр., прокименъ (611) „кто Богъ велій, яко Богъ нашъ; ты еси Богъ, творяй чудеса (Псал. 76, 14—15). Нѣкорые отдѣлы священнаго писанія исполнялись пѣвчески; также упомянутая выше пѣснь „поимъ Господеви“ (610).— О молитвахъ „Обрядникъ“ говоритъ очень немного, такъ какъ большая часть службъ состояла изъ пѣснопѣній. Упомянемъ о молитвѣ входа — ἡ εὐχὴ τῆς εἰσόδου (112 и др.), читавшейся во время малаго входа на литургіи предстоятелемъ, и молитвахъ главопреклоненія, которыя читались священнодѣйствующимъ про себя, за исключеніемъ возгласа (220. 611). Остальныя молитвы изъ упоминаемыхъ въ „Обрядникѣ“ относятся къ частнымъ чинамъ, какъ напр. къ послѣдованію богоявленскаго водосвятія (141). Были

([15]) Мансветовъ. „О пѣсн. послѣд.“ Ibid. Стр. 752.

также молитвы утреннія (7. 579), предъ и послѣ вкушенія пищи (95—96, 113—114 и др.). — Нѣчто среднее между молитвословіями и пѣснопѣніями составляли ектеніи. Ектеніи произносились обыкновенно діаконами, а заканчивались возгласомъ священника или епископа (219. 227). Какія именно ектеніи употреблялись, ясно не видно. Положительно говорится объ употребленіи ектеніи великой. Она начиналась такъ же, какъ начинается теперь, „миромъ Господу помолимся", а заканчивалась преданіемъ себя волѣ Божіей и возгласомъ. Изъ прошеній упоминается одно: о покореніи подъ ноги императора „всякаго врага и супостата" (219. 227. 611). На возглашенія діакона народъ отвѣчалъ словами „Господи помилуй", „Тебѣ Господи", а на возгласъ патріарха или священника отвѣтомъ было „Аминь" (ibid.). Изъ другихъ ектеній упоминается ектенія послѣ чтенія евангелія на литургіи (85. 118. 121. 137 и др.), вѣроятно, сугубая([16]) и ектенія, произносившаяся во время литій или въ иныхъ подобныхъ случаяхъ (75. 174—175. 190—191. 540. 556). На усиленныя прошенія вмѣсто однократнаго „Господи помилуй" отвѣчали многократнымъ повтореніемъ его (611). Ектеніи назывались также литаніями — ἡ λιτανία (219—227).

Изъ видовъ церковныхъ пѣснопѣній „Обрядникъ" упоминаетъ: тропарь, канонъ, стихиры и нѣсколько отдѣльныхъ молитвъ. Подъ тропаремъ—τὸ τροπάριον разумѣются тѣже произведенія церковной поэзіи, что и теперь. Почти всѣ тропари изъ упоминаемыхъ здѣсь доселѣ употребляются. Тропарь пѣлся за вечерней, во время крестныхъ ходовъ и т. д. (75. 85. 116. 120. и др.). Если тропарь полагался

([16]) Катанскій. Очеркъ исторіи литургіи православной восточной церкви. В. I. Спб. 1868. Стрр. 75—76.

въ концѣ службы, напр. въ заключеніе вечерни, то онъ носилъ названіе „отпустительнаго“ — ἀπολυτίκιον (115), которое сохранилось въ данномъ случаѣ и въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ. Нѣкоторые тропари служили образцами для пѣнія другихъ тропарей; такимъ образомъ, были „подобны“—ἰσόμελα, какъ они существуютъ донынѣ. Такъ, напримѣръ, тропарь въ недѣлю ваій служилъ подобномъ для тропаря въ день святаго пророка Иліи (115. 776). Иногда тропарь раздѣлялся на двѣ части и исполнялся двумя сторонами пѣвцовъ попеременно (115). — Канонъ, какъ и теперь, пѣлся на утренѣ; упоминаются третья и шестая пѣсни его (538. 540. 549. 550) ([17]).—Стихиры по своему содержанію носили названіе „крестныхъ“—τὰ σταυρώσιμα (539. 549), „богородичныхъ“ — τὰ θεοτόκια (609) и т. д.; эти названія сохранились въ литургической терминологіи доселѣ.—Изъ отдѣльныхъ пѣснопѣній упомянуто великое славословіе, исполнявшееся всѣми молящимися (125). Употреблялись, конечно, малое славословіе „во имя Отца“ и т. д. (526. 528), пѣснь ангеловъ при рожденіи Спасителя „слава въ вышнихъ Богу“ и пр. (204) и ветхозавѣтное славословіе „святъ, святъ, святъ (ibid.)“. Въ концѣ утрени пѣлось „утверди Боже“ и пр. (540).—Службы оканчивались, какъ и доселѣ, особымъ отпустомъ—ἡ ἀπόλυσις (115. 137. 171. 175. 535).

Въ числѣ обрядовыхъ дѣйствій, бывшихъ въ употребленіи въ изучаемое время, есть такія, которыхъ теперь мы уже не встрѣчаемъ вовсе или находимъ въ иномъ видѣ; но большая часть осталась безъ измѣненія доселѣ. Вошедшій из-

([17]) Ирмосъ, которымъ покрывается у насъ каждая отдѣльная пѣснь канона, называется „катавасіей“. О пѣніи катавасіи упоминается въ „Обрядникѣ“ (30), но, что разумѣется здѣсь подъ катавасіей, опредѣлить трудно.

древле въ практику обычай во время молитвы обращаться на востокъ, строго соблюдался и теперь (219. 475). — Обыкновенно во время службы стояли, преклоняя въ извѣстные моменты колѣни и головы. Преклоненіе колѣнъ употреблялось въ дни поста и въ будни; въ торжественные дни, каковы воскресные и праздничные, оно запрещалось (161 — 162. 414), какъ запрещается и нашимъ уставомъ. Главопреклоненію — ἡ κεφαλοκλισία предшествовалъ возгласъ діакона „главы наша Господеви приклонимъ", на который народъ отвѣчалъ „тебѣ Господи". Главопреклоненіе, какъ и теперь, сопровождалось всегда тайною молитвою священнослужителя (220. 611). — Вышедшее теперь изъ употребленія среди мірянъ и оставшееся въ употребленіи почти среди однихъ священнослужителей, да и то лишь во время одной литургіи ([18]), обыкновеніе молиться съ воздѣтыми къ небу руками представляется въ „Обрядникѣ" болѣе распространеннымъ (475). — Омовеніе рукъ, совершаемое теперь только священнослужителями и въ алтарѣ, совершалось предъ входомъ въ храмъ къ литургіи всѣми въ бассейнахъ, бывшихъ на церковныхъ дворахъ или атріумахъ (100). — По вступленіи въ храмъ было въ обычаѣ поклоняться святынямъ его и лобызать ихъ (31. 76 — 77. 117. 563 и др.). Лобзаніе же другъ друга за литургіей представляется уже не такъ широко распространеннымъ, какъ это было въ древности, хотя оно не успѣло еще сократиться до такихъ незначительныхъ размѣровъ, въ какихъ существуетъ теперь (17. 66. 134 и др.). — Очень распространеннымъ представляется также обычай молиться, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи. Такъ молились не только во время присутствованія въ хра-

([18]) Воздѣяніе рукъ священникомъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ указывается еще на полунощницѣ при чтеніи молитвы „Тя благословимъ, вышній Боже".

махъ за службою, но и при частныхъ посѣщеніяхъ той или другой церкви съ цѣлью поклониться ея святынямъ (11. 12 и др.). О случаяхъ молитвы со свѣчами за церковнымъ богослуженіемъ было уже говорено. Они были очень часты, а не представляли чего либо исключительнаго, какими являются теперь. При томъ тогда подобный образъ молитвы былъ доступенъ всѣмъ и лишь съ теченіемъ времени сталъ достояніемъ священнослужителей и, наконецъ, только однихъ епископовъ ([19]).—Упоминается о преподаніи епископомъ и священникомъ благословенія, но не говорится, какъ именно преподавалось оно за исключеніемъ того, что благословляющая рука осѣняла народъ крестообразно и трижды (220). Иногда такое благословеніе соединялось съ преподаніемъ мира; въ такомъ случаѣ благословляющій возглашалъ „миръ вамъ“, а молящіеся отвѣчали „и духови твоему“ (ibid.). Правомъ благословлять народъ, какъ было сказано, пользовался также византійскій императоръ. Онъ, какъ и патріархъ, благословлялъ крестообразно въ средину, направо и налѣво (547). Но патріархъ благословлялъ обнаженною рукою, складывая для этого такъ или иначе пальцы своей руки; императоръ же не благословлялъ обнаженною рукою. Ему дѣлали изъ подола мантіи τὸ ῥωσθέλιον, складку на подобіе того, какъ священники складывали пальцы для благословенія ([20]), и этимъ уже онъ благословлялъ народъ (291. 299. 306—307 и др.).—Крестное знаменіе, конечно, было такъ же употребительно, какъ и теперь. Укажемъ нѣкоторые изъ случаевъ его употребленія. При возведеніи въ нѣкоторые чины голова возводимаго трижды знаменовалась крестнымъ знаменіемъ (220 и др.). Крестное знаменіе упо-

([19]) Мансветовъ. Ibid. стрр. 1004—1005.
([20]) Reiskii. Comment. ad Const. porphyr. p. 302.

треблялось лицами, не имѣвшими священническаго достоинства, для благословенія (313 — 314 и др). Отправляясь въ дальній походъ, византійскіе императоры, отъѣхавъ на извѣстное разстояніе отъ столицы, знаменовали ее крестомъ трижды, читая молитву, въ которой просили Бога сохранить ее въ мирѣ, избавивъ отъ враговъ внѣшнихъ и отъ внутреннихъ неурядицъ (451. 475).

Главнѣйшая изъ нашихъ церковныхъ службъ — литургія — начала свое существованіе со временъ апостольскихъ (Дѣян. 2, 46; 1 Кор. 11, 20). Уже въ это и въ ближайшее къ этому время она опредѣлилась въ своихъ существенныхъ чертахъ, которыя остались неизмѣнными за всю ея многовѣковую исторію ([21]). Но, оставаясь неизмѣнною въ существенномъ и основномъ, литургія развивалась и измѣнялась въ остальномъ подобно другимъ службамъ. Ея исторія имѣетъ нѣсколько періодовъ. Время, которое обнимаетъ собою „Обрядникъ", относится къ тому періоду исторіи литургіи, когда опредѣлился уже текстъ ея молитвъ и дѣятельность литургистовъ сосредоточивалась преимущественно на обогащеніи литургіи обрядовыми дѣйствіями и пѣснопѣніями ([22]). Эта работа продолжалась долгое время и болѣе или менѣе закончилась только съ появленіемъ приписываемаго патріарху константинопольскому Филофею (1354 — 1355 г. и 1362 — 1376 г.), но на самомъ дѣлѣ раннѣйшаго его, устава литургіи — διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας ([23]). Такимъ образомъ, нашъ памятникъ даетъ матеріалъ преимущественно для исторіи обрядовой стороны литургіи, которую онъ застаетъ въ періодъ ея развитія и еще задолго до ея закрѣпощенія въ

([21]) Катанскій. Очеркъ исторіи литургіи и т. д. стрр. 13—39.

([22]) Ibid. Стр. 13.

([23]) Мансветовъ. Митрополитъ Кипріанъ въ его литург. дѣят. М. 1882. Стрр. 17—18.

извѣстныя формы. Для исторіи текста литургійныхъ молитвъ „Обрядникъ“ не имѣетъ значенія, такъ какъ сообразно своей задачѣ слѣдитъ почти исключительно за внѣшней стороной службы. — Литургія во всѣхъ церквахъ совершалась однообразно, за исключеніемъ, конечно, разностей въ частностяхъ, и потому описаніе ея, данное въ „Обрядникѣ“, не можетъ служить пособіемъ для изученія устава Великой церкви, какъ другія церковныя службы; оно имѣетъ значеніе лишь для исторіи самой литургіи.

Та часть литургіи, которая предшествуетъ теперь малому входу, въ „Обрядникѣ“ не упоминается. Вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о совершеніи литургіи, началомъ послѣдней является малый входъ, который иногда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ входомъ въ храмъ. Входъ совершался изъ притвора въ церковь и изъ этой послѣдней чрезъ святыя двери въ алтарь; молитва входа читалась въ царскихъ вратахъ. Приблизившись къ святымъ дверямъ, совершавшій входъ дѣлалъ предъ ними три поклона, имѣя въ рукахъ горящія свѣчи, и входилъ въ алтарь, облобызавъ напередъ кресты на святыхъ вратахъ. Вступивъ въ алтарь, онъ цѣловалъ индитію престола (14—15. 30—31. 64—65 и др.). Такимъ образомъ малый входъ совершается теперь лишь за архіерейскимъ служеніемъ въ своей второй половинѣ; вся разница въ томъ, что епископъ идетъ не изъ притвора, котораго нѣтъ въ нашихъ церквахъ, а съ своего архіерейскаго амвона. Въ описанной формѣ малый входъ представляетъ древній обрядъ вступленія въ храмъ и алтарь для совершенія литургіи, имѣющій свой смыслъ, а не простую обрядность, какимъ онъ является теперь, если не придавать ему символическое значеніе исхожденія Спасителя на всемірную проповѣдь, какъ истолковали его въ періодъ появленія символическихъ толкованій литургіи, когда сталъ забы-

ваться уже историческій смыслъ ея составныхъ частей.

За вступленіемъ въ алтарь слѣдовало кажденіе его (11), какъ это бываетъ доселѣ при епископскихъ служеніяхъ, а затѣмъ чтеніе апостола и евангелія. Апостольскому чтенію предшествовало пѣніе прокимна (85. 118. 121 и др.). Послѣ евангелія произносилась сугубая ектенія, заканчивавшаяся по обычаю возгласомъ (118. 121. 137 и др.). Послѣ этой ектеніи императоръ со свитою удалялся изъ храма, если не имѣлъ намѣренія причащаться. Фактъ очень любопытный. Сугубою ектеніею оканчивается та часть литургіи, которую имѣли право слушать оглашенные. Далѣе начинались молитвы, въ которыхъ вѣрные приготовлялись къ принятію евхаристіи ([24]), и оглашенные, какъ не имѣвшіе доступа къ таинству, удалялись изъ храма. Не существовалъ ли въ древности обычай уходить вмѣстѣ съ ними и тѣмъ изъ вѣрныхъ, которые не приступали къ святому причащенію? Упомянутый обычай наводитъ на такое соображеніе. Въ „Обрядникѣ“ онъ соблюдается только императоромъ, а въ прежнее время былъ, вѣроятно, болѣе употребительнымъ.

Великій входъ указывается на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы видимъ его теперь. Онъ совершался изъ предложенія чрезъ средину храма и состоялъ въ перенесеніи приготовленныхъ къ освѣщенію даровъ съ жертвенника на престолъ. Входъ совершался въ предшествіи одного или двухъ свѣтильниковъ и въ сопровожденіи діаконовъ съ кадильницами (16 — 17. 65 и др.).

Послѣ великаго входа упоминается лобзаніе мира — ἡ ἀγάπη (17), ἡ θεία ἀγάπη (65), ὁ ἀσπασμός (134). Оно предварялось, вѣроятно, возгласомъ „возлюбимъ другъ

([24]) См. первую и вторую молитвы вѣрныхъ въ литургіяхъ свв. Іоанна Златоустаго и Василія великаго.

друга"... ([25]) Священнослужители лобызались въ алтарѣ, а для лобзанія съ вѣрными выходили на солею (17 и др.).

Не за долго до конца литургіи совершалось причащеніе, къ которому приступали несравненно чаще, чѣмъ теперь. Такъ, напримѣръ, императоръ причащался съ своей свитою каждый большой праздникъ. Употребляющійся теперь обычай приступать къ святому причащенію предъ святыми дверями встрѣчается въ „Обрядникѣ" (134—135).

Литургія, какъ и другія службы, оканчивалась особымъ отпустомъ—ἡ τῆς λειτουργίας ἀπόλυσις (137).

При выходѣ изъ храма имѣли обычай раздавать милостыню (18. 135 и др.). Этотъ обычай существовалъ издавна и, благодаря такимъ ревностнымъ хранителямъ его, каковъ былъ св. Іоаннъ Златоустъ ([26]), твердо сохранялся.

Сохранились до изучаемаго времени слѣды—но только слѣды - еще другого древняго обычай: устройства въ храмахъ вечерей любви. Эти слѣды можно видѣть въ тѣхъ трапезахъ, которыя предлагались послѣ литургіи въ храмахъ патріарху и императору съ ихъ свитою ([27]) (18 и др.).

Вечернія—ἡ ἀκολουθια τοῦ λυχνικοῦ, τὸ λυχνικόν (115. 171) совершалась уже поздно вечеромъ. О составѣ ея, кромѣ того, что за нею читались иногда пареміи (140), а въ концѣ ея пѣлся тропарь въ честь празднуемаго событія или святого (115. 171), ничего не говорится. Оканчивалась служба обычнымъ отпустомъ—ἡ ἀπόλυσις τοῦ λυχνικοῦ (ibid.). Въ нѣкоторые дни года вечерня соединялась съ литургіей (140).

Нѣсколько больше извѣстно объ утренѣ—τὸ ὄρθρον (538),

([25]) Катанскій. Очеркъ исторіи литургіи и пр. Стр. 78 примѣч. 1.

([26]) Дмитревскій. Историч., догмат. и таинст. изъясн. божеств. литург. Спб. 1884 Стр. 102—103.

([27]) Reiskii. Comment. ad Constant. porphyrog p. 630. — Любопытно, что иногда эта трапеза поставлялась послѣ сугубой ектеніи, гдѣ въ древности совершалась проскомидія (Катанскій. ibid. Стр. 61—62.)

совершавшейся глубокимъ утромъ (125. 782). Изъ составныхъ частей ея „Обрядникъ“ называетъ двѣ крупныя и очень важныя: разумѣемъ канонъ и великое славословіе. Канонъ занималъ, кажется, тоже мѣсто, что и теперь; послѣ третьей и шестой пѣсни былъ какой либо перерывъ, какъ это бываетъ и у насъ (538. 440. 549—550). Канонъ составлялъ принадлежность каждой утрени, была ли она праздничная или будничная (ibid.) На томъ же мѣстѣ находимъ мы и великое славословіе. Къ сожалѣнію, о немъ упомянуто только однажды (125) и потому трудно судить о широтѣ его употребленія. Можно думать, что оно составляло принадлежность всѣхъ праздничныхъ утрень, а за нимъ слѣдовало евангеліе, читавшееся на всѣхъ праздничныхъ утреняхъ и воскресныхъ (435). Евангеліе на утреняхъ того типа, къ которому, какъ увидимъ ниже, принадлежала утреня Великой церкви, читалось послѣ великаго славословія, составляя съ нимъ и съ примыкавшими къ нему обрядцами какъ бы одно цѣлое ([28]). Евангеліе же читалось на всѣхъ праздничныхъ утреняхъ, какъ было уже сказано, а слѣдовательно всегда пѣлось и славословіе. Въ концѣ утрени пѣлось „утверди Боже“ и затѣмъ слѣдовалъ отпустъ утрени— ἡ ἀπολυσις τοῦ ὄρθρου (540. 549 и др.).

Изъ другихъ службъ „Обрядникъ“ даетъ лишь самыя общія указанія на бдѣніе и часы. О бдѣніи—ἡ παννυχίς 522. 541), ἡ πάννυχος (48), ὁ παννύχιος ὕμνος (157) кромѣ простого упоминанія, мы ничего не находимъ. Оно начиналось уже поздно вечеромъ (157) и продолжалось, вѣроятно, за полночь. Совершалось бдѣніе съ большою торжественностію наканунѣ великихъ праздниковъ.—Часы, какъ и теперь, распадались на нѣсколько отдѣльныхъ службъ:

([28]) Мансветовъ. О пѣсненномъ послѣдованіи. ibid. Стр. 1012—1014.

говорится о третьемъ, шестомъ и девятомъ часахъ (156 179 и др., 550).

Въ дни великаго поста третій и шестой часы составляли особую службу, носившую названіе „ἡ τριτοέκτη“, тритекти, третье-шестіе. Она справлялась ежедневно вмѣсто литургіи, а въ тѣ дни, когда полагалась литургія преждеосвященныхъ даровъ, какъ, напримѣръ, въ великую пятницу ([29]), служилась предъ литургіей. Въ тѣ дни, въ которые разрѣшалось совершать полную литургію, каковы, напримѣръ, изъ упомянутыхъ въ „Обрядникѣ“ первое и третье воскресенье поста, великая суббота и др., о тритекти не говорится ничего. Но, если полная литургія служилась въ такой день, когда она не положена, напримѣръ, въ понедѣльникъ первой седмицы по случаю праздника срѣтенія Господня, то литургіи предшествовало тритекти (156. 179. 548. 559). О составѣ службы не говорится вовсе.

На основаніи всего сказаннаго о богослуженіи Великой церкви попытаемся теперь опредѣлить уставъ ея. Въ службахъ Великой церкви мы прежде всего отмѣтимъ широко развитую пѣвческую обстановку и употребленіе тритекти. Эта послѣдняя служба принадлежала къ числу службъ, входившихъ въ кругъ пѣсненнаго послѣдованія, и можетъ служить яснымъ указаніемъ на то, что при св. Софіи господствовали службы пѣсненнаго типа. О томъ же свидѣтельствуетъ пѣвческое исполненіе большей части службы и нѣкоторыя другія подробности, какъ, напримѣръ, великое славословіе на утренѣ. И дѣйствительно, историческія разысканія показываютъ, что при соборныхъ церквахъ, въ томъ числѣ и при св. Софіи, господствовалъ уставъ пѣсненныхъ службъ

([29]) Мансветовъ. Церковный уставъ. Стрр. 235. 244. „О пѣсн. послѣд.“ Ibid. Стр. 1014.

([30]). Исполненіе ихъ здѣсь отличалось отъ исполненія въ иныхъ соборахъ только большею обрядностью, благодаря громадному клиру. Но въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ богослуженіе Великой церкви въ „Обрядникѣ“, оно не представляетъ уже пѣсненныхъ службъ въ ихъ первоначальномъ видѣ. Вліяніе общаго хода литургической практики, выражавшагося въ развитіи Студійскаго устава, отражалось на уставѣ Великой церкви. Припѣвы къ библейскимъ пѣснямъ, появившись въ видѣ коротенькихъ стишковъ еще задолго до VIII вѣка, подъ перомъ святыхъ Іоанна Дамаскина и Косьмы Маюмскаго перешли въ прекрасные гимны, получившіе названіе каноновъ. Каноны еще при жизни этихъ двухъ пѣснописцевъ широко распространились на востокѣ ([31]) и заняли видное мѣсто въ церковныхъ службахъ господствавшаго тогда устава. Практика Великой церкви не осталась въ данномъ случаѣ въ сторонѣ отъ общаго теченія и внесла каноны въ пѣсненную утреню. Тропари, стихиры и т. п. представляютъ нѣчто чуждое пѣсненнымъ службамъ и отсутствіе ихъ составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ этихъ послѣднихъ ([32]). А между тѣмъ въ „Обрядникѣ“ мы нерѣдко встрѣчаемся съ ними. Такимъ образомъ, уставъ пѣсненныхъ службъ въ Великой церкви въ это время сильно подпалъ вліянію общаго устава и воспринялъ въ себя много новаго. Однако не слѣдуетъ преувеличивать этого вліянія. Въ службахъ Великой церкви мы находимъ такія составныя части и послѣдованія, которыя ясно говорятъ, что она твердо

([30]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 756. Церков. уставъ. Стр. 229.

([31]) Каноны Косьмы Маюмскаго при его жизни проникли за предѣлы Іерусалимскаго патріархата, гдѣ онъ епископствовалъ, и распространились въ Антохійской области (Ловягинъ. Богослуж. каноны Стр. 125, примѣч. I). О вліяніи же церковной поэзіи Дамаскина излишне и говорить; достаточно просмотрѣть службу ему, чтобы понять, чѣмъ былъ онъ для востока.

([32]) Мансветовъ. „О пѣсненн. послѣдов“. Ibid. Стр. 754.

удерживала свои прежнія черты, воспринимая лишь то, что было удобно для нея. Сюда относятся великое славословіе и бдѣніе—ἡ παννυχίς. Господствовавшій въ то время студійскій уставъ допускалъ великое славословіе на утренѣ въ видѣ исключительнаго случая ([33]), а бдѣній онъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, вовсе не зналъ ([34]). Нужно замѣтить при этомъ, что въ „Обрядникѣ" идетъ рѣчь о бдѣніяхъ—всенощныхъ, составлявшихъ въ древности принадлежность всѣхъ великихъ праздниковъ, но потомъ подъ вліяніемъ уставовъ Студійской отрасли значительно сократившихся въ числѣ, пока Іерусалимскій уставъ снова не возстановилъ ихъ, а не объ особомъ родѣ пѣсненныхъ службъ, носившихъ названіе „паннихиды ([35])".

Великая церковь имѣла свой церковный календарь, отличавшійся отъ общецерковнаго составомъ праздниковъ и памятей, носившихъ мѣстный характеръ. Оставляя рѣчь о составѣ этого календаря до слѣдующей главы, скажемъ здѣсь о празднованіи въ Византіи этихъ праздниковъ и памятей. Въ Византіи богослуженіе совершалось ежедневно. Въ Большомъ дворцѣ, напримѣръ, церковь святого Василія великаго въ Лавзіакѣ была предназначена именно для ежедневнаго служенія (518. 523. 559). Праздничное служеніе отличалось отъ ежедневнаго прежде всего торжественностью. Въ этомъ отношеніи всѣ праздники распадались на нѣсколько группъ. Первая группа заключала въ себѣ слѣдующіе пять праздниковъ: святую и великую недѣлю пасхи, пятидесятницу, преображеніе, рождество Христово и Богоявленіе (22. 41. 369—370 и др.). Они представляли изъ себя какъ бы вѣнецъ блестящихъ торжествъ Великой церкви. Отличитель-

([33]) Мансветовъ. Церковн. уст. Стр. 78—79.
([34]) Ibid. Стр. 79.
([35]) Мансветовъ. „О пѣсненномъ послѣд." Ibid. Стр. 1020—1032.

ною чертою богослуженія этихъ дней было сосредоточеніе его въ св. Софіи. Столь распространенныя въ Византіи литаніи въ эти праздники не совершались и вся помпа, которою такъ блещутъ церковныя торжества Византіи, сосредоточивалась въ совершеніи литургіи. Литургія служилась патріархомъ въ сослуженіи бывшихъ въ столицѣ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ въ св. Софіи; совершеніе ея въ эти дни отличалось особенною торжественностью, которой она не имѣла въ другіе дни года ([36]).

Слѣдующая за этою группою серія праздниковъ имѣетъ отличительною чертою своего богослуженія литіи. Сюда относятся почти всѣ праздники Господскіе, богородичные и въ память особенно чтимыхъ въ Византіи святыхъ. Лишь нѣсколько великихъ праздниковъ не имѣютъ литій; таковъ, напримѣръ, день воздвиженія креста Господня. Литіи появились въ церковно-богослужебной практикѣ издавна. Такъ,

([36]) Любовь къ торжественнымъ служеніямъ и пышнымъ процессіямъ перешла отъ Грековъ къ намъ въ Россію. Отличительную черту въ богослуженіи нашихъ великихъ праздниковъ составляла помпа. Пріѣзжавшихъ къ намъ, въ Московскую Русь, иностранныхъ путешественниковъ поражала главнымъ образомъ блестящая обстановка нашихъ церковныхъ празднествъ. Во всѣхъ, оставленныхъ ими, описаніяхъ своихъ путешествій на Русь не малая доля вниманія посвящена богослуженію, но въ рѣчахъ объ этомъ послѣднемъ почти исключительно говорится о внѣшней, обрядовой сторонѣ его и ничего не упоминается о составѣ самыхъ чинопослѣдованій, заключавшихся въ пышной оболочкѣ этой обрядности (Алмазовъ. „Свѣдѣнія о храм. и богослуж. русс. церк. по сказ. западн. иностран. XVI—XVII вв.“ Правосл. Собесѣд. 1887. Ч. I. Стр. 288—289. 456. 459. 461. 463. 470). И это говорится не только лицами, описывавшими богослуженіе на Москвѣ, гдѣ эта пышность достигала дѣйствительно такого эффекта, что ее нельзя было пройти молчаніемъ. Таковъ, напримѣръ, былъ обрядъ великаго водосвятія вечеромъ 5-го января во времена патріарха Никона. Описаніе его невольно напоминаетъ, оставленное извѣстнымъ греческимъ историкомъ Евсевіемъ, восторженное описаніе торжества пасхальной ночи въ его время. Иностранцы поражались такой блестящей обстановкой православнаго богослуженія даже въ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ (Алмазовъ. „Свѣдѣнія о храмахъ“ и т. д. Ibid. Ч. II. Стр. 263).

св. Іоаннъ Златоустъ въ противовѣсъ аріанскимъ собраніямъ устроилъ торжественные крестные ходы въ столицѣ. Съ теченіемъ времени этотъ обычай вошелъ въ широкое употребленіе въ Византіи, такъ что рѣдкій праздникъ проходилъ безъ крестнаго хода. Нѣкоторые изъ этихъ крестныхъ ходовъ появились издревле и предписывались не только обычаемъ Великой церкви, но и господствовавшимъ Студійскимъ уставомъ. Они сохранились доселѣ на страницахъ нашего устава и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ соблюдаются ([37]). Сюда относятся литіи въ праздники Срѣтенія Господня, Благовѣщенія, недѣлю православія, недѣлю ваій и понедѣльникъ пасхи ([38]). Литіи, кромѣ праздниковъ, совершались и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при служеніи благодарственнаго молебствія за побѣду надъ врагами. Вообще, литіи были излюбленнымъ явленіемъ литургической практики востока и мы находимъ указанія на нихъ какъ въ древнѣйшихъ, такъ и новѣйшихъ литургическихъ памятникахъ ([39]). Но нигдѣ не совершались литіи съ такой помпой, какъ въ Византіи. Здѣсь литіи совершались обыкновенно патріархомъ при участіи высшаго духовенства столицы. Литіи совершались всегда предъ литургіей, такъ что окончаніе литіи совпадало съ началомъ литургіи, именно съ малымъ входомъ. Литія выходила большею частью изъ св. Софіи и направлялась въ тотъ или другой храмъ столицы. При этомъ за немногими исключеніями путь всегда лежалъ чрезъ форумъ Константина; здѣсь происходила остановка. Раза два-три литія совершалась изъ другихъ храмовъ въ

([37]) Имѣемъ въ виду ихъ совершеніе, напр., въ лаврѣ преп. Сергія Радонежскаго.

([38]) Мансветовъ. Церков. уст. Стр. 145. 141. 215—216.

([39]) Синайскій Канонарь. Тр. К. Д. Ак. 1874 іюнь. Стр. 491. Красносельцевъ. Богослуженіе Іерус. церкви въ концѣ IV в. Прав. Собес. 1888. Ч. 3. Стрр. 369—379. Типиконъ подъ тѣми же числами.

церковь святой Софіи. Литіи въ дворцовыхъ храмахъ шли обыкновенно изъ Фарской церкви Богоматери и туда же возвращались для совершенія литургіи. Насколько даетъ возможность текстъ „Обрядника“ возстановить составъ литіи, онъ былъ слѣдующій. Архидіаконъ творилъ обычный возгласъ, состоявшій, вѣроятно, изъ обращеннаго къ предстоятелю предложенія начать службу. Предстоятель, стоявшій предъ престоломъ, начиналъ литію, послѣ чего пѣвцы на амвонѣ запѣвали тропарь праздника и при пѣніи его процессія направлялась къ западнымъ, царскимъ вратамъ, гдѣ происходила остановка. По прочтеніи здѣсь предстоятелемъ молитвы, литія шла на форумъ или въ другое мѣсто, гдѣ должна была произойти новая остановка. Во время этой послѣдней пѣлись положенныя пѣснопѣнія, носящія названіе катавасіи, и говорилась діакономъ эктенія. Послѣ возгласа патріарха литія шла далѣе при пѣніи тропаря и вступала въ притворъ храма, гдѣ предстоятель читалъ въ царскихъ вратахъ молитву входа и совершалъ затѣмъ малый входъ (28—31. 74—75. 171—175 и др.) ([40]).

Литіи появлялись постепенно. Интересно было бы выяснить время возникновенія каждой изъ нихъ, но за недостаткомъ историческихъ указаній приходится ограничиться лишь главнѣйшими. Ранѣе всѣхъ становится извѣстною литія въ недѣлю ваій. Съ пальмами и вѣтвями совершалась она въ Іерусалимѣ уже въ концѣ IV вѣка ([41]), такъ что св. Косьма Маюмскій, призывая вѣрныхъ величать Христа

([40]) Изъ напечатаннаго Н. Ѳ. Красносельцевымъ во второмъ выпускѣ „Лѣтописи истор.-филологическаго общества при импер. новоросс. унив. (Визант. отдѣл. 1. Одесса. 1892)“. „Типика церкви св. Софіи въ Константинополѣ“ мы узнаемъ, что предъ литіею читалась молитва трисвятаго, а по входѣ литіи въ храмъ литургія продолжалась, начиная отъ трисвятаго (Стрр. 206—207. 215).

([41]) Красносельцевъ. ibid. Стрр. 369—370.

съ ваіами и вѣтвями ([42]), имѣлъ въ виду давно установившійся обычай. Съ теченіемъ времени эта литія была перенесена въ Византію, а въ Іерусалимѣ она перешла въ обрядъ шествія на осляти ([43]), который былъ занесенъ и въ нашу русскую церковь, гдѣ существовалъ до XVIII вѣка, когда вышелъ изъ употребленія вмѣстѣ со многими другими чинопослѣдованіями, которыми такъ богата была наша литургическая практика временъ патріаршихъ ([44]).

Въ VI вѣкѣ, въ царствованіе Юстиніана I, свирѣпствовала въ Византіи сильная моровая язва. Въ благодарность за прекращеніе ея была установлена литія въ праздникъ Срѣтенія Господня ([45]), который съ этого времени начали праздновать съ большею торжественностью, чѣмъ прежде, что даетъ поводъ нѣкоторымъ ученымъ относить его установленіе къ этому времени, тогда какъ имѣются положительныя извѣстія о существованіи его въ IV вѣкѣ ([46]).

Наконецъ, литія въ первое воскресенье великаго поста обязана своимъ появленіемъ возстановленію иконопочитанія при императрицѣ Иринѣ, когда былъ совершенъ торжественный крестный ходъ съ крестами и иконами, составившій одну изъ частей чинопослѣдованія православія ([47]). Съ этого времени съ первымъ воскресеньемъ поста, съ которымъ дотолѣ соединялась память ветхозавѣтныхъ пророковъ ([48]), напоминаніемъ о чемъ служитъ канонъ имъ, по-

([42]) Канонъ въ недѣлю ваій. Ирмосъ девятой пѣсни.

([43]) Красносельцевъ. Ibid. Стр. 369, примѣч. 1. Е. Е. Голубинскій. Истор. Русской церкви. Томъ I, полов. 2. Стрр. 328—329.

([44]) Красносельцевъ. „О нѣкот. церков. службахъ и обрядахъ, нынѣ неупотр“. Правосл. Собесѣд. 1887. Ч. 1. Стрр. 42-43. 52. 226—228 и др.

([45]) Арх. Сергій. Полн. мѣсяцесл. востока. Т. 2. Стрр. 40—41.

([46]) Красносельцевъ. Богосл. Іерус. церкви и т. д. Ibid. Стр. 365, примѣч. 1.

([47]) См. Св. Никольскій. Анаѳематствованіе. Спб. 1879.

([48]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 143. Синайскій канонарь. Ibid. Стр. 494.

ложенный въ нашихъ тріодяхъ на повечеріи въ этотъ день, стало связываться возстановленіе иконопочитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему пріурочился и упомянутый крестный ходъ.

Изъ Византіи литіи перешли и къ намъ на Русь, гдѣ получили широкое распространеніе. Онѣ часто совершаются и теперь, а въ старину безъ нихъ обходилось рѣдкое торжественное богослуженіе. Торжественные крестные ходы, по словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ нашей литургической практики, составляли непремѣнную принадлежность великихъ церковныхъ торжествъ и справлялись по временамъ съ величайшими блескомъ и роскошью ([49]). Литіи учреждались у насъ по случаю избавленія отъ какихъ либо бѣдствій, справлялись во время этихъ послѣднихъ и составляли почти неизбѣжную принадлежность богослуженія въ дни храмовыхъ праздниковъ ([50]). Какъ въ Византіи были опредѣленныя мѣста, чрезъ которыя почти всегда проходили литіи и на которыхъ онѣ останавливались для совершенія положеннаго молитвословія, такъ было и у насъ на Руси. Въ Москвѣ такимъ пунктомъ было Лобное мѣсто ([51]), въ Новгородѣ стоявшій на лѣвомъ берегу Волхова Чудный крестъ ([52]) и т. п. Въ этихъ пунктахъ крестные ходы останавливались для чтенія евангелія и осѣненія народа крестомъ. Литіи встрѣчались торжественно: съ крестами и иконами. Такъ, напримѣръ, когда владыка въ праздникъ св. великомученика Георгія, 23-го апрѣля, отправлялся въ Новгородскій Юрьевъ морастырь съ крестнымъ ходомъ водою, то на берегу Волхова Юрьевскіе власти встрѣчали его съ

([49]) Дмитріевскій. Ibid. Стр. V.

([50]) Арх. Макарій. Археол. описан. церк. древн. въ Новгородѣ. М. 1860. Ч. 1. Стрр. 234, 242—3, 255, 452—4, 473, 608—9, 620—21 и др.

([51]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. I, Пол. 2, стр. 328.

([52]) Арх. Макарій. Ibid. Ч. II, стрр. 125—129.

крестомъ ([53]). Изъ литій въ Византіи выродились особыя чинопослѣдованія, которыя состояли изъ молебныхъ пѣній, совершавшихся лишь въ крестномъ ходу и разнообразившихся отличнымъ отъ обычнаго исполненіемъ той или другой части ихъ, какъ, напримѣръ, чтеніемъ евангелія на четыре стороны ([54]) или отираніемъ св. иконъ губою послѣ водосвятія ([55]). Таковы чины новолѣтія и страшнаго суда. Перенесенные къ намъ изъ Греціи ([56]), они получили у насъ всеобщую извѣстность и свято хранились, пока были живы преданія старой Руси.

Торжественная литургія въ праздники очень рѣдко совершалась въ святой Софіи, а обыкновенно въ другихъ церквахъ столицы. Богородичные праздники торжествовались въ одномъ изъ храмовъ, посвященныхъ имени Богоматери: влахернскомъ или халкопратійскомъ. Послѣ литургіи въ митаторіи храма, или въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему императорскихъ дворцовъ столицы поставлялась трапеза патріарху и клиру ([57]). Предъ вкушеніемъ пищи патріархъ, возложивъ на себя омофоръ, читалъ молитву и благословлялъ трапезу. Молитва читалась также и послѣ трапезы. Это называлось „ποιεῖν τὸν στίχον“ (79),—выраженіе, доселѣ употребляемое въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ и означающее произнесеніе коротенькой молитвы „молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ,

([53]) Ibid. Ч. I. Стрр. 418—419.

([54]) Красносельцевъ. „О нѣкот. служб“. и т. д. Прав. Собес. Ч. I, стр. 229.

([55]) См. напр. Древн. Росс. вивл. Ч. II, стр. 6.

([56]) Е. Е. Голубинскій. Ibid. Стр. 327. Маисветовъ. Церк. уст. Стр. 246.

([57]) Обычай поставлять послѣ торжественныхъ литургій трапезу для духовенства привился на Руси очень успѣшно, особенно въ дни поминовеній и храмовыхъ праздниковъ. Иногда эти трапезы принимали видъ какъ бы цѣлаго церковнаго чинопослѣдованія (См. Доброхотовъ. Памятн. древности во Владим. Клязем. М. 1849. Арх. Макарій. Ibid. Стр. 234—399).

помилуй насъ" ([58]). На обѣдахъ мы видимъ пѣніе и чтеніе, но интереснѣе всего является здѣсь питіе заздравной чаши „въ честь пресвятой Богородицы (602)". Этотъ обычай повелъ къ большимъ безпорядкамъ въ монастырскихъ трапезахъ и ревнители благочестія, какъ, напримѣръ, преп. Ѳеодосій Печерскій должны были сильно бороться съ нимъ ([59]).

Кромѣ литургіи, конечно, совершались въ праздничные дни и другія службы, но о нихъ говорится очень рѣдко и сдѣлать на основаніи сказаннаго какіе либо выводы нельзя. Нѣкоторые праздники имѣли „παραμονή"—канунъ. Въ древности подъ этимъ именемъ разумѣлись цѣлонощныя бдѣнія ([60]), но къ изучаемому времени „παραμοναί" являются уже канунами, сильно напоминающими теперешнія предпразднества.

Нашъ уставъ заключаетъ въ разныхъ мѣстахъ множество предписаній относительно того, какъ править службу великимъ святымъ и праздникамъ въ случаѣ паденія ихъ на тотъ или иной день тріоднаго круга. Эти предписанія представляютъ отдѣльныя главки, носящія названіе „Марковыхъ главъ". Онѣ появились въ разное время, болѣе или менѣе продолжительное. Зачатки ихъ мы находимъ въ „Обрядникѣ", гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какъ править тому или другому празднику въ извѣстный день тріоди. Большая часть этихъ предписаній касается праздника Благовѣщенія, какъ и теперь; предусматриваются слѣдующія комбинаціи: 25-ое марта и недѣля крестопоклонная, недѣля ваій, великая суббота, пасха, свѣтлый понедѣльникъ. Кромѣ этихъ пяти случаевъ, разсматривается еще одинъ: совпаденіе праздника Срѣтенія Господня и понедѣльника первой седмицы. Об-

([58]) См. малое повечеріе и послѣдованіе ко св. причащенію.
([59]) Е. Е. Голубинскій. Ibid. Стрр. 674—676.
([60]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 115. примѣч. § 20.

щія правила службы, которыхъ держалась Великая церковь въ эти дни, таковы. Если праздникъ падалъ на одинъ изъ дней великаго поста, то прежде справлялась служба, положенная на этотъ день въ тріоди, а потомъ уже праздника. Литія и литургія совершались такъ, какъ того требовалъ уставъ праздника. Въ понедѣльникъ первой седмицы по тріоди полагалось тритекти въ св. Софіи, а по минеѣ литія изъ св. Софіи во влахернскую церковь Богоматери и литургія. При совпаденіи этихъ дней прежде служилось тритекти въ св. Софіи, а затѣмъ слѣдовали литія и литургія во Влахернахъ (155—156). Но, если праздникъ падалъ на свѣтлую седмицу, то главное мѣсто въ службѣ отдавалось пасхѣ; служба праздника съ значительными измѣненіями предшествовала службѣ пасхальной. Литургія служилась такъ, какъ требовали обычаи свѣтлой седмицы.

Какъ извѣстно, въ нашемъ уставѣ есть довольно обширный отдѣлъ, имѣющій предметомъ своимъ празднованіе храмовыхъ праздниковъ. Эти праздники разсматриваются, какъ великіе, справляются они неотложно и торжественно. Такими они являются въ литургической практикѣ съ очень древнихъ временъ; тогда торжественность ихъ увеличивалась еще тѣмъ, что на нихъ же падала память освященія церкви, которая справлялась съ большою торжественностью. Эта память носила названіе дня „обновленія". Обычай праздновать ее мы видимъ уже въ IV вѣкѣ. Такъ, напримѣръ, годовая память освященія церкви воскресенія Христова въ Іерусалимѣ 13-го сентября праздновалась такъ же свѣтло, какъ праздники пасхи и Богоявленія ([61]). Этотъ праздникъ широко распространился по востоку ([62]), былъ занесенъ на страницы церковныхъ календарей и остается

([61]) Красносельцевъ. Ibid. Стрр. 378—379.
([62]) См. напр. Синайскій канон. Стрр. 197, 212, 491.

здѣсь доселѣ. Да и вообще обычай праздновать обновленія церквей вышелъ изъ Іерусалима, гдѣ онъ былъ установленъ по аналогіи съ ветхозавѣтнымъ праздникомъ обновленія храма, учрежденнымъ Іудою Маккавеемъ (1 Макк. 4, 36—59). Подобно этому послѣднему, первый въ длинномъ спискѣ этого рода праздниковъ, христіанскій праздникъ обновленія храма справлялся восемь дней (1 Макк. 4, 56 и 59) ([63]).

Въ „Обрядникѣ" мы имѣемъ описаніе шести такихъ праздниковъ. Отличительною чертою ихъ богослуженія является литія, оканчивающаяся чиномъ обновленія. Блестящимъ образцомъ этого рода торжествъ служитъ двудневный праздникъ обновленія св. Софіи, подробно описанный въ литургическихъ памятникахъ ([64]). Но „Обрядникъ" вовсе не упоминаетъ о немъ и потому мы должны ограничиться упомянутыми шестью праздниками, описанія которыхъ, къ сожалѣнію, не даютъ возможности возстановить послѣдованіе обновленія съ достаточной полнотой. Литія совершалась патріархомъ изъ ближайшаго храма, а не изъ св. Софіи; напримѣръ, въ церковь всѣхъ святыхъ литія шла изъ сосѣдней церкви святыхъ апостоловъ. Литія начиналась такъ же, какъ и всегда, и при пѣніи тропаря праздника направлялась безъ остановокъ въ тотъ или другой храмъ. Съ приближеніемъ къ послѣднему вмѣсто тропаря праздника начинали пѣть тропарь обновленія, каковымъ считался употребляющійся доселѣ тропарь „Слава тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвало" и т. д. При пѣніи этого тропаря процессія вступала въ притворъ храма, гдѣ совершалось послѣдованіе обновленія—„τῶν ἐγκαινίων". Изъ названія этого послѣдованія послѣдованіемъ входа — „τῆς εἰσόδου" и от-

([63]) Красносельцевъ. Ibid. Стр. 379.

([64]) Мансветовъ. Ibid. Стрр. 247—248. См. также примѣч. 1-е на стр. 248.

верзенія—„τῶν ἀνοίξεων“ (117. 120. 534. 537) видно, что одно изъ обрядовыхъ дѣйствій его и при томъ главнѣйшее состояло въ отверзеніи царскихъ вратъ. За чиномъ обновленія непосредственно слѣдовалъ малый входъ и по порядку совершалась литургія. Послѣдованіе обновленія въ двухъ главнѣйшихъ частяхъ—крестномъ ходѣ и отверзеніи вратъ вошло въ составъ чина освященія церквей и остается здѣсь доселѣ. Послѣ того, какъ въ освящаемомъ храмѣ все устроено къ совершенію литургіи, епископъ выходитъ съ крестнымъ ходомъ въ ближайшую церковь и торжественно переноситъ оттуда въ новоосвящаемый храмъ антиминсъ. Въ этомъ послѣднемъ главныя двери затворяются и по возвращеніи крестнаго хода отверзаются съ извѣстными церемоніями ([65]).

Обычай праздновать обновленія храмовъ въ древности былъ широко распространенъ на Руси. Въ тогдашнихъ мѣсяцесловахъ записывались и византійскія памяти обновленія, и русскія. Нѣкоторые изъ праздниковъ обновленія остаются доселѣ на страницахъ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Отмѣтимъ для примѣра два такихъ праздника: одинъ изъ византійскихъ, другой изъ русскихъ. Подъ 3 числомъ мѣсяца ноября записана память освященія храма св. Георгія побѣдоносца въ родномъ городѣ его, Лиддѣ, гдѣ по преданію погребено честное тѣло его. Подъ 26 числомъ ноября мѣсяца значится слѣдующая память: „освященіе храма святаго великомученика Георгія, иже въ Кіевѣ, предъ враты святыя Софіи“. Въ честь этого событія положены тропарь и кондакъ. Съ теченіемъ времени воспоминанія освященія храмовъ стали праздноваться рѣже, и понемногу почти совсѣмъ забылись памяти обновленія.

([65]) См. въ Требникѣ послѣдованія освященія храма.

Остальные изъ храмовыхъ праздниковъ, которые не соединялись съ памятью обновленія, не имѣли въ своемъ богослуженіи чего либо выдающагося. Упоминается лишь о торжественности служенія въ ихъ храмахъ ([66]).

Нѣкоторые праздники имѣли особенностью своего богослуженія совершеніе того или другого чинопослѣдованія или обряда, кромѣ ежедневныхъ службъ. Въ синаксарной части церковнаго года мы находимъ обрядъ воздвиженія креста на утренѣ 14-го сентября и богоявленское послѣдованіе освященія воды 5-го января. Оставляя рѣчь о первомъ до слѣдующей главы, скажемъ нѣсколько словъ о второмъ. Въ описаніи богоявленскаго водосвятія „Обрядникъ" говоритъ о чтеніи патріархомъ надъ освящаемою водою „великой молитвы освященія". О пѣніи тропаря послѣ этой молитвы не говорится, а вода является уже освященною. Такимъ образомъ, чтеніе этой молитвы составляло важнѣйшую часть чинопослѣдованія: во время нея совершалось самое водосвятіе и, конечно, чрезъ погруженіе креста въ воду (556). Поэтому было бы интересно узнать, что это за молитва. „Обрядникъ" не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но изъ другихъ литургическихъ памятниковъ мы можемъ получить его. Изъ нихъ открывается, что эта молитва та самая, которая и теперь читается за этимъ водосвятіемъ „велій еси Господи и чудна дѣла твоя"... Она встрѣчается въ древнѣйшихъ спискахъ изучаемаго послѣдованія ([67]); въ напоминаніе о томъ, что во время нея въ древности соверша-

([66]) И у насъ на Руси на Москвѣ служилъ въ эти дни въ наиболѣе славныхъ храмахъ, преимущественно монастырскихъ, самъ патріархъ, при чемъ къ службѣ иногда дѣлали торжественный выходъ цари. Изъ упомянутаго уже устава Новгородскаго Софійскаго собора мы узнаемъ, что тамъ въ храмовые праздники обыкновенно служили Новгородскіе владыки (Арх. Макарій. Ibid. Ч. I. Стрр. 105, 262, 292, 296—297, 317, 451, 472, 597 и др.).

([67]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 156.

лось самое водосвятіе, служить доселѣ неоднократное благословеніе воды читающимъ эту молитву священнослужителемъ именно во время чтенія ея. Тропарь уже пѣлся послѣ освященія при кропленіи братіи святою водою ([68]). Съ теченіемъ времени, когда забылась первоначальная цѣль установленія этого водосвятія — крещеніе оглашенныхъ, центръ тяжести оказался въ воспоминаніи крещенія Спасителя и торжественная минута погруженія креста была отнесена къ пѣнію тропаря праздника. Употребленіе св. воды было то же, что и теперь (141. 556).

Въ тріодной части церковнаго календаря подобныхъ особенностей мы находимъ нѣсколько болѣе; всѣ онѣ относятся къ страстной и свѣтлой седмицамъ. Въ великую пятницу совершался чинъ оглашенія надъ готовившимися приступить ко крещенію и поклоненіе копію; въ великую субботу торжественно переоблачалась святая трапеза въ св. Софіи и въ связи съ этимъ исполнялся обрядъ кажденія ризницы при чтеніи особой молитвы. Наконецъ, довольно обстоятельно описывается обрядъ христосованія въ четвергъ свѣтлой седмицы въ Большомъ дворцѣ у императора съ патріархомъ и высшимъ духовенствомъ столицы. О чинѣ оглашенія въ великую пятницу будетъ рѣчь ниже, а теперь будемъ говорить объ обрядѣ поклоненія копію.

Обрядъ поклоненія копію почти неизвѣстенъ въ литургическихъ памятникахъ, хотя онъ не былъ мѣстнымъ византійскимъ обрядомъ. Упоминаніе о немъ мы находимъ, напримѣръ, въ Синайскомъ канонарѣ ([69]). „Обрядникъ“ говоритъ о немъ вмѣстѣ съ упоминаніемъ о совершеніи тритекти. Изъ Синайскаго же канонаря, въ которомъ положено

([68]) Ibid. Стр. 156.
([69]) Труды Кіев. дух. акад. 1874. Іюнь. Стр. 496.

слѣдующее входное на литургіи „поклоняемся копію, прободшему живоносное ребро твоея благости, и неизслѣдимое твое снисхожденіе славимъ ([70])“, можно заключать, что поклоненіе копію происходило за преждеосвященной литургіей. Чествованіе орудій страстей Христовыхъ было широко распространено на востокѣ. Не говоримъ о крестѣ; упомянемъ для примѣра слѣдующую память въ Синайскомъ канонарѣ подъ 27 числомъ апрѣля: „поклоненіе уздѣ“, въ которую вдѣланъ былъ св. Еленою гвоздь креста Господня ([71]). Потому неудивительно, что въ великую пятницу чествовалось поклоненіемъ копіе. Но вотъ вопросъ, разумѣется ли здѣсь то самое копіе, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ, или простое копіе, употреблявшееся при совершеніи литургіи. „Обрядникъ“ не говоритъ, совершался ли обрядъ поклоненія копію во всѣхъ храмахъ столицы или нѣтъ; изъ сдѣланнаго имъ описанія богослуженія великой пятницы можно вывести скорѣе то заключеніе, что онъ совершался лишь въ Фарскомъ храмѣ Богоматери. Въ такомъ случаѣ весьма вѣроятно, что для поклоненія выносилось дѣйствительное копіе, хранившееся вмѣстѣ съ другими орудіями страстей Господнихъ въ Византіи ([72]). Въ срединѣ XIV вѣка эти орудія хранились въ Манганскомъ монастырѣ св. Георгія, откуда они, по словамъ нашихъ паломниковъ, переносились на страстной седмицѣ для поклоненія въ св. Софію ([73]). Но съ другой стороны мы видѣли, что упомянутый обычай не былъ мѣстнымъ византійскимъ, а существовалъ и въ другихъ мѣстахъ востока. Очевидно, въ этихъ

([70]) Ibidem.

([71]) Ibid. Стр. 468.

([72]) Арх. Леонидъ. „Обозр. Царегр. памятн. и свят. XIV и XV вв. по русск. паломникамъ Чтен. въ Импер. Общ. ист. и древн. росс. 1870. Кн. IV. Стр. 38.

([73]) Ibid. Стрр. 33. 38.

послѣднихъ для поклоненія выносилось простое копіе ([74]).

Въ древней церкви среди приготовленій къ празднованію пасхи видное мѣсто занимала чистка престола. Она совершалась въ одинъ изъ дней страстной седмицы, большею частью въ четвергъ предъ литургіей ([75]). Съ теченіемъ времени изъ этого обряда выработалось довольно сложное послѣдованіе, въ составъ котораго вошло псалмопѣніе, ектенія и молитвы и не мало обрядовыхъ дѣйствій ([76]). Это чинопослѣдованіе стало извѣстно подъ именемъ чина омовенія святой трапезы. Оно совершалось очень торжественно и получило широкое примѣненіе въ литургической практикѣ ([77]). Вышедши изъ употребленія въ XVIII вѣкѣ въ нашей церкви, въ греческой этотъ чинъ сохранился доселѣ ([78]). Въ „Обрядникѣ“ мы находимъ этотъ обрядъ въ видѣ переоблаченія престола въ св. Софіи; сходство съ позднѣйшимъ чиномъ замѣтно. Обрядъ совершался предъ литургіею въ великую субботу и назывался „ἡ ὑπαλλαγὴ τῆς ἁγίας τραπέζης (184)“. Переоблаченіе совершалъ императоръ въ присутствіи патріарха. По вступленіи въ алтарь съ обычными церемоніями, онъ совершалъ кажденіе вокругъ престола и затѣмъ перемѣнялъ на немъ индитію. По окончаніи этого онъ полагалъ у подножія св. трапезы и на ней самой свои дары и трижды кадилъ св. престолъ, взявъ изъ рукъ патріарха кадильницу (34. 179. 182. 184. 242). О чтеніи при этомъ какихъ либо молитвъ не гово-

([74]) Любопытно соображеніе Н. Ѳ. Красносельцева (не помнимъ, гдѣ читано оно нами) о томъ, что изъ византійскаго обряда поклоненія копію въ великій пятокъ выродился старинный русскій обрядъ поклоненія свв. мощамъ и омовенія ихъ въ великій пятокъ, по мѣстамъ сохраняющійся доселѣ.

([75]) Красносельцевъ. „О нѣкот. цер. служб.“ и т. д. Прав. Собесѣд. 1887. Ч. I. Стрр. 422—425. Мансветовъ. Ibid. Стр. 147.

([76]) Goar Εὐχολόγιον Paris. 1647. p. 623—625.

([77]) Красносельцевъ. Ibid. Стр. 422.

([78]) Красносельцевъ. Ibid. Стр. 422, примѣч. 5.

рится ничего.—Тѣ же обрядовыя дѣйствія, какія упоминаются здѣсь, находимъ мы и въ чинѣ омовенія святой трапезы. Предъ разоблаченіемъ престола и послѣ облаченія его въ новыя одежды въ чинѣ омовенія предписывается совершать кажденіе его ([79]).—Въ греческихъ евхологіонахъ чинъ омовенія святой трапезы печатается доселѣ и совершать его предписывается во всякое время, когда является нужда перемѣнить по какой либо надобности одежды престола ([80]). Въ „Обрядникѣ“ есть ясныя указанія на совершеніе обряда переблаченія святой трапезы въ другіе дни года. Такъ, напримѣръ, говорится о переоблаченіи престола въ церкви св. Мокія въ праздникъ преполовенія пятидесятницы (103).

Окончивъ переоблаченіе престола въ день великой субботы, императоръ съ патріархомъ проходилъ въ сосудохранильницу и кадилъ всю, хранившуюся здѣсь, священную утварь (34. 182). Этотъ обычай кажденія ризницы составлялъ особый обрядъ, повторявшійся каждый разъ при кажденіи сосудохранильницы и сопровождавшійся чтеніемъ положенной молитвы. Извѣстно, что богослужебныя книги доселѣ предписываютъ священнослужителю при кажденіи читать про себя то или другое молитвословіе. Молитва, читавшаяся патріархомъ или кѣмъ либо другимъ при кажденіи ризницы, носитъ въ литургическихъ памятникахъ названіе „округной“. Смыслъ названія объясняютъ изъ того, что кадившій при совершеніи кажденія обходилъ кругомъ сосудохранильницу ([81]). Содержаніе молитвы приспособляется къ мѣсту чтенія ея ([82]): въ ней испрашивается у Господа сила сотворить себя сосудами освященными и благопотреб-

([79]) Ibid. Стрр. 420—421.

([80]) Ibid. Стр. 426, примѣч. 2.

([81]) Красносельцевъ. Ibid. Стрр. 101—102.

([82]) Описаніе славян. рукоп. Москов. синод. библ. Отд. III, ч. I. М. 1869. Стр. 140.

ными Владыкѣ, достойными служить жилищемъ Ему ([83]).

Обрядъ христосованія первоначально не составлялъ чего либо самостоятельнаго. Это было простое привѣтствіе вѣрующими другъ друга, совершавшееся каждый разъ по прочтеніи евангелія на утренѣ при лобзаніи его, лишь болѣе торжественное ([84]). Съ теченіемъ времени этотъ обрядъ составилъ самостоятельное цѣлое, каковымъ мы находимъ его въ „Обрядникѣ". Здѣсь онъ совершается уже и отдѣльно отъ богослуженія. Такъ, патріархъ съ высшимъ духовенствомъ столицы является въ Большой дворецъ для христосованія съ императоромъ предъ литургіей въ свѣтлый четвергъ. При этомъ обрядъ христосованія былъ обставленъ нѣкоторыми дѣйствіями и сопровождался чтеніемъ молитвъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ прошеніе у Господа благоденственнаго царствованія императору ([85]). Обычай поздравлять такимъ образомъ императора соблюдался и въ праздникъ рождества Христова ([86]). Со временемъ изъ придворной жизни ([87]) онъ перешелъ въ монастырскую практику и вылился въ обрядъ поздравленія братіей игумена. Особенно торжественно совершался онъ наканунѣ праздника рождества Христова. Въ этотъ день онъ состоялъ изъ пѣнія тропаря и кондака праздника и многолѣтствованія, заимствованнаго изъ послѣдованія царскихъ часовъ, гдѣ оно появилось также вслѣдствіе требованія византійскимъ придворнымъ обычаемъ присутствія за ними императора ([88]), и сопровождался богатымъ обѣдомъ ([89]).

([83]) Красносельцевъ. Ibid. Стрр. 110—111.
([84]) Мансветовъ. „О пѣсненн. послѣд." Ibid. Стр. 1009.
([85]) Goar Εὐχολόγιον. p. 933—935.
([86]) Ibid. p. 935, n. 1.
([87]) Мансветовъ. Церков. уст. стр. 211.
([88]) Ibid. Стр. 211.
([89]) Ibid. Стрр. 431—432.

Перечисленными обрядами и послѣдованіями исчерпывается весь матеріалъ, заключающійся въ изучаемомъ памятникѣ по вопросу о праздничномъ богослуженіи Византіи. Но несомнѣнно, что литургическая практика Великой церкви была богаче имъ. „Обрядникъ“ имѣетъ въ виду участіе императора въ томъ или другомъ дѣйствіи и говоритъ о послѣднемъ по стольку, по скольку это требуется его задачею. Вѣроятно, этимъ объясняется его молчаніе о такихъ чинопослѣдованіяхъ, какъ чинъ православія и обрядъ умовенія ногъ, существованіе которыхъ въ Византіи за это время извѣстно самымъ положительнымъ образомъ ([90]).

Однимъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ въ образованіи литургическихъ порядковъ на востокѣ была монастырская богослужебная практика. Монастырскіе порядки имѣли огромное вліяніе на порядки городскихъ и сельскихъ церквей, кромѣ примѣра, еще тѣмъ, что въ нихъ приготовлялись списки уставовъ. Студійскій уставъ, напримѣръ, распространился въ Россіи изъ Кіевопечерскаго монастыря ([91]). О значеніи монастырскихъ порядковъ для литургическихъ лучше всего говоритъ тотъ фактъ, что на востокѣ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ даютъ тонъ литургической практикѣ два устава, носящіе на себѣ имена двухъ монастырей: Студійскаго св. Іоанна Крестителя въ Константинополѣ и Іерусалимской лавры св. Саввы Освященнаго въ Палестинѣ. Но литургическіе порядки монастырей обусловливались ихъ порядками дисциплинарными и стояли отъ нихъ въ сильной зависимости. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Разъ въ срединѣ V вѣка авва Софроній и его спутникъ, Іоаннъ, посѣтили одинъ изъ синайскихъ монастырей, въ которомъ спасался извѣстный святостью своей жизни и своими аскети-

([90]) Ibid. Стрр. 236. 146—147. 237.
([91]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ I, стр. 134.

ческими писаніями преподобный Нилъ Синайскій. Гости пришли въ монастырекъ въ субботу вечеромъ и присутствовали за вечернимъ и утреннимъ воскреснымъ богослуженіемъ. Служба синайскихъ подвижниковъ отличалась отъ общепринятыхъ порядковъ и главнымъ образомъ сухимъ, монотоннымъ строемъ вслѣдствіе отсутствія въ ней тѣхъ составныхъ частей, которыя требовали пѣвческаго исполненія. Что же за причина была отсутствія ихъ? А та, что онѣ „не суть иноческая, но мірскихъ человѣкъ, и украшеніе и слава соборныя церкве, пѣнія бо ради и людіе въ церквахъ собираются (92)". —Такъ же слагались порядки уставовъ Студійскаго и Іерусалимскаго. Уставъ Іерусалимскій первоначально предназначался для монаховъ, ведшихъ келліотскій образъ жизни. Они жили по отдѣльнымъ келліямъ, разбросаннымъ на извѣстномъ пространствѣ. Въ субботу вечеромъ они собирались всѣ вмѣстѣ и справляли въ ночь на воскресенье торжественную праздничную службу, чтобы на слѣдующій день снова разойтись. Слѣдствіемъ этого было появленіе въ Іерусалимскомъ уставѣ всенощныхъ бдѣній и обычая совершать нѣкоторыя службы въ келліяхъ уже послѣ того, какъ перестали расходиться въ отдѣльныя пустынки (93). Обычай уходить на весь великій постъ въ пустыню и возвращаться въ монастырь только къ вербному воскресенью былъ причиною появленія обряда прощанія братіи въ недѣлю сыропустную послѣ вечерни и далъ тему для трипѣснцевъ шестой седмицы поста и стихиры „Днесь благодать святаго Духа насъ собра" въ недѣлю ваій (94). Эта стихира, доселѣ находящаяся въ числѣ стихиръ этого праздника и многократно повторяемая на всенощномъ бдѣніи, есть памятникъ

(92) Мансветовъ. О пѣснен. послѣдов. Ibid. Стрр. 786—793. 781.
(93) Мансветовъ. Церков. уставъ. Стр. 78.
(94) Ibidem.

упомянутаго обычая. Ее пѣли возвратившіеся подвижники, какъ благодарственный гимнъ по окончаніи такого подвига, послѣ котораго многіе не возвращались обратно въ монастырь, изъ котораго вышли сорокъ дней тому назадъ. Достаточно прочесть житіе св. Маріи Египетской, подвизавшейся въ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтали Іерусалимскіе обычаи и написанное современникомъ ([95]), чтобы получить понятіе о тяжести великопостнаго пустынножительства.— Иное встрѣчаемъ мы въ Студійскомъ уставѣ. Студійскій монастырь былъ основанъ въ столицѣ. На всемъ пространствѣ, сколько могъ охватить его самый дальнозоркій глазъ, не видно было ничего, кромѣ глубокой глади моря, да безпредѣльныхъ равнинъ Ѳракіи, засѣянныхъ пшеницей ([96]). О пустынѣ для студитовъ не могло быть и рѣчи. И вотъ они проводятъ все время въ стѣнахъ монастыря, располагая сообразно съ этимъ кругъ своего богослуженія. Незнакомые съ суровыми подвигами іерусалимскихъ пустынниковъ и, быть можетъ, непривычные къ нимъ подъ вліяніемъ столицы, они и дисциплинарные порядки имѣли иные, болѣе мягкіе.

Такъ сильно зависѣли литургическіе порядки монастырей отъ ихъ дисциплинарныхъ порядковъ. Каковы же были эти послѣдніе въ монастыряхъ Византіи? Это—вопросъ интересный для изучающаго богослуженіе въ Византіи, потому что, какъ мы видѣли, монастырское богослуженіе стояло въ большой зависимости отъ нихъ и въ свою очередь не проходило безслѣдно для общепринятаго устава.—Монастыри появились въ Византіи съ самаго начала ея существованія и въ срединѣ VI вѣка число ихъ доходило до семи десятковъ. Литургическіе порядки ихъ заимствовались по преда-

([95]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ II. Стрр. 94—95.
([96]) Вѣстникъ имп. русс. геогр. общ. 1857. Ч. 19. „Очерки Кон—ля". Стр. 22.

нію отъ предшествующихъ обителей и въ этомъ отношеніи монастыри мало различались, разнствуя лишь нѣсколько въ правилахъ жизни. Выразителемъ этой литургической практики былъ уставъ Студійскаго монастыря ([97]). Но не одинъ этотъ уставъ существовалъ въ монастыряхъ Византіи. Одни изъ нихъ держались порядковъ Великой церкви ([98]), а другіе употребляли свои собственные уставы. Таковъ былъ монастырь неусыпающихъ—τῶν ἀκοιμήτων. „Обрядникъ“ ограничивается однимъ упоминаніемъ о немъ, не говоря о монастырскихъ порядкахъ (801. 806); но эти порядки извѣстны изъ другихъ источниковъ.

Основателемъ такихъ монастырей, которые носили названіе обителей неусыпающихъ, былъ преподобный Александръ. Вотъ что говоритъ о немъ житіе его, написанное его ученикомъ, монахомъ изъ обители неусыпающихъ, и сохранившееся до насъ въ древнемъ греческомъ манускриптѣ ([99]). Вспоминая слова псалмопѣвца „седмерицею днемъ хвалихъ тя о судьбахъ правды твоея (псал. 118, 164)“, онъ устроилъ семь службъ днемъ и столько же ночью. Но такой порядокъ держался недолго. Слова той же книги священнаго Писанія, что блаженъ мужъ, у котораго „въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Господни поучится день и нощь (псал. 1, 2)“, побудили преп. Александра къ слѣдующему. Онъ раздѣлилъ всю братію на 24 чреды, которыя, смѣняя одна другую, совершали псалмопѣніе антифоннымъ способомъ день и ночь. Такимъ образомъ, церковное славословіе не переставало въ обители; она по отношенію къ молитвѣ

([97]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ I, стрр. 119—120.

([98]) Писанія свв. отц. и учит. Церкви, относ. къ ист. прав. богосл. Спб. 1856. Ч. II. Стр. 405.

([99]) Это житіе напечатано у Болландистовъ во второмъ томѣ мѣсяца января подъ 15 числомъ. Св. Димитрій Ростовскій въ своихъ житіяхъ святыхъ подъ. 3 іюля говоритъ почти буквально словами упомянутаго житія.

являлась неусыпающей([100]). Уставъ ея перешелъ и въ дру-

([100]) Преподобный Александръ происходилъ изъ знатнаго рода. Родиной его была одна изъ азіатскихъ провинцій Византійской имперіи, но еще въ ранней юности онъ покинулъ ее и переселился въ Византію для занятія науками. По окончаніи курса онъ поступилъ въ военную службу и остался въ столицѣ. Съ теченіемъ времени въ душѣ его совершился сильный переворотъ и, 25 лѣтъ отъ роду, онъ въ 380 году оставляетъ военную службу, раздаетъ имѣніе бѣднымъ и уходитъ въ Сирійскія пустыни, гдѣ въ одномъ изъ монастырей полагаетъ начало своей иноческой жизни. Съ этого времени прошло 20 лѣтъ, много событій произошло въ жизни преподобнаго и мы встрѣчаемъ его уже на берегахъ Евфрата. Здѣсь и основалъ онъ первую обитель неусыпающихъ. Когда преп. Александръ поселился на Евфратѣ, къ нему собралось довольное число учениковъ. Здѣсь, въ этомъ первомъ монастырѣ по чину неусыпающихъ, основанномъ около 400-го года, преп. Александръ провелъ три года. Послѣ трехъ лѣтъ, поручивъ управленіе монастыремъ нѣкоему Трофиму, преп. Александръ выселился въ пустыню къ персидской границѣ, гдѣ и подвизался съ наиболѣе ревностными учениками въ самомъ суровомъ пустынножительствѣ. За это время образъ жизни и богослуженія, введенный преподобнымъ въ своемъ Евфратскомъ монастырѣ, распространился и по другимъ обителямъ. Въ 423—424 гг. преп. Александру послѣ многихъ бѣдъ и огорченій пришлось идти въ Византію и на пути онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ встрѣтилъ свой уставъ неусыпающихъ (Acta Sanctorum. Iannuarii tomus II. pag. 300—311). Въ Византіи преп. Александръ поселился около церкви св. Мины и, когда около него собралось достаточное число братіи, основалъ обитель по чину неусыпающихъ. Въ этой обители основатель ея и скончался въ 430 году (Ibid. p. 302.—Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ II, стрр. 18 и 190).

Преемникъ преп. Александра по управленію монастыремъ, Іоаннъ, побуждаемый волненіями, вызванными въ столицѣ Несторіанскими спорами, выселился изъ столицы въ Виѳинію, гдѣ и основалъ обитель, назвавъ ее Εἰρηναῖον въ память избавленія отъ царствовавшихъ въ столицѣ волненій—«διὰ τὸ θορύβων ἐκτὸς εἶναι» (Acta Sanct. Ibid. pag. 301). Уходя изъ Византіи, Іоаннъ взялъ съ собою въ Виѳинію мощи преподобнаго основателя византійскаго монастыря (Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ II. Стр. 190). Іоаннъ послѣ переселенія въ Виѳинію недолго жилъ и его мѣсто заступилъ преп. Маркеллъ (Acta Sanct. Ibid. pag. 301) Этотъ послѣдній устроилъ виѳинскую обитель неусыпающихъ почему несправедливо считается нѣкоторыми основателемъ чина неусыпающихъ, вообще (Du Cange. Constant. christ. l. IV, p. 151). При этомъ игуменѣ въ виѳинской обители неусыпающихъ подвизался извѣстный св. Іоаннъ кущникъ, переселившійся затѣмъ въ Византію (Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ II. Стрр. 18—19), куда переселился и преп. Маркеллъ съ братіею въ періодъ времени отъ 458 по 471 г. Здѣсь онъ возстановилъ основанную преп. Александромъ обитель и управлялъ ею до 485—486 г., когда скончался (ibid стр. 339). Сюда же были возвращены и мощи преп. Александра (ibid. стр. 190).

гіе монастыри, какъ, напримѣръ, Діевъ ([101]), и распространился даже въ западныхъ странахъ ([102]).

Кромѣ монастыря съ уставомъ неусыпающихъ въ „Обрядникѣ“ упоминается монастырь провидцевъ—τῶν προνοιτῶν(802). Но, что это за монастырь и что за смыслъ этого названія, неизвѣстно.

Немного выше мы упомянули, что монастырь св. Дія держалъ уставъ обители неусыпающихъ. Этотъ же уставъ держали и нѣкоторые другіе монастыри ([103]), но какіе именно, неизвѣстно. Большинство монастырей, о чемъ также было уже говорено, держалось Студійскаго устава, но не всѣ. Какихъ порядковъ держались остальные, за недостаткомъ данныхъ рѣшить нельзя.

Церковныя правила запрещаютъ женщинамъ доступъ въ мужскіе монастыри ([104]). Но въ данное время эти правила потеряли уже свое значеніе для византійскихъ монастырей. Въ „Обрядникѣ“ упоминается женское отдѣленіе въ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Студійскомъ монастырѣ (563). Очевидно, женщины имѣли доступъ въ этотъ монастырь. А между тѣмъ не такъ давно знаменитый устроитель его порядковъ писалъ: „да не отворишь дверей монастыря твоего какой нибудь женщинѣ безъ великой нужды; если найдешь возможнымъ принять ее такъ, чтобы остаться вамъ невидимыми взаимно, то это будетъ хорошо ([105])“. Изъ монастырей византійскихъ этотъ обычай, несогласный съ святоотеческими правилами, перешелъ и въ наши русскіе монастыри ([106]).

Съ этого времени обитель существуетъ непрерывно до той поры, о которой у насъ рѣчь.

([101]) Du Cange. Constant. christ. l. IV. p. 123. 151—152.
([102]) Du Cange. Gloss. med. et infim latinit. tom. I. pag. 56—57.
([103]) Du Cange. C. chr. ibid. p. 151—152.
([104]) Е. Е. Голубинскій. Ист. русс. церк. Т. I, пол. 2. Стр. 530, прим. I.
([105]) Ibidem.
([106]) Ibid. Стрр. 535—537.

ГЛАВА III.

Описаніе праздничнаго богослуженія Византіи.

а) Календарь Великой церкви.

Какъ было сказано въ предшествующей главѣ, Великая церковь имѣла свой особый календарь. Ея церковный годъ имѣлъ свои мѣстные праздники и памяти, появленіе которыхъ было вызвано тѣми или иными обстоятельствами протекшей жизни столицы. Страдала Византія отъ моровой язвы или землетрясенія, она совершала усиленныя моленія и крестные ходы, а по минованіи бѣдствія заносила на страницы своего церковнаго календаря память его. Примѣромъ можетъ служить сохранившаяся доселѣ въ нашихъ минеяхъ служба на „воспоминаніе великаго и страшнаго трясенія", бывшаго въ Византіи въ 740 году, положенная на 26 октября. Освящался въ столицѣ храмъ, годовщина этого событія торжественно праздновалась. Причиной установленія подобныхъ торжествъ были и многія другія событія въ жизни Византіи, какъ напримѣръ, побѣда надъ врагами, избавленіе столицы отъ осады и т. п. ([1]). Возстановить церковный

([1]) То же бывало и у насъ. Очень многіе изъ праздниковъ, установленныхъ въ честь многочисленныхъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери, обязаны своимъ происхожденіемъ подобнымъ событіямъ. Таковъ, напримѣръ, праздникъ 27-го ноября въ честь знаменія Божіей Матери. Особенно много мѣстныхъ памятей

календарь Византіи во всей его полнотѣ еще не удалось; но это дѣло не невозможное. Указанія на мѣстные праздники и памяти Византіи встрѣчаются очень часто въ богослужебныхъ книгахъ церквей, бывшихъ подъ сильнымъ вліяніемъ Великой церкви. „Обрядникъ“ принадлежитъ къ числу памятниковъ, явившихся въ самой Византіи, и потому не можетъ остаться въ сторонѣ при изслѣдованіи состава церковнаго календаря столицы. Каковъ же матеріалъ, который заключается въ немъ по данному вопросу? Этотъ матеріалъ довольно великъ по количеству: всего до 60 памятей. Памяти эти извлекаются изъ указаній на праздники по поводу совершенія въ тотъ или другой изъ нихъ извѣстныхъ обрядовъ, изъ названія храмовъ по поводу изложенія движенія какой либо процессіи, изъ указанія на совершеніе въ извѣстномъ храмѣ памяти того или другого святого и изъ упоминанія о святомъ по какому либо иному поводу. Въ большинствѣ случаевъ эти памяти могутъ пріурочиваться точно къ извѣстному дню года. Это возможно или потому, что въ „Обрядникѣ“ указывается точно этотъ день или, если день не указанъ въ немъ, онъ можетъ быть указанъ по древнѣйшимъ мѣсяцесловамъ, въ которыхъ встрѣчаются почти всѣ памяти „Обрядника“ (2). Нѣтъ возможности опре-

имѣли наши монастыри, богослуженіе которыхъ нерѣдко отличалось отъ общепринятаго своеобразными особенностями. Эти мѣстные праздники и обряды дали богатый матеріалъ для составленія такъ называемыхъ „обиходниковъ“ нашихъ соборовъ и монастырей, возникшихъ преимущественно впродолженіе XVI вѣка (Дмитріевскій. Ibid. Стрр. IV–V). Нѣсколько подобныхъ памятей, мѣстнаго византійскаго характера, доселѣ читается на страницахъ нашихъ мѣсяцесловов.

(2) Сюда относятся: мѣсяцесловъ при евангеліи VIII—IX вѣка синодальной библіотеки № 42; мѣсяцесловъ при синодальномъ евангеліи X—XI вѣка № 44 (Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ I. Прилож. 1 и 2); канонарь синайской библіотеки, изданный арх. Антониномъ (Тр. Кіев. дух. Ак.-1874 г. май—іюнь) и возстановленный арх. Сергіемъ мѣсяцесловъ VII—VIII вѣка (Ibid. Стрр. 16—20).

дѣлить дней памяти св. Игнатія (538) и св. мученика Льва (537), такъ какъ древнѣйшіе мѣсяцесловы не знаютъ этихъ святыхъ, а въ позднѣйшихъ является съ этими именами нѣсколько святыхъ; неизвѣстно, какихъ именно святыхъ разумѣетъ „Обрядникъ", когда упоминаетъ св. Іоанна (309—532) и св. Павла (598), потому что съ этими именами издавна извѣстно нѣсколько святыхъ. Наконецъ, имя св. Пелекана—Πελεκάνου (606) совсѣмъ неизвѣстно изъ другихъ памятниковъ. Святые, упоминаемые въ „Обрядникѣ, не были мѣстными святыми Великой церкви, а чтились во всей церкви. Значеніе для церковнаго календаря Византіи могутъ имѣть только тѣ святые, память которыхъ торжественно праздновалась въ столицѣ и составляла въ ея церковномъ году дни праздничные. Кромѣ этихъ памятей, указываются памяти обновленія Новой церкви, крестовъ въ дворцѣ Βόνου и города, собора единенія и кануны большихъ праздниковъ подъ именемъ αἱ παραμοναί", т. е. бдѣнія наканунѣ праздниковъ (3). Обыкновенно на извѣстный день падаетъ одна память, лишь трижды указано двѣ.— Какъ любопытный фактъ, слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ „Обрядникѣ" всякаго указанія на праздникъ „введенія во храмъ Пресвятой Богородицы". Въ VI—VII вв. этотъ праздникъ неизвѣстенъ, въ началѣ VIII вѣка онъ появляется въ богослужебныхъ книгахъ, но съ разными названіями и безъ службы (4). Такимъ записанъ онъ и въ Синайскомъ канонарѣ, къ удивленію его издателя (5).

Сентябрь (6).

2. Св. Маманта (493. 504. 646).—Съ этимъ именемъ

(3) Мансветовъ. Церков. уст. Стр. 115, въ примѣчаніи § 20.
(4) Арх. Сергій Мѣсяцесловъ. Томъ I. Стрр. 18. 71—72. Прилож. Стрр. 4. 7. 28.
(5) Труд. Кіевс. духов. Акад. 1874. Май. Стр. 210.
(6) Начинаемъ съ сентября, потому что греческая церковь начинала свой годъ съ сентября (Мансветовъ. Ibid. Стр. 122).

извѣстно нѣсколько святыхъ. Что рѣчь идетъ именно о кесарійскомъ мученикѣ Мамантѣ, память котораго 2-го сентября, видно изъ того, что храмъ, по поводу котораго идетъ рѣчь о св. Мамантѣ, былъ посвященъ именно этому мученику ([7]).

8. Рождество пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи (26. 139. 781).

14. Воздвиженіе честныхъ древъ (124); воздвиженіе и явленіе честнаго и животворящаго креста (782).

16. Св. вмч. Евфиміи (75. 648).—Эта великомученица особенно, кажется, чтилась въ Византіи, какъ ревностная поборница православія на четвертомъ, Халкидонскомъ соборѣ.

25. Преп. Евфросиніи (647).

26. Св. Іоанна Богослова (562).

Октябрь.

6. Св. апостола Ѳомы (642. 646).

7. Свв. мучениковъ Сергія и Вакха (87. 337. 571).

26. Св. великомученика Димитрія (121. 170).—Тропарь святому составленъ имп. Львомъ; слова тропаря неизвѣстны, указанъ подобенъ его „тайно родился еси"—6-го гласа, а нынѣшній тропарь 3-го гласа.

29. Преп. Авраамія (438. 499. 501).

Ноябрь.

1. Свв. безсребренниковъ Космы и Даміана (562).—Въ „Обрядникѣ" безсребренники не названы, но подъ этимъ числомъ праздновалась именно ихъ память.

8. Архистратига Михаила (121. 190. 649).

([7]) Кондаковъ. Визант. церкви и памятн. К-ля. Стр. 44.

13. Св. Іоанна Златоустаго (76 и др.). Его мощи покоились по возвращеніи въ Константинополь въ храмѣ святыхъ апостоловъ.

19. Св. мученика Романа (375).

27. Св. великомученика Іакова Персянина (100).

Декабрь.

6. Св. Николая Мирликійскаго (34. 182. 601. 806).— Имя этого святителя не упоминается въ „Обрядникѣ", но за то въ немъ упоминается храмъ св. Николая въ τὰ Βασιλίδου, построенный именно архіепископу Мирликійскому ([8]).

7. Св. Амвросія Медіоланскаго (627).

16. Св. царицы Ѳеофано, первой жены имп. Льва Мудраго, скончавшейся въ 892 году (533. 537. 643).

25. Святое Христа Бога нашего по плоти рождество (35. 128 и др.).

27. Св. первомученика Стефана (146. 147 и др.).

29. Св. младенцевъ виѳлеемскихъ—τῶν Νηπίων (496).— Въ храмѣ ихъ имени въ Гебдомонѣ былъ мартиріумъ ихъ и, вѣроятно, мощи. Позднѣйшія извѣстія ([9]) говорятъ о мощахъ ихъ въ другихъ церквахъ столицы; должно думать, что онѣ были перенесены туда при разрушеніи храмовъ въ Гебдомонѣ ([10]).

Январь.

1. Св. Василія великаго.—Въ „Обрядникѣ" говорится не разъ о храмѣ св. Василія, но не сказано какого. Дѣло

([8]) Коидаковъ. Ibid. стр. 43.

([9]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ II. Стр. 403.

([10]) Прекраснымъ пособіемъ при изученіи святынь Византіи могла бы служить книга Ріана „Exuviae sacrae Constantinopolitanae", но, не имѣя ея подъ руками, мы должны были ограничить свое знакомство съ ней отзывомъ о ней Ив. Дан. Мансветова, напечатаннымъ въ Православномъ Обозрѣніи за 1879 годъ.

выясняется изъ того, что въ этомъ храмѣ праздновалось первое число января (137).

5. Канунъ—ἡ παραμονή—святыхъ свѣтовъ (139).

6. Свѣты (143. 369), святые свѣты (139). Этимъ днемъ кончался двѣнадцатидневный праздничный періодъ, начинавшійся рождествомъ Христовымъ; 5-ое января, какъ день постный, не считалось (137. 147. 381).

9. Св. мученика Поліевкта (75).

25. Св. Григорія Богослова. Мощи его почивали въ храмѣ святыхъ апостоловъ (77).

Февраль.

2. Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа (147. 759). Тропарь нынѣшній „радуйся, благодатная, Богородице Дѣво (150)“.

14. Преп. Авксентія (492).

15. Св. апостола Онисима, единаго отъ седмидесяти (100).

17. Св. великомученика Θеодора Тирона (245. 249. 440 и др.).

Мартъ.

8. Преп. Θеофилакта (160).

9. Четыредесяти мучениковъ (559).

13. Св. мученика Савина (474).

19. Св. мученика Панхарія (802. 806).

25. Благовѣщеніе пресвятой Богородицы (162. 176. 184). Тропарь нынѣшній „днесь спасенія нашего главизна“ (164).

Май.

1. Обновленіе Новой великой церкви (118).

8. Св. Іоанна Богослова (776).

9. Св. мученика Христофора (83).

11. Св. священномученика Мокія (100 и др.). Начало— τὸ γενέθλιον —богохранимаго и царственнаго града (304).— По поводу второй памяти говорится объ играхъ на Ипподромѣ, но ни слова о церковномъ праздникѣ. Вѣроятно, служба ему правилась вмѣстѣ съ службою св. Мокію въ его храмѣ, какъ это можно заключить изъ канона императора Льва Мудраго на 11-е мая, въ которомъ одинъ тропарь воспѣваетъ основаніе столицы, а два другіе посвящены св. Мокію ([11]). Въ этотъ же день была литія на форумѣ ([12]).

21. Свв. великаго Константина (532 и др.) и Елены, блаженной матери его (534. 642). Обновленіе честныхъ крестовъ въ дворцѣ Βόνου (532). Тропарь одинъ, нынѣшній „креста твоего образъ на небеси видѣвъ“.

Іюнь.

2. Св. патріарха Никифора, исповѣдника. Мощи его по возвращеніи въ Византію ([13]), положены въ храмѣ свв. апостоловъ (77).

14. Св. патріарха Меѳодія. Мощи тамъ же (ibid.).

27. Св. Сампсона страннопріимца. — Страннопріимница, носившая въ Византіи наименованіе Сампсоновой, была построена въ память именно этого святого ([14]) (173).

29. Свв. верховныхъ апостоловъ: Петра, небесъ вратника, и Павла, языковъ учителя (680 и др.).

30. Свв. апостоловъ (189). — Въ храмѣ св. апостола Ѳомы, что въ монастырѣ Августы, хранились столы — αἱ στολαὶ — апостоловъ. Когда и кѣмъ поренесены онѣ, не-

([11]) Архіеп. Филаретъ. Истор. пѣснописцевъ и пр. Спб. 1860. Стр. 289.
([12]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 240.
([13]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Томъ I. Стрр. 79 и 155.
([14]) Du Cange. Ibid. l. IV. p. 164.

извѣстно ([15]); но уже издавна одежды апостоловъ пользовались большимъ уваженіемъ за свою чудодѣйственную силу (Дѣян. 19, 12). Образцомъ подобнаго чествованія можетъ служить сохранившійся доселѣ праздникъ поклоненія честнымъ веригамъ св. апост. Петра, 16 января.

Іюль.

1. Свв. безсребренниковъ Космы и Даміана (559), но какихъ именно, не сказано. Мощи ихъ покоились въ монастырѣ ихъ имени въ урочищѣ τὰ Παυλίνου, откуда, вѣроятно, по разрушеніи его перенесены въ храмъ апостольскій, гдѣ видѣлъ ихъ нашъ архіепископъ Антоній ([16]).

15. Единеніе Церкви (186). Въ „Обрядникѣ“ не указанъ день этой памяти, но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что она падала на 15-е іюля ([17]).

19. Канунъ—ἡ παραμονὴ—дня св. пророка Иліи (114).

20. Св. пророка Иліи (114. 189).—Извѣстно, что милоть пророка была оставлена имъ Елисею (4 Царст. 2, 13). Неизвѣстно, какъ и когда она явилась въ Византіи, гдѣ хранилась на престолѣ въ евктиріонѣ пророка, бывшемъ въ Новой церкви (117).

24. Св. мученицы Христины (214. 215).

27. Св. великомученика Пантелеимона. Въ храмѣ его имени въ τὰ Ναρσοῦ въ алтарѣ и, быть можетъ, на престолѣ хранилась глава святаго, источавшая мѵро (560—561).

29. Св. мученика Каллиника (16. 801).

Августъ.

6. Преображеніе Господне (41. 189. 370. 779).

13. Окончаніе крестныхъ ходовъ въ столицѣ. Они начи-

([15]) Reiskii Comment. ad Const. porphyrog. p. 761.
([16]) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ. Т. II. Стр. 184.
([17]) Мансветовъ. Церк. уст. Стрр. 240—241.

нались 24—30 іюля, а оканчивались всегда 13-го августа; на слѣдующій день крестъ относился въ сосудохранильницу (538—41).

15. Успеніе пресвятой Богородицы (189. 541). Тропарь нынѣшній „въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“ (544).

16. Св. мученика Діомида (780).

29. Усѣкновеніе святаго Іоанна Предтечи (162). Глава его хранилась въ правой сторонѣ алтаря храма Крестителя въ Студійскомъ монастырѣ, перенесенная сюда послѣ разрушенія его храма въ Гебдомонѣ, гдѣ она была положена Ѳеодосіемъ I.—Подъ этимъ же числомъ положена „память святаго и православнаго великаго царя нашего Василія“ (780). Здѣсь идетъ рѣчь о празднованіи Василію Македонянину въ апостольскомъ храмѣ, такъ какъ онъ называется святымъ. Слово „ἡ μνημη“ также употребляется для названія праздниковъ въ честь святыхъ (сравн. 532). Въ мѣсяцесловахъ этой памяти не встрѣчается. Почему пріурочено празднованіе Василію къ 29 августа, когда онъ умеръ 1 марта ([18]), неизвѣстно ([19]).

Кромѣ упомянутыхъ реликвій, въ „Обрядникѣ“ говорится еще о нѣкоторыхъ. Въ первозданномъ храмѣ Богоматери хранились останки неизвѣстныхъ святыхъ (8). — Въ св. Софіи на престолѣ хранились пелены Спасителя—τὰ ἅγια σπάργανα (15), τὰ σπάργανα τοῦ Κυρίου (133). Это были младенческія пелены Его, а погребальныя хранились во Влахернахъ. Пелены Спасителя носили въ литіяхъ по слу-

([18]) Du Cange. Famil. august. byzant. Paris. 1680. p. 138—139.

([19]) Храмы св. Софіи и св. Ирины были посвящены не какимъ либо святымъ, а высшимъ христіанскимъ идеямъ—идеямъ мудрости и мира (Кондаковъ. Визант. церк. и пр. Стр. 8). Относительно церквей св. Ирины это нужно разумѣть объ одной древнѣйшей; позднѣйшія построены въ честь мученицъ этого имени (Du Cange. Const. chr. l. IV p. 148—149).

чаю бездождія ([20]).—Одежды Богоматери хранились въ особыхъ, богатыхъ ковчегахъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ Халкопратійскомъ храмѣ ея, а другой во Влахернахъ.

Сказанія о ризахъ Богоматери крайне разнорѣчивы и трудно на основаніи ихъ сдѣлать какіе либо ясные выводы. Въ Халкопратійскомъ храмѣ, кажется, былъ одинъ только поясъ Богоматери, а во Влахернскомъ остальныя одежды и погребальныя пелены ([21]).

Въ тріодной части церковнаго календаря первымъ днемъ упомянута „недѣля мясопуста“ — τῆς ἀποκρέας (759), за которою слѣдовала седмица „сыроястія“ — τῆς τυροφάγου (760). Въ Синайскомъ канонарѣ обозначеніе недѣль также начинается съ недѣли мясопустной ([22]). Въ понедѣльникъ за недѣлей сыроястія начинался постъ святой четыредесятницы—ἡ πανσέβαστος καὶ ἁγία τετταρακοστὴ (155), впродолженіе которой отмѣчены слѣдующіе дни.

Первая недѣля, православія (761 и др.). Тропарь „истинныхъ догматовъ“ (154).

Третья „недѣля средней седмицы постовъ“ (161. 192. 549).

Лазарева суббота, канунъ цвѣтоносія (170). Тропарь „спогребшеся тебѣ“ (171), употребляющійся теперь въ самый праздникъ.

Праздникъ ваій, день ваій (171. 176). Тропарь нынѣшній „общее воскресеніе“ (174).

Святый и великій четвертокъ (177).

Великій пятокъ (178).

Святая и великая суббота (180).

Во второй половинѣ тріоднаго круга во главѣ стоитъ „праздникъ святой пасхи“ (43), „святая и великая недѣля“

([20]) Reiskii. Ibid. p. 109.

([21]) Арх. Сергій. Ibid. Стрр. 185—188. 263—264.

([22]) Труды Кіев. дух. Акад. 1874. Май—Іюнь. Стр. 494.

(22). Праздникъ этотъ продолжался цѣлую седмицу, называвшуюся седмицей „обновленія“—τῆς διακαινησίμου. Тропарь нынѣшній „Христосъ воскресе“ (75).

Недѣля антипасхи (52), новая (594).

Преполовеніе пятидесятницы (53).

Вознесеніе (54).

Пентикостія, пятидесятница (58).

Праздникъ всѣхъ святыхъ (535).

b) Богослуженіе синаксарнаго круга.

Въ 8-й день сентября мѣсяца, въ праздникъ рождества пресвятой Богородицы, или полнѣе, рождества пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи (26, 189. 781) изъ св. Софіи совершалась литія на форумъ, а оттуда въ Халкопратійскій храмъ Богоматери, гдѣ служилась литургія (781).—Служба начиналась встрѣчей императора.

Патріархъ со всею своею свитою, въ облаченіи, выходилъ къ св. кладязю и становился въ дверяхъ, ведшихъ изъ него въ храмъ. Императоръ, вступивъ въ св. кладязь, клалъ три поясныхъ поклона, лобызалъ священный камень и приближался къ патріарху, который встрѣчалъ его кажденіемъ (27). Облобызавшись съ патріархомъ, императоръ вмѣстѣ съ нимъ проходилъ правой стороной св. Софіи, занятой синклитомъ, къ св. вратамъ. Патріархъ входилъ въ алтарь, а императоръ, ставъ на кругъ предъ св. дверями, совершалъ обычныхъ три поклона съ свѣчами и, отдавъ послѣднія, также входилъ въ алтарь (74). Здѣсь онъ поклонялся предъ св. престоломъ, а патріархъ, взявъ изъ рукъ кастризія кадильницу, подавалъ ее императору, который совершалъ кажденіе вокругъ престола. По окончаніи кажденія патріархъ и императоръ становились предъ престоломъ, пѣвцы на амвонѣ,

а остальные клирики, вѣроятно, въ алтарѣ и на солеѣ. За возгласомъ архидіакона, заключавшимъ въ себѣ, вѣроятно, обращеніе къ патріарху начать службу, слѣдовала молитва— ἡ εὐχή—патріарха и процессія при пѣніи пѣвцами тропаря праздника направлялась вонъ изъ св. Софіи. Процессію открывалъ иподіаконъ съ литійнымъ крестомъ въ рукахъ. Діаконы шли съ кадильницами, а патріархъ съ евангеліемъ въ рукахъ. Императоръ имѣлъ въ рукахъ литійную свѣчу, остальные также участвовали въ процессіи съ зажженными свѣчами. Кромѣ того, клирики несли церковные свѣтильники. За амвономъ, на порфировомъ кругѣ процессія останавливалась для совершенія обычной молитвы ([23]), послѣ чего выходила царскими вратами въ притворъ. Здѣсь происходила новая остановка: императоръ, облобызавшись съ патріархомъ, уходилъ за завѣсу, чтобы возложить на себя корону. Облобызавшись послѣ этого съ патріархомъ еще разъ, императоръ отдѣлялся отъ процессіи и отправлялся со своею свитою на форумъ къ колоннѣ Константина. Эта процессія называется собственною литіею императора — ἡ οἰκεία λιτή. Церковная процессія во главѣ уже съ однимъ патріархомъ, поддерживаемымъ высшими чинами своими и предшествуемымъ митрополитами, архіепископами и епископами, съ пѣніемъ выходила чрезъ притворъ и атріумъ изъ св. Софіи и по Средней улицѣ поднималась на форумъ. Путь ея еще съ вечера былъ выметенъ, усыпанъ буковыми и плющевыми опилками, лавромъ, миррою, ѳиміамомъ и различными цвѣтами, пестрыми и пахучими, судя по времени года. Между тѣмъ на форумѣ императоръ ждалъ уже литію. Онъ стоялъ на верхней ступенькѣ пьедестала Порфировой колонны, а свита его размѣщалась на правой сто-

([23]) Быть можетъ, это была молитва трисвятаго, читавшаяся предъ выходомъ литіи изъ храма? См. прим. 40 во II-й главѣ.

ронѣ ступенекъ и внизу, но на той же сторонѣ. Съ приближеніемъ литіи императоръ бралъ свѣчи и, помолившись, цѣловалъ крестъ и евангеліе, а потомъ патріарха. Клирики становились по лѣвую сторону императора, при чемъ лица епископскаго достоинства на самыхъ ступенькахъ, а патріархъ съ немногими избранными входилъ съ евангеліемъ въ храмъ св. Константина. Крестъ водружался на ступенькахъ колонны. По знаку препозита ([24]) начиналось пѣніе праздничной катавасіи, которое исполнялось антифоннымъ способомъ трижды. Далѣе слѣдовала ектенія діакона, заканчивавшаяся возгласомъ патріарха. Совершивъ обычную молитву со свѣчами, императоръ раскланивался съ патріархомъ при пѣніи пѣвцами тропаря праздника. Съ форума онъ шелъ въ Халкопратійскій храмъ Богоматери; на пути пѣли тропарь, который начиналъ распорядитель — ὁ τῆς καταστάσεως ([25]). Церковная процессія шла своимъ порядкомъ (28—30. 75. 85. 116. 120. 123. 150. 158. 163—165. 185. 191).

Съ форума пришедши къ упомянутой церкви Богоматери, патріархъ входилъ съ литіею въ притворъ ея, гдѣ сидѣлъ въ ожиданіи его императоръ. Послѣдній вставалъ и облобызавшись съ нимъ, становился въ царскихъ дверяхъ. Патріархъ читалъ молитву входа, а императоръ совершалъ три обычныхъ поклона со свѣчами въ рукахъ. По окончаніи молитвы императоръ цѣловалъ евангеліе и крестъ и рука объ руку съ патріархомъ шелъ чрезъ средину храма къ св. вратамъ. Остановившись предъ ними для совершенія обычной молитвы предъ входомъ въ алтарь, императоръ входилъ за патріархомъ въ этотъ послѣдній, покланялся предъ

([24]) Препозитъ при византійскомъ дворѣ соотвѣтствовалъ нашему министру двора Его Императорскаго Величества.

([25]) Распорядитель былъ никто иной, какъ церемоніймейстеръ.

престоломъ и клалъ на него апокомвіонъ. Отсюда патріархъ и императоръ шли лѣвой стороной храма въ церковь св. Раки, гдѣ съ обычными церемоніями входили въ алтарь. Положивъ затѣмъ на св. ковчегѣ апокомвіонъ, императоръ съ патріархомъ входилъ въ сосѣдній съ св. Ракою евктиріонъ и вторично полагалъ на св. ковчегѣ апокомвіонъ, послѣ чего здѣсь же раскланивался съ патріархомъ. Патріархъ шелъ въ храмъ и начиналъ литургію, которая совершалась обычнымъ порядкомъ до ектеніи, слѣдовавшей за евангеліемъ. Здѣсь происходилъ перерывъ: патріархъ входилъ въ церковь св. Раки, возлагалъ на императора корону, подавалъ ему благословенные хлѣбцы и благовонія, взамѣнъ которыхъ получалъ апокомвіонъ, и, облобызавъ императора, провожалъ его изъ храма. Послѣ этого служба шла обычнымъ порядкомъ (30—31).

14-го сентября—воздвиженіе и явленіе честнаго и животворящаго креста. Уже названіе этого праздника показываетъ на отличительную черту его богослуженія — обрядъ воздвиженія креста. Слово „явленіе“ —τὰ ἐμφάνια невольно приводитъ на память сказанія о началѣ этого праздника и обряда. Воздвиженіе креста было вызвано необходимостью сдѣлать эту святыню видимою для всѣхъ. „Обрядникъ“ говоритъ объ утренѣ, совершавшейся въ этотъ праздникъ въ св. Софіи; за утреней совершалось воздвиженіе и поклоненіе кресту. Служба начиналась очень рано, „утру глубоку“. Императоръ являлся за эту утреню въ третьемъ или четвертомъ часу утра по нашему счету и являлся почти къ обряду воздвиженія. До выноса креста о ходѣ службы ничего не говорится. Крестъ для выноса былъ приготовляемъ въ маломъ секретѣ, куда удалялся патріархъ послѣ свиданія съ императоромъ. Когда начинали пѣть великое славословіе, императоръ входилъ въ малый секретъ и покла-

нялся кресту, послѣ чего начиналось шествіе чрезъ великій секретъ къ западной сторонѣ катихуменовъ. Въ великомъ секретѣ ожидала патріарха и императора свита послѣдняго и синклитъ со свѣчами въ рукахъ. Здѣсь же патріархъ подавалъ императору литійную свѣчу и онъ со всѣми остальными сопровождалъ его. Спустившись по великой лѣстницѣ съ катихуменовъ, процессія шла чрезъ дидаскаліонъ во второй притворъ, отсюда въ первый къ царскимъ вратамъ. Здѣсь происходила небольшая остановка, во время которой императоръ совершалъ обычную молитву и прикладывался къ евангелію. Ни о возгласѣ, ни о какихъ либо дѣйствіяхъ патріарха не говорится. Въ нынѣшнемъ уставѣ здѣсь положенъ возгласъ перводѣйствующаго „премудрость, прости". Отъ царскихъ дверей процессія тѣмъ же порядкомъ шла чрезъ средину храма, мимо правой стороны амвона на солею. Патріархъ входилъ въ алтарь и полагалъ крестъ на престолѣ; туда же послѣ обычной молитвы вступалъ императоръ и поклонялся кресту. Всѣ остальные становились на солеѣ. Изъ алтаря патріархъ и императоръ шли къ амвону, при чемъ императоръ останавливался на третьей или четвертой ступенькѣ его. Патріархъ же, поднявшись на амвонъ, начиналъ обрядъ воздвиженія св. креста, при которомъ молящіеся присутствовали съ зажженными свѣчами. Воздвиженіе было четырехкратное и совершалось на всѣхъ четырехъ сторонахъ амвона. Послѣ послѣдняго воздвиженія патріархъ и императоръ входили въ алтарь для третьяго поклоненія кресту, послѣ котораго патріархъ провожалъ императора южною дверью алтаря до св. кладязя (124—127. 782). За исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, обрядъ воздвиженія, какъ онъ изложенъ сейчасъ, сходенъ съ нынѣшнимъ.—О литургіи этого праздника ничего не говорится.

Память св. апостола Іоанна Богослова, 26-го сентября, торжественно справлялась въ его храмѣ, что въ двуконникѣ (562).

Въ день св. великомученика Димитрія совершалась литія изъ дворцоваго евктиріона св. ап. Петра въ дворцовый же храмъ св. вмч. Димитрія. Литію начиналъ въ алтарѣ патріархъ обычной молитвой—ἡ εἰωθυία εὐχή, послѣ которой при пѣніи тропаря великомученику пѣвцами онъ съ евангеліемъ въ рукахъ направлялся къ царскимъ вратамъ. Иподіаконъ шелъ съ литійнымъ крестомъ, а діаконы съ кадильницами; въ служеніи участвовали также митрополиты и весь патріаршій клиръ. Въ царскихъ вратахъ встрѣчалъ процессію императоръ, ожидавшій ее въ притворѣ, и послѣ обычной молитвы лобызалъ евангеліе и крестъ; въ это время діаконъ кадилъ предъ нимъ. Затѣмъ императоръ становился рядомъ съ патріархомъ и, поддерживаемый имъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ шелъ во главѣ процессіи, имѣя въ рукахъ литійную свѣчу (117. 120. 537). Процессія шла при пѣніи пѣвцами тропаря святому ([26]) чрезъ портики Маркіана, скилы, триклиній Юстиніана, лавзіакъ и орологіонъ Хризотриклина. При входѣ въ этотъ послѣдній пѣвцы начинали пѣть тропарь обновленія „слава тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвало“. Чрезъ Хризотриклинъ процессія проходила къ храму св. Димитрія ([27]). По окончаніи чина обновленія въ притворѣ его совершался входъ въ церковь и за нимъ входъ патріарха въ алтарь. Императоръ въ этотъ праздникъ въ алтарь не входилъ; послѣ евангелія онъ удалялся изъ храма. Послѣ литургіи патріархъ и митрополиты обѣдали во дворцѣ (122—124).

([26]) И. Д. Мансветовъ несправедливо говоритъ, что литургія совершалась въ день св. Димитрія въ Софійскомъ соборѣ (Церк уст. стр. 241, примѣч.).

([27]) На 2-мъ планѣ Лабарта №№ 143, 142, 113, 109, 92, 94, 95, 105, 107.

Память свв. Космы и Даміана, 1-го ноября, торжественно праздновалась въ ихъ храмѣ въ τὰ Βασιλίσκου (562).

8-го ноября св. архистратигу Михаилу праздновали въ евктиріонѣ его, бывшемъ въ Новой церкви. Литія совершалась по тому же чину, что 26-го октября, изъ Фарскаго храма Богородицы, чрезъ иліакъ Хризотриклина ([28]). Въ притворѣ Новой церкви совершалось послѣдованіе обновленія, за которымъ слѣдовалъ входъ въ храмъ и алтарь евктиріона архангела съ обычными церемоніями. Послѣ молитвы предъ святыми вратами императоръ цѣловалъ бывшіе на нихъ кресты, индитію престола и полагалъ на послѣдній апокомвіонъ. Изъ алтаря архангела патріархъ и императоръ шли въ другіе алтари Новой церкви, при чемъ послѣдній въ каждомъ алтарѣ возжигалъ свѣчу и цѣловалъ индитію. Вышедши изъ алтаря пророка Иліи, они шли къ иконѣ царя Василія, предъ которою императоръ также зажигалъ свѣчу. Здѣсь императоръ и патріархъ раскланивались; послѣдній шелъ въ евктиріонъ архистратига совершать литургію, а первый послѣ евангелія и закуски въ притворѣ удалялся во дворецъ (121).

Изъ богослуженія въ праздникъ рождества Христова „Обрядникъ“ описываетъ одну литургію. Литургія въ этотъ день совершалась, какъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, въ св. Софіи и отличалась отъ другихъ литургій своей блестящей обстановкой. Для встрѣчи императора патріархъ со всѣмъ клиромъ выходилъ въ притворъ; архидіаконъ имѣлъ въ рукахъ евангеліе, а крестъ несъ, вѣроятно, иподіаконъ. Снявши въ вестибулѣ притвора корону, императоръ входилъ въ притворъ, раскланивался и лобызался съ патріархомъ, облобызавъ напередъ евангеліе и крестъ. Въ царскихъ вратахъ патріархъ совершалъ молитву входа, ко-

([28]) На томъ же планѣ №№ 106, 105, 127, 128.

торую императоръ слушалъ, молясь со свѣчами въ рукахъ. По окончаніи ея онъ совершалъ цѣлованіе евангелія и креста и рядомъ съ патріархомъ проходилъ къ св. дверямъ. Когда они доходили до бывшаго предъ св. дверями порфироваго круга, патріархъ входилъ въ алтарь, а императоръ останавливался на кругѣ для совершенія обычной молитвы. При входѣ въ алтарь онъ цѣловалъ утвержденные на алтарныхъ дверцахъ кресты, при чемъ эти дверцы приближали къ нему самъ патріархъ и митрополиты. Ставъ предъ престоломъ, императоръ цѣловалъ его индитію, полагалъ на него свое обычное приношеніе—два бѣлыхъ илитона или воздуха, лобызалъ подававшіеся ему патріархомъ два потира, два дискоса и святыя пелены и полагалъ на престолѣ апокомвіонъ. Пройдя послѣ того въ алтарную конху, патріахъ подавалъ императору кадильницу и онъ послѣ обычной молитвы, кадилъ стоявшее тамъ распятіе. Затѣмъ патріархъ и императоръ раскланивались, первый шелъ совершать литургію, а послѣдній удалялся въ митаторій ([29]).

Перенесеніе даровъ изъ предложенія въ алтарь или нашъ великій входъ совершался при участіи императора, который являлся здѣсь свѣщеносцемъ. Съ наступленіемъ времени входа онъ направлялся изъ митаторія къ порфировому кругу среди храма, гдѣ стоялъ приготовленный для него свѣтильникъ. По обѣимъ сторонамъ пути, по которому должна была двигаться процессія, становился синклитъ; сюда же приносились всѣ императорскія регаліи, сопровождавшія его изъ дворца въ храмъ и помѣщавшіяся на время

([29]) Почти всѣ моменты нашей встрѣчи епископовъ, являющихся къ совершенію литургіи, совпадаютъ съ подробностями встрѣчъ императоровъ византійскими патріархами, какъ описаны эти встрѣчи въ „Обряднике“. Обстановка малаго входа, за которымъ слѣдуетъ кажденіе епископомъ алтаря и мѣстныхъ иконъ, представляетъ большое сходство съ описаннымъ по „Обряднику“ малымъ входомъ за патріаршей литургіей и при участіи императора.

службы по сторонамъ солеи и отчасти въ алтарѣ. Къ тому времени приближалась къ омфаліону церковная процессія и императоръ, взявъ изъ рукъ препозита свѣтильникъ, сопровождалъ святые дары до святыхъ вратъ. Съ приближеніемъ къ св. вратамъ императоръ отдавалъ свѣтильникъ препозиту, который ставилъ его близъ св. вратъ на второй солеѣ, и ожидалъ окончанія входа. Св. дары останавливались на солеѣ, архидіаконъ кадилъ императора и патріарха и престолъ, послѣ чего совершался входъ. Патріархъ и императоръ раскланивались; послѣдній послѣ того снова уходилъ въ митаторій ([30]).

Съ приближеніемъ времени лобзанія мира императоръ проходилъ изъ митаторія на солею и останавливался на правой сторонѣ ея. Здѣсь онъ лобызался съ патріархомъ, митрополитами, епископами и со всѣмъ клиромъ и, раскланявшись съ патріархомъ, спускался съ верхней ступеньки солеи для лобзанія съ синклитомъ и послѣ новаго обмѣна поклономъ съ патріархомъ опять удалялся въ мита-

([30]) У насъ за архіерейскимъ служеніемъ литургіи въ великомъ входѣ несутъ, кромѣ дискоса и потира, копіе, лжицу и другіе свящ. предметы, употребляющіеся при совершеніи проскомидіи, рипиды, архіерейскую митру и т. д. Все это ведетъ свое начало несомнѣнно изъ обычая Великой церкви, гдѣ въ великомъ входѣ несли скиптры и другія императорскія регаліи. Еще болѣе сходства съ византійскимъ обычаемъ представлялъ у насъ великій входъ въ старину. Изъ устава Новгородскаго Софійскаго собора мы узнаемъ, что тамъ на великомъ входѣ діаконы и архидіаконы носили ладоницы (Арх. Макарій. Археол. опис. церк. древн. въ Новгор. М. 1860. Ч. II. Стр. 220), сіоны—одинъ или два, смотря по важности праздника (Ibidem. Стр. 206. Голубинскій. Ист. Р. Ц. Т. I, пол, 2. Стр. 148—149), дароносицы, а священники покровы, полагаемые на ракахъ святыхъ (Арх. Макарій. ibidem Стр. 304. Ч. I, стр. 451). Одна изъ стѣнописей XVII вѣка изображаетъ великій входъ въ слѣдующей картинѣ: одинъ священникъ выноситъ копіе и лжицу, другой священникъ несетъ платъ съ изображеніемъ нерукотвореннаго образа, три слѣдующихъ священника несутъ большой платъ въ видѣ плащаницы („Церковная старина на Яросл. археол. съѣздѣ". Христ. Чт. 1888. Ч. I, стр. 54).

торій ([31]). Кромѣ клира на солеѣ давали лобзаніе императору трое изъ новокрещенныхъ къ празднику.

Для причащенія императоръ являлся къ св. вратамъ и поднимался на бывшій предъ ними выступъ. Къ нему подходилъ патріархъ и влагалъ въ руки часть св. Хлѣба; императоръ, поцѣловавъ патріарха, сходилъ съ выступа внизъ и, перекрестившись трижды, пріобщался пречистаго тѣла Господня; два остіарія держали предъ императоромъ развернутый платъ. Снова поднявшись на выступъ, онъ причащался изъ рукъ патріарха честной крови; помолившись, сходилъ внизъ, раскланивался съ патріархомъ и шелъ въ митаторій, гдѣ ему была приготовлена закуска.

По окончаніи литургіи патріархъ шелъ въ митаторій, а оттуда вмѣстѣ съ императоромъ къ св. кладязю. Въ двери сюда они останавливались и императоръ раздавалъ денежную милостыню архидіакону, остіаріямъ, пѣвцамъ, бѣднымъ и парамонарямъ. Послѣ этой раздачи патріархъ за завѣсой въ св. кладязѣ возлагалъ на императора корону, подавалъ ему благословенные хлѣбцы и благовонія, взамѣнъ которыхъ получалъ отъ него апокомвіонъ. Облобызавшись, патріархъ и императоръ разставались (132—135. 14—19. Сравн. также 64—67. 145) ([32]).—Литургія по описанному чину совершалась, кромѣ рождества Христова, въ праздники Богоявленія, пасхи, пятидесятницы и преображенія и въ иные торжественные дни, какъ напр. въ день празднованія рожденія царскаго сына (617).

([31]) Ср. Бѣляевъ. Byzantina. Вып. II. Стр. 168, прим. 1.

([32]) Нѣчто аналогичное съ этимъ византійскимъ обычаемъ подносить евлогіи находимъ мы на Руси. Изъ устава Софійскаго собора мы узнаемъ, напримѣръ, что въ дни храмовыхъ праздниковъ, какъ и теперь, совершали водосвятіе. Въ знаменитыхъ монастыряхъ во время литургіи освященную воду печатали въ вощанникахъ и вмѣстѣ съ заздравными просфорами отправляли государю (Арх. Макарій. ibid. Стрр. 243, 255, 451 и др. Срав. также стрр. 89—90 и ч. II, стр. 210).

Перваго января упоминается о совершеніи литіи изъ храма Богоматери въ Фарѣ въ евктиріонъ св. Василія великаго, по случаю его храмового праздника. Какъ литія, такъ и слѣдовавшая за нею литургія совершались однимъ придворнымъ духовенствомъ. Гдѣ служилъ патріархъ, неизвѣстно (137).—25-го декабря начинался двѣнадцатидневный праздничный періодъ, отличительную черту котораго доселѣ составляетъ упраздненіе поста и разныя ослабленія въ литургическомъ отношеніи, почему 5-ое января, какъ день постный, изъ счета исключается. Въ придворной жизни Византіи эти дни отличались обширными пиршествами; то же, вѣроятно, было и вообще въ имперіи, такъ что празднованіе двѣнадцатидневія получало, какъ въ нашемъ быту получаетъ доселѣ, какой то полуязыческій характеръ. Между прочимъ 1-го января предлагалась трапеза для бѣдныхъ; во время десерта у нихъ отбирались даваемыя для входа на дворцовыя пиршества печати—τὰ σφραγίδια и, взамѣнъ ихъ, они получали денежный подарокъ. Въ одно изъ послѣднихъ чиселъ декабря такой же обѣдъ устраивался для столичнаго духовенства и почти исключительно чернаго. На него приглашался патріархъ, 12 игуменовъ знатнѣйшихъ монастырей и 216 человѣкъ монаховъ. Въ извѣстное время обѣда въ столовую залу входили два доместика св. Софіи, которые становились на двухъ сторонахъ стола и управляли пѣніемъ возлежавшихъ за нимъ отцовъ. Послѣ обѣда всѣмъ присутствовавшимъ давался денежный подарокъ (750—751. 747—749).

Въ канунъ праздника святыхъ свѣтовъ литургія совершалась уже къ вечеру, согласно съ нынѣшнимъ уставомъ. Она соединялась съ вечернею, на которой, какъ и теперь, читалось нѣсколько паремій; упоминаются четвертая и пятая пареміи. Послѣ литургіи совершалось водосвятіе. Пат-

ріархъ совершалъ два водосвятія: первое въ св. Софіи и второе въ придворной церкви св. Стефана ([33]). Въ послѣдней дворцовое духовенство начинало литургію нѣсколько позже, чѣмъ въ Софійскомъ соборѣ, чтобы дать время патріарху совершить тамъ водосвятіе. По окончаніи литургіи всѣ во главѣ съ патріархомъ выходили въ крещальню, гдѣ и совершалось водосвятіе. При чтеніи великой водосвятной молитвы всѣ присутствовали съ зажженными свѣчами. По окончаніи молитвы патріархъ возливалъ освященную воду на руки сначала императору, а потомъ другимъ молящимся. Этой водой умывали руки, мочили голову и лице и, если было желаніе, пили. Послѣ службы патріархъ подавалъ императору благословенные хлѣбцы, а тотъ ему апокомвіонъ (140—142. Сравн. 753).

Въ самый день святыхъ свѣтовъ торжественная литургія совершалась въ св. Софіи по тому же чину, что въ день Христова рождества. О водосвятіи послѣ литургіи ничего не говорится. Въ большинствѣ литургическихъ памятниковъ древнѣйшей эпохи, до XI—XII вв., говорится только объ однократномъ водоосвященіи; когда появилось двукратное водосвятіе, то оно привилось не вдругъ и не безъ борьбы ([34]). Въ нашемъ уставѣ доселѣ идетъ рѣчь лишь о вечернемъ водосвятіи, что иногда вызываетъ у священнослужителей недоразумѣнія, такъ какъ общепринятый обычай предписываетъ двукратное водоосвященіе ([35]). Послѣ литургіи во дворцѣ предлагалась духовенству трапеза. За трапезу яв-

([33]) Сравн. упомянутый выше Типикъ св. Софіи, изданный Н. Ѳ. Красносельцевымъ. Ibid. Стр. 235.

([34]) Мансветовъ. Церк. уст. Стрр. 111. 156—159. 240. 281. 340.

([35]) Такъ, напримѣръ, чтобы согласить предписаніе устава объ однократномъ водосвятіи и обычай двукратнаго совершенія его, нѣкоторые священники совершаютъ, дѣйствительно, два водосвятія, но въ самый праздникъ уже не великое, а малое.

лялся патріархъ, митрополиты въ числѣ 12, пресвитеровъ св. Софіи 24, дворцовыхъ церквей 12, діаконовъ дворцовыхъ церквей, св. Софіи и Новой церкви 36, иподіаконовъ 36, чтецовъ 24, пѣвцовъ 24 и еще патріаршихъ чиновниковъ 36. Всего духовенства на обѣдѣ присутствовало 216 человѣкъ. Лица епископскаго и священническаго сана были въ фелоняхъ, но безъ омофоровъ; остальные являлись въ стихаряхъ. Литургическія одежды были бѣлаго цвѣта; того же цвѣта были одежды императора и синклита въ этотъ праздникъ. Во время десерта входили два доместика св. Софіи съ пѣвцами и сиротами и становились по обѣимъ сторонамъ стола: первые по правую и вторые по лѣвую. Съ благословенія патріарха обѣ стороны, чередуясь по три раза, исполняли извѣстныя пѣснопѣнія. Предъ трапезою и по окончаніи ея патріархъ возлагалъ на себя омофоръ и вмѣстѣ съ духовенствомъ совершалъ молитву. Послѣ трапезы онъ подавалъ императору благословенные хлѣбцы (145—147. 754—757).

Праздникъ срѣтенія Господа нашего Іисуса Христа, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ (635), праздновался во Влахернскомъ храмѣ Богоматери (759). Такимъ образомъ, въ Великой церкви на этотъ праздникъ смотрѣли, какъ на богородичный. Въ древности онъ назывался иногда праздникомъ очищенія Богоматери ([36]). Въ нынѣшнемъ уставѣ этотъ праздникъ также является богородичнымъ. Наканунѣ праздника совершалось всенощное бдѣніе во Влахернахъ. Въ самый праздникъ патріархъ совершалъ литію сюда изъ св. Софіи обычнымъ порядкомъ, установленную при Юстиніанѣ I въ благодарность за избавленіе отъ моро-

([36]) Труд. К. д. Ак. 1874. Май—іюнь. Стр. 464. Арх. Сергій. Мѣсяцесл. Т. II, стр. 41. Весьма странно, что въ Типикѣ св. Софіи, изданномъ Красносельцевымъ, этотъ день носитъ названіе дня „Обрѣзанія Господня“ (ibid. Стр. 236).

вой язвы ([37]). Путь, по которому шла процессія, неизвѣстенъ. Съ приближеніемъ процессіи къ храму, выходилъ навстрѣчу ей императоръ съ свитою съ пѣніемъ приличныхъ случаю ямбовъ и съ зажженными свѣчами. Литія останавливалась; императоръ послѣ обычной молитвы лобызалъ евангеліе и крестъ, раскланивался съ патріархомъ и, облобызавшись съ нимъ, при пѣніи тропаря праздника „радуйся, благодатная, Богородице дѣво“ отдѣлялся отъ литіи и шелъ впереди ея въ храмъ, гдѣ садился въ притворѣ въ ожиданіи литіи. Когда патріархъ вступалъ въ притворъ, императоръ вставалъ съ своего сѣдалища и раскланивался съ патріархомъ. Далѣе все слѣдовало обычнымъ порядкомъ. По выходѣ императора изъ алтаря, патріархъ провожалъ его до притвора, гдѣ онъ поднимался на катихумены. По лѣвую сторону царскихъ дверей на скамьяхъ стояли сироты, которые при выходѣ императора въ притворъ привѣтствовали его. Когда наступало время причащенія, патріархъ поднимался съ св. дарами на катихумены и тамъ причащалъ императора и его свиту. Послѣ литургіи во влахернскомъ дворцѣ предлагалась духовенству трапеза (147—154).

Память четыредесяти мучениковъ торжественно праздновалась въ храмахъ, посвященныхъ ихъ имени; главное празднество было, вѣроятно, въ храмѣ ихъ на Средней улицѣ (559) ([38]).

Праздникъ благовѣщенія пресвятой Богородицы праздновался въ Халкопратійскомъ храмѣ Ея. Изъ Софійскаго собора совершался крестный ходъ на форумъ и оттуда въ Халкопратію тѣмъ же порядкомъ, какъ въ рождество Богоматери. Но, вмѣсто того, чтобы остановиться у колонны Константина, процессія останавливалась у храма его. Им-

([37]) Арх. Сергій. Ibid. Стрр. 40—41.
([38]) См. въ первой главѣ отдѣлъ топографіи.

ператоръ становился на верхней ступенькѣ лѣстницы, свита и народъ размѣщались по обѣимъ сторонамъ ея внизу. Съ приближеніемъ патріарха подходили клирики и, за исключеніемъ входившихъ съ нимъ въ церковь, становились по лѣвую сторону лѣстницы. Крестъ водружался въ верхней ступенькѣ, предъ входною дверью храма. Тропарь пѣлся „днесь спасенія нашего главизна". Литургія служилась такъ же, какъ 8-го сентября (191. Сравн. 164—165).

Изъ замѣчаній относительно церемоній, соблюдаемыхъ во дворцѣ въ этотъ праздникъ, если онъ случится въ св. четыредесятницу, видно, что 25-ое марта справлялось торжественнѣе въ субботу и воскресенье, чѣмъ въ иные дни седмицы (33). Вѣроятно, то же было и въ церковной практикѣ. Нашъ уставъ также торжественнѣе празднуетъ благовѣщеніе Богоматери въ субботу и недѣлю, чѣмъ въ дни постные, т. е. остальные дни седмицы.

Перваго мая былъ установленъ праздникъ обновленія Новой церкви въ память освященія ея патріархомъ Фотіемъ, по окончаніи ея постройки императоромъ Василіемъ. Храмъ былъ однимъ изъ выдающихся дворцовыхъ храмовъ и память его освященія справлялась торжественно. Литію изъ Фарскаго храма Богоматери совершалъ патріархъ по чину 8-го ноября. По тому же чину служилась литургія въ главномъ храмѣ Новой церкви, посвященномъ имени Спасителя. Послѣ литургіи патріарху и клиру его предлагалась во дворцѣ трапеза (118—121, 775—776).

День памяти св. апостола Іоанна Богослова, 8-го мая, торжествовался въ храмѣ его, что въ Гебдомонѣ (776).

Память свв. Константина и Елены праздновалась въ домовой церкви св. Константина во дворцѣ Βόνου. Этотъ дворецъ былъ посвященъ, кажется, этому святому строителемъ его: онъ построилъ здѣсь храмы ему и его матери

и перенесъ въ первый крестъ св. Константина. Онъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ по лѣвую сторону алтаря и къ нему поднимались нѣсколькими ступенями. Перенесеніе креста во дворецъ Βόνου и праздновалось, вѣроятно, подъ именемъ „обновленія“ крестовъ 21-го мая ([39]). Наканунѣ праздника совершалось въ церкви св. Константина всенощное бдѣніе въ честь св. креста. Въ самый праздникъ въ ту же церковь совершалась литія, заканчивавшаяся чиномъ обновленія. Утромъ патріархъ съ митрополитами и клиромъ являлся въ храмъ свв. апостоловъ. Явившись туда съ своею свитою, императоръ съ обычными обрядами молился предъ св. вратами и направлялся къ усыпальницѣ св. Константина. Въ дверяхъ послѣдней его ожидалъ патріархъ. Вмѣстѣ съ нимъ съ обычными церемоніями онъ проходилъ въ бывшій тамъ алтарь св. Константина. Здѣсь патріархъ подавалъ ему кадильницу. Покадивъ алтарь, императоръ съ патріархомъ выходилъ въ усыпальницу и совершалъ каждение у гробницъ православнаго владыки Льва, святой и царственной Θеофано и Василія, православнаго и благаго царя. Выйдя изъ усыпальницы, патріархъ входилъ въ алтарь апостольской церкви и начиналъ литію, которая совершалась обычнымъ порядкомъ. Во время литіи пѣлся тропарь „креста твоего знаменіе на небеси видѣвъ“. При входѣ въ ворота, ведшія во дворъ дворца, начинали тропарь обновленія. Литія оканчивалась обрядомъ обновленія, за которымъ слѣдовалъ входъ и литургія. Императоръ слушалъ литургію, стоя на ступеняхъ предъ крестомъ св. Константина, до евангелія. Послѣ литургіи для духовенства была трапеза въ новомъ дворцѣ Βόνου (534—5).

([39]) За неимѣніемъ книги Hirsch'a. „Kaiser Constantin VII Porphyrogennetos. Berlin 1873“, подробно изучающей его время, а слѣдовательно и Романа, строителя дворца, изложить съ желаемою полнотою учрежденіе праздника нѣтъ возможности.

Праздникъ святыхъ апостоловъ, 30-го іюня, праздновался въ ихъ храмѣ (189).

День памяти свв. Космы и Даміана, 1-го іюля, торжествовался въ храмѣ ихъ въ τὰ Παυλίνου. Въ этотъ день императоръ не входилъ въ алтарь, но, помолившись предъ святыми вратами, шелъ къ св. мощамъ и, совершивъ предъ ними молитву съ возженными свѣчами, лобызалъ ихъ (559—560).

16 іюля справлялся праздникъ единенія Церкви. Левъ Мудрый послѣ смерти своей третьей жены вступилъ въ незаконный бракъ съ Зоею. Патріархъ Николай возсталъ противъ четвертаго брака Льва, за что былъ имъ низложенъ, а на его мѣсто возведенъ Евфимій. Незадолго до кончины Левъ созналъ незаконность своего поступка, низложилъ Евфимія и возвратилъ на каѳедру Николая. Этимъ, однако, не былъ положенъ конецъ волненіямъ, охватившимъ раздвоившійся во мнѣніяхъ клиръ и общество. Уже много спустя послѣ смерти Льва, въ 920 году соборъ епископовъ въ Константинополѣ положилъ конецъ спорамъ. Соборныя постановленія, названныя томомъ единенія, осудили четвертый бракъ ([40]). Въ память этого прекращенія раскола учрежденъ былъ праздникъ „единенія". Въ этотъ день послѣ встрѣчи въ св. кладязѣ императора патріархъ отправлялся съ нимъ въ церковь св. Ирины. Отсюда совершалась въ св. Софію литія, а за нею слѣдовала литургія (186—187). Ὁ τόμος τῆς ἑνώσεως читался въ этотъ день съ амвона въ св. Софіи ([41]).

Наканунѣ дня памяти пророка Иліи въ Фарскомъ храмѣ Богоматери и, вѣроятно, именно въ бывшемъ тамъ евктиріонѣ служилась вечерня. Въ концѣ вечерни кувикуляріи и

([40]) „Николай Мистикъ, патр. К—скій". Приб. къ изд. Твор. Свв. оо. Ч. XX.
([41]) Ibidem. Стр. 234.

дворцовые клирики исполняли антифонно тропарь пророка по напѣву „спогребшеся тебѣ“. Этотъ тропарь составленъ былъ императоромъ Львомъ, но какой именно, неизвѣстно. Послѣ тропаря царь раздавалъ по одному небольшому серебряному крестику членамъ свиты и синклита.—На слѣдующій день предъ литургіей являлись во дворецъ завѣдывавшіе страннопріимницами и богадѣльнями и подносили императору въ Хризотриклинѣ вызолоченные, вѣроятно серебряные, кресты; сейчасъ же послѣ пріема ихъ эти кресты императоръ раздавалъ членамъ своей свиты, которые стояли съ ними за службой. Литія изъ Фарскаго храма Богоматери и литургія въ Новой церкви служились патріархомъ по чину 8-го ноября. Но литія выходила изъ придѣла пророка и литургія служилась въ придѣлѣ его. Императоръ по входѣ въ алтарь, облобызавъ индитію престола, лобызалъ лежавшую на немъ милоть пророка Иліи. Послѣ литургіи патріарху и митрополитамъ предлагалась во дворцѣ трапеза (114—118. 776—777).

Память св. Пантелеимона праздновалась въ храмѣ его, что въ τὰ Ναρσοῦ. Богослуженіе совершалось, однако, безъ участія патріарха. Послѣ лобзанія индитіи императоръ лобызалъ главу св. великомученика. Когда онъ выходилъ изъ алтаря и становился на свое мѣсто, священники вторично подносили ему св. главу. Помолившись со свѣчами въ рукахъ, онъ снова лобызалъ ее и бралъ истекавшее отъ нея св. мѵро (560—1).

Въ праздникъ богосвѣтлаго преображенія совершалась торжественная литургія въ св. Софіи. Чинъ литургіи былъ тотъ же, что въ Рождество Христово (22. 779). О благословеніи винограда въ этотъ день ничего не говорится, хотя въ „Обрядникѣ“ излагается послѣдованіе освященія вновь собранныхъ плодовъ виноградниковъ. Вѣроятно, къ этому вре-

мени упомянутый обрядъ не былъ еще пріуроченъ къ 6-му августа, а совершался по мѣрѣ созрѣванія винограда.

13-го августа оканчивались въ Византіи литіи съ честнымъ и животворящимъ крестомъ. Крестъ выносился изъ дворцовой ризницы непремѣнно въ воскресенье предшествующее первому августа, исключая того случая, когда оно падало на 31-ое іюля; въ послѣднемъ случаѣ крестъ выносился въ предыдущее послѣднему воскресенье, т. е. 24-го іюля. Такимъ образомъ, если первое августа въ воскресенье, крестъ выносится въ воскресенье 25-го іюля

въ понедѣльникъ,	24-го іюля.
во вторникъ,	30-го іюля.
въ среду,	29-го іюля.
въ четвергъ,	28-го іюля.
въ пятницу,	27-го іюля.
въ субботу,	26-го іюля.

Во время утрени, около третьей или шестой пѣсни канона, крестъ выносился въ ризницу, гдѣ протопопъ намащалъ его благовоніями и переносилъ въ Фарскій храмъ Богоматери. Здѣсь по окончаніи утрени всѣ клирики дворцовыхъ церквей воспѣвали пѣснопѣнія въ честь св. креста, во время которыхъ императоръ покланялся и лобызалъ крестъ. Послѣ этого папія Большого дворца полагалъ крестъ на голову и несъ его чрезъ иліакъ и Хризотриклинъ въ Лавзіакъ, гдѣ полагалъ его предъ входною дверью евктиріона св. Василія для поклоненія синклиту. Папію сопровождали дворцовый клиръ, протопопъ храма св. Стефана въ Дафне, который, вѣроятно, и намащалъ крестъ и другіе дворцовые насельники съ возженными свѣчами. По окончаніи поклоненія кресту въ Лавзіакѣ, папія переносилъ Его въ церковь первомученика Стефана въ Дафне. На третій день, напр. 28-го іюля, если былъ вынесенъ 25-го, т. е. въ среду, крестъ начинали

обносить по всему городу и по стѣнамъ города, чтобы все исполнилось благодати и освященія, и обносили до 13-го августа. Утромъ 13-го августа крестъ вносился во дворецъ и полагался въ Хризотриклинѣ на императорскомъ тронѣ. Здѣсь пѣлись пѣснопѣнія въ честь креста, протопопъ говорилъ ектенію и, въ заключеніе молитвословія, воспѣвалось нѣчто подобное нашему „Утверди, Боже". Послѣ этого папія въ сопровожденіи протопопа и другихъ обносилъ крестъ по всему дворцу и полагалъ его въ евктиріонѣ св. вмч. Θеодора. Отсюда вечеромъ онъ относилъ его въ Фарскій храмъ Богородицы. На слѣдующій день во время пѣнія третьей или шестой пѣсни канона на утренѣ протопопъ и завѣдующій ризницей Большого дворца тщательно вытирали крестъ и относили его въ царскую сосудохранильницу (538—541. 723). — Эти обряды перешли изъ практики Великой церкви въ уставы іерусалимской отрасли ([42]) и сохранились доселѣ. Нашъ праздникъ 1-го августа „Происхожденіе честнаго и животворящаго креста Господня" есть остатокъ византійскихъ крестныхъ ходовъ. Съ выносомъ и поклоненіемъ кресту у насъ соединяется еще водосвятіе,—остатокъ древней практики совершать водоосвященіе ежемѣсячно перваго числа. Очень вѣроятно, что оно совершалось и въ Византіи, и при обходѣ города и дворца совершалось кропленіе св. водою „πάντα τοῦ ἁγιασμοῦ πληρωθῶσιν; περιέρχεται ἁγιάζων" (540). Въ нынѣшнемъ уставѣ послѣ выноса креста и водоосвященія полагается слѣдующее. „Обходитъ іерей, и кропитъ внутрь монастыря, сирѣчь во игуменскую келлію, и въ трапезу, и келарню, и пекарню, и въ винницу, и въ

([42]) Мансветовъ. Церк. уст. Стрр. 212—213. Арх. Сергій Мѣсяцесловъ. Томъ II. Стрр. 222—225. Голубинскій Ист. Р. Церк. Т. I, пол. 2. Стрр. 354—355, примѣч. 3.

поварню, и житницы, и погребъ, и во вся келліи братскія, кропя и освящая всѣхъ ([43])".

Наканунѣ 15-го августа совершалось во влахернскомъ храмѣ Богоматери всенощное бдѣніе. Въ самый праздникъ патріархъ совершалъ литію во Влахерны изъ св. Софіи и служилъ тамъ литургію. Все совершалось по тому же чину, какъ 2-го февраля, но тропарь пѣлся, конечно, праздника Успенія „въ рождествѣ дѣвство сохранила еси". Послѣ литургіи патріарху съ клиромъ поставлялась трапеза во влахернскомъ дворцѣ (541—544. 779).

Память св. Діомида справлялась въ его храмѣ (780).

День усѣкновенія главы Іоанна Крестителя праздновался съ особой торжественностью въ Студійскомъ монастырѣ, куда являлся на богомолье императоръ. Навстрѣчу ему выходили монахи и становились двумя рядами по обѣимъ сторонамъ пути отъ монастырскихъ приморскихъ воротъ до гавани. Братія имѣла въ рукахъ свѣчи, а игуменъ кадильницу. Въ предшествіи игумена съ братіей императоръ входилъ въ храмъ и совершалъ съ служащими священниками малый входъ. По вступленіи въ алтарь онъ совершалъ кажденіе; поклонившись со свѣчами и облобызавъ въ алтарѣ главу Предтечи, онъ слушалъ въ митаторіи литургію до евангелія, послѣ чего ему предлагался завтракъ, за которымъ прислуживали монахи. Проводы совершались такъ же, какъ и встрѣча (562—493). — Въ этотъ же день въ храмѣ святыхъ апостоловъ совершалась литургія въ память императора Василія Македонянина, погребеннаго здѣсь (780).

c) Богослуженіе тріоднаго круга.

Въ недѣлю мясопуста—τῆς ἀποκρέας и во всю сырную седмицу никакихъ литургическихъ указаній въ „Обрядникѣ"

([43]) Типиконъ. М. 1838. Листъ 274-й.

мы не находимъ. Взамѣнъ того онъ даетъ нѣсколько любопытныхъ указаній изъ житейскаго быта Византіи, которыя нельзя пройти молчаніемъ. Въ воскресенье мясопустное въ Большомъ дворцѣ поставлялась трапеза для бѣдныхъ какъ бы во исполненіе словъ Спасителя, читаемыхъ въ евангеліи этой недѣли: „взалкахся бо, и дасте ми ясти; возжадахся, и напоисте мя; страненъ бѣхъ, и введосте мене (Матѳ. 25, 35)“.—Во вторникъ сырной седмицы патріархъ приглашалъ императора и его синклитъ на трапезу, которая поставлялась у него въ этотъ день послѣ литургіи. Послѣ перваго блюда входилъ въ залу патріаршій протонотарій съ аналогіемъ и книгою; онъ становился по лѣвую сторону царскаго стола и читалъ приличное случаю слово о постѣ. Когда слово было прочитано, подавалось блюдо, приготовленное изъ сыра, и входили 12 пѣвцовъ и 12 чтецовъ изъ храмовъ св. Софіи и свв. апостоловъ съ своими доместиками. Они становились по обѣимъ сторонамъ стола и исполняли положенныя пѣснопѣнія, за что получали денежный подарокъ.—Въ сырный четвергъ поставлялась въ Большомъ дворцѣ трапеза патріарху и его приближеннымъ (759—761).

Въ понедѣльникъ первой седмицы поста императоръ говорилъ народу поученіе о томъ, что слѣдуетъ въ чистотѣ и страхѣ Божіемъ проводить всечестную и святую четыредесятницу. Для сказыванія поученія императоръ выходилъ въ тронную залу Магнаврскаго дворца. Здѣсь онъ становился на верхней ступенькѣ троннаго возвышенія, на которой былъ разостланъ коверъ, а по сторонамъ стояли чиновники императорской канцеляріи, записывавшіе слова царя. Послѣ рѣчи императора читалъ приличное слово одинъ изъ упомянутыхъ чиновниковъ. По окончаніи чтенія императоръ трижды благословлялъ народъ, отвѣчавшій ему пожеланіемъ

многихъ лѣтъ (545—547. 155).—Въ этотъ день совершалось тритекти. Въ св. Софіи служилъ патріархъ, туда являлся императоръ. Послѣ обычной встрѣчи въ св. кладязѣ они съ обычными церемоніями проходили въ алтарь, гдѣ патріархъ взявъ изъ рукъ кастриція кадильницу, подавалъ императору. Покадивъ престолъ, императоръ правою дверью алтаря уходилъ въ митаторій. Проводивъ его до порфировыхъ колоннъ, патріархъ возвращался въ алтарь для совершенія службы (547—548).—Если въ понедѣльникъ первой седмицы приходилось 2-е февраля, то прежде совершались обряды понедѣльника: поученіе въ Магнаврѣ и тритекти. То и другое совершалось обычнымъ порядкомъ, исключая того, что императоръ послѣ встрѣчи въ св. кладязѣ не входилъ въ алтарь, а удалялся въ митаторій. Послѣ службы онъ уходилъ во Влахерны, чтобы встрѣтить тамъ литію. Литія и литургія служились по обычаю во влахернскомъ храмѣ Богоматери (155—156).

Наканунѣ недѣли православія, въ субботу вечеромъ, во Влахернскомъ храмѣ Богоматери совершалось торжественное всенощное бдѣніе. Совершалъ его самъ патріархъ, съ которымъ отправлялись туда бывшіе въ столицѣ митрополиты, архіепископы и епископы, клиръ Великой церкви, духовенство другихъ церквей и монастырей. Въ недѣлю православія патріархъ со всѣмъ духовенствомъ совершалъ литію изъ Влахернъ въ св. Софію. Около послѣдней встрѣчалъ литію императоръ. Тропарь, пѣвшійся при крестномъ ходѣ, „истинныхъ догматовъ“, теперь неизвѣстенъ. Послѣ литіи совершался малый входъ и литургія, которую императоръ слушалъ до евангелія, обычнымъ порядкомъ. Послѣ литургіи въ патріаршемъ митаторіи предлагалась трапеза (157—160. 191. 761—762). О чинѣ православія въ „Об-

рядникѣ“ ничего не говорится, какъ и въ Синайскомъ канонарѣ ([44]).

Въ третье воскресенье поста совершался выносъ и поклоненіе св. кресту. Для чиновъ двора крестъ полагался на поклоненіе въ Фарскомъ храмѣ Богоматери, куда они являлись задолго до разсвѣта. Въ Новой церкви крестъ выносился во время утрени. Около времени пѣнія третьей или шестой пѣсни канона въ царской сосудохранильницѣ протопопъ церкви св. Стефана въ Дафне приготовлялъ три креста и намащалъ ихъ благовоніями, послѣ чего ихъ переносили въ Новую церковь. Послѣ отпуста утрени кресты вносили въ катихумены, куда выходилъ клиръ Новой церкви и другихъ дворцовыхъ храмовъ. Во время пѣнія пѣснопѣній въ честь креста являлся императоръ и покланялся св. кресту. Послѣ того діаконъ Новой церкви въ сопровожденіи клира послѣдней сносилъ одинъ изъ крестовъ и полагалъ его въ храмѣ. Второй крестъ папія тѣмъ же порядкомъ, что въ концѣ іюля, переносилъ въ Лавзіакъ и оттуда въ храмъ св. Стефана въ Дафне. Въ понедѣльникъ папія переносилъ крестъ изъ этого храма въ св. Софію Третій крестъ оставался во дворцѣ. Въ пятницу послѣ пѣнія девятаго часа папія переносилъ крестъ изъ св. Софіи во дворецъ, вѣроятно, въ царскую ризницу. Туда же переносили клирики Новой церкви крестъ изъ этой послѣдней. Въ воскресенье послѣ третьей или шестой пѣсни канона на утренѣ протопопъ и скевофилаксъ тщательно вытирали кресты и полагали ихъ на свое мѣсто. Такимъ образомъ въ Византіи, какъ и у насъ теперь, поклоненіе кресту продолжалось до пятницы четвертой седмицы поста. Поклоненіе кресту на воскресной утренѣ составляло совершенно

([44]) Труд. К. д. Ак. 1874. Май—іюнь. Стр. 494, прим. 2. Мансветовъ. Ibidem. стр. 236.

самостоятельный обрядъ, не входившій въ составъ ея, какъ теперь у насъ. Можно предполагать также, что онъ совершался не вездѣ, а, какъ и въ концѣ іюля, лишь въ нѣкоторыхъ церквахъ. Иначе зачѣмъ было переносить крестъ изъ Новой церкви въ Софійскій соборъ и оставлять его тамъ на всю недѣлю? (549—550). Если въ недѣлю крестопоклонную случалось благовѣщеніе Богоматери, то послѣ обычнаго поклоненія кресту въ Фарскомъ храмѣ Богоматери совершалась литія на форумъ къ храму св. Константина и оттуда въ Халкопратію. Литургія совершалась въ Халкопратійской церкви Богородицы по чину рождества Богоматери. Во время причащенія патріархъ поднимался со святыми дарами на катихумены и тамъ причащалъ императора и его свиту. Патріарху сослужили бывшіе въ Византіи митрополиты и епископы; въ литіи этого дня участвовали сироты, которые нерѣдко являлись въ тѣхъ или другихъ торжествахъ столицы (162—170).

Въ канунъ недѣли цвѣтоносія или ваій праздновалось воскрешеніе Лазаря, почему эта суббота называлась Лазаревою. Съ вечера этого дня начиналось празднованіе входу Господа въ Іерусалимъ. Предъ вечернею императоръ раздавалъ въ храмѣ св. Димитрія въ Фарѣ синклиту древесныя вѣтви украшенныя финиковыми листьями, майораномъ и другими пахучими цвѣтами, бывшими въ это время года. Такъ въ былыя времена убирали на Москвѣ вербу, готовясь къ обряду шествія на осляти ([45]). Раздавались также большіе и малые крестики изъ серебра. Съ вѣтвями и крестами всѣ проходили изъ храма св. вмч. Димитрія въ сосѣдній съ нимъ храмъ Богоматери. Здѣсь служилась вечерня, въ концѣ которой пѣлся тропарь „спогребшеся тебѣ“, до нынѣ упо-

([45]) Древн. Россійск. вивліоѳика. Часть XI. Стрр. 54—68.

требляющійся. Онъ исполнялся антифонно кувикуляріями и дворцовымъ клиромъ. Кувикуляріи, не получившіе вѣтвей прежде, получали ихъ теперь (170—171).

Въ недѣлю ваій предъ литургіей совершались въ дворцѣ нѣкоторые любопытные обряды, которые трудно пройти молчаніемъ. Утромъ являлся во дворецъ сиротопитатель и раздавалъ извѣстнымъ чиновнымъ лицамъ символы вѣры; послѣ него опредѣленные чиновники раздавали имъ кресты. Когда наступало время, императоръ садился въ Хризотриклинѣ на тронѣ и начиналъ пріемъ. Прежде другихъ входилъ сиротопитатель. Поклонившись слегка императору, который ожидалъ его стоя, онъ подавалъ ему символъ вѣры. Совершивъ потомъ три обычныхъ поклона, онъ отдавалъ ему остальные экземпляры символа вѣры и, поклонившись, выходилъ. Сакелларій св. Софіи входилъ въ Хризотриклинъ, имѣя въ правой рукѣ одинъ крестъ, а на лѣвомъ плечѣ нѣсколько крестовъ. Поклонившись трижды, онъ отдавалъ царю кресты, лобызая, какъ и сиротопитатель, его руку; царь, взявъ крестъ, цѣловалъ его, какъ и символъ вѣры. Затѣмъ входили съ крестами и другія лица, главнымъ образомъ завѣдывавшіе страннопріимницами. Послѣ пріема императоръ раздавалъ эти кресты своей свитѣ, которая присутствовала съ ними за богослуженіемъ этого дня. Поднесеніе символа есть отголосокъ древняго обычая, по которому оглашенные съ этого дня начинали заучивать символъ вѣры ([46]). Послѣ раздачи крестовъ совершалась дворцовымъ духовенствомъ, иногда съ патріархомъ во главѣ, литія. Литія выходила изъ Фарскаго храма Богоматери и чрезъ Хризотриклинъ шла въ церковь Богородицы въ Дафне, гдѣ также говорилась ектенія. Оттуда возвращалась въ Хризотриклинъ ([47]). Литія со-

([46]) Мансветовъ. Ibid. Стр. 236

([47]) Путь литіи на планѣ Лабарта: №№ 95, 73, 45, 48 и 54; обратный: 73,

вершалась обычнымъ порядкомъ, пѣлся тропарь „общее воскресеніе“, всѣ участвовали съ зажженными свѣчами и крестами въ рукахъ. Войдя въ Хризотриклинъ, процессія останавливалась. Священники становились предъ царскимъ трономъ, діаконъ полагалъ на него евангеліе и говорилъ обычную ектенію, послѣ которой литія направлялась въ Фарскій храмъ Богоматери. Здѣсь дворцовое духовенство служило литургію. Упоминается о совершеніи въ этотъ день литургіи въ церкви св. Стефана на ипподромѣ (171—175. 762—763).—Если недѣля ваій приходилась 25-го марта, то прежде совершалась литія въ Большомъ дворцѣ, а потомъ своимъ порядкомъ литія изъ св. Софіи на форумъ и литургія въ Халкопратіи (176).

Въ святый и великій четвергъ, въ тотъ день, когда вышняя Мудрость уготовляетъ трапезу божественнаго таинства, литургія совершалась около девятаго часа, т. е. около трехъ по нашему счету. „Обрядникъ“ говоритъ о литургіяхъ въ Фарскомъ храмѣ Богоматери и въ церкви св. Стефана на ипподромѣ. Гдѣ служилъ патріархъ и было ли что особенное въ св. Софіи, неизвѣстно. По отпустѣ литургіи въ Фарѣ, императоръ садился на скамью въ притворѣ храма Богоматери и раздавалъ по два яблока и одной корицѣ. Получавшіе лобызали его руку. Въ этотъ же день императоръ, а быть можетъ и другіе, посѣщалъ богадѣльню и раздавалъ тамъ милостыню. У насъ на Руси также въ древности былъ обычай посѣщать на страстной седмицѣ тюрьмы и облегчать участь узниковъ, заключенныхъ въ нихъ (177—178, 763—764) ([48]).

77. Въ „Обрядникѣ“ не указываются подробно всѣ части дворца, чрезъ которыя шла процессія, а лишь тѣ, въ которыхъ происходило то или другое дѣйствіе.

([48]) Русскіе цари въ послѣдніе дни страстной седмицы, а также въ свѣтлую седмицу ходили въ тюрьмы для раздачи милостыни Забѣлинъ. ibid. Стрр. 356—7.

Въ великую пятницу около 9 или 10 часовъ по нашему счету совершалось въ храмѣ св. Ирины патріархомъ оглашеніе готовившихся на слѣдующій день приступить ко крещенію ([49]). За чиномъ оглашенія слѣдовала служба, извѣстная подъ именемъ тритекти. Съ нею соединялся обрядъ поклоненія честному копію. „Обрядникъ“ говоритъ о совершеніи ихъ въ Фарскомъ храмѣ Богородицы, но подробностей не указываетъ. Утромъ этого дня императоръ перемѣнялъ одежду на престолѣ во влахернской церкви Богородицы. Войдя съ обычными обрядами въ алтарь, онъ кадилъ кругомъ св. трапезу и переоблачалъ ее. Положивъ на ней апокомвіонъ, онъ правою дверью входилъ въ придѣлъ св. Раки и, покадивъ престолъ, возлагалъ на него апокомвіонъ (178—180).

Утромъ великой субботы императоръ переоблачалъ престолъ въ св. Софіи. Встрѣченный патріархомъ въ св. кладязѣ, онъ съ обычными обрядами входилъ въ алтарь и перемѣнялъ индитію престола. Перемѣнивъ ее, онъ полагалъ на подножіе престола апокомвіонъ и на самый престолъ другой апокомвіонъ. Затѣмъ, взявъ изъ рукъ патріарха кадильницу, онъ трижды кадилъ престолъ и входилъ съ патріархомъ въ ризницу. Здѣсь императоръ по обычаю со свѣчами въ рукахъ совершалъ молитву и потомъ кадилъ всѣ предметы церковной утвари, хранившіеся въ ризницѣ. Послѣ кажденія патріархъ и императоръ садились на своихъ тронахъ въ ризницѣ. Немного спустя, патріархъ подавалъ императору нардъ и корицу. Послѣ этого хартуларій скевофилакса или этотъ послѣдній бралъ у патріарха молитву на раздачу нарда и раздавалъ его синклиту. Пройдя заалтарной галлереей св. Николая, патріархъ и императоръ пре-

([49]) См. въ 4-ой главѣ чинопослѣдованіе крещенія.

щались съ обычными церемоніями. Далѣе „Обрядникъ“ не говоритъ ничего о происходившемъ въ св. Софіи, а описываетъ литургію въ Фарскомъ храмѣ Богоматери. При этомъ онъ упоминаетъ о литургіи у св. Стефана на ипподромѣ и тѣмъ даетъ понять, что литургія была вездѣ одинакова. Въ св. Софіи литургія имѣла нѣкоторыя особенности, обусловливавшіяся совершеніемъ за нею крещенія оглашенныхъ. Эти особенности извѣстны изъ другихъ источниковъ ([50]). Литургія совершалась уже послѣ 3-хъ часовъ по полудни по нашему счету. Упоминается объ исполненіи пѣвцомъ стиха „воскресни, Боже“, который и теперь поется послѣ чтенія апостола вмѣсто „аллилуія“ (33—34. 180—184. 764—765). Если великая суббота падала на 25-ое марта, то переоблаченіе престола совершалось обычнымъ порядкомъ. Изъ св. кладязя императоръ не уходилъ во дворецъ, а удалялся въ митаторій. Перемѣнивъ тамъ облаченія великой субботы на облаченія благовѣщенія, онъ съ обычными обрядами входилъ въ алтарь. За этимъ слѣдовала обычная въ день благовѣщенія литія на форумъ и въ Халкопратію, гдѣ служилась литургія. Императоръ слушалъ ее до евангелія (184—186).

Пасхальная седмица называлась седмицей обновленія—τῆς διακαινησίμου въ память возсозданія Спасителемъ человѣчества въ Своемъ воскресеніи. Называется она также седмицей „τῆς Γαλιλαίας“ (377). Дюканжъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что въ эту седмицу читалось евангеліе Матѳея о воскресеніи, гдѣ повелѣвалось апостоламъ идти „въ Галилею, въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ“ (Матѳ. 28, 7 и 16). ([51])—„Святый и преславный Христова воскресенія

([50]) Мансветовъ. Ibid. Стрр, 237. 244—245.
([51]) Du Cange. Gloss. graecit. s. voce «Γαλιλαία».

пресвѣтлый день, въ который совершена нашего спасенія главизна и земный Адамъ отъ тлѣнія восшелъ къ жизни“— вотъ наименованіе перваго дня пасхи. Въ этотъ день св. Софія украшалась, какъ можно свѣтлѣе. На катихуменахъ вѣшались завѣсы киворія, индитіи и другія ткани, по церкви развѣшивались поликандила, вѣнцы, золотые, украшенные драгоцѣнными камнями, кресты, евангелія и т. п. Литургія совершалась такъ же торжественно, какъ въ день рождества Христова. Въ византійскомъ придворномъ костюмѣ въ этотъ день употреблялись лоры, какъ образъ погребальныхъ пеленъ Спасителя; ради же воскресенія его они были блестящіе, вызолоченные. Вообще, одежды въ Византіи не употреблялись безъ смысла; даже цвѣтъ ихъ имѣлъ извѣстное значеніе. Императоръ выходилъ къ службѣ съ мѣшочкомъ, наполненнымъ пылью, какъ символомъ бренности нашего естества, въ лѣвой рукѣ и символомъ его обновленія— крестомъ въ правой (22. 591—592. 637—638. 765—766).— Если святая и великая недѣля пасхи падала на 25-е марта, то прежде совершалась литія, а затѣмъ пасхальное богослуженіе. Литія совершалась дворцовымъ духовенствомъ въ томъ же порядкѣ, какъ въ недѣлю ваій (71).

Въ свѣтлый понедѣльникъ совершалась литія изъ св. Софіи въ храмъ свв. апостоловъ, гдѣ служилась литургія. Литія выходила въ томъ же порядкѣ, какъ 8-го сентября, и направлялась на форумъ къ храму св. Константина. Тропарь пѣлся „Христосъ воскресе“. Послѣ обычнаго молитвословія процессія направлялась по via triumphalis, а миновавъ храмъ Богоматери τῆς διακονίσσης шла по Средней улицѣ къ церкви свв. апостоловъ. Около церкви встрѣчалъ литію императоръ, удалившійся съ форума сюда для встрѣчи ея. Встрѣча и потомъ входъ въ храмъ и алтарь происходили обычно. Положивъ на престолъ апокомвіонъ, императоръ поклонялся и

возжигалъ свѣчи на гробницахъ Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова. Послѣ этого патріархъ и императоръ входили въ усыпальницу св. Константина, гдѣ императоръ подобнымъ же образомъ чествовалъ погребенныхъ тамъ царей и патріарховъ. За поклоненіемъ гробамъ умершихъ слѣдовала литургія. Въ обычное время патріархъ поднимался на правые катихумены со св. дарами и полагалъ ихъ на приготовленномъ тамъ столикѣ, а затѣмъ причащалъ императора и его свиту. Причастивъ всѣхъ, онъ раскланивался съ императоромъ и спускался внизъ. Послѣ литургіи въ Новомъ дворцѣ предлагалась духовенству трапеза (71—81. 594). 769).—Если свѣтлый понедѣльникъ падалъ на 25-ое марта, то богослуженіе начиналось литіею изъ Софійскаго собора на форумъ по чину благовѣщенія Богородицы при пѣніи тропаря „днесь спасенія нашего главизна". Съ форума процессія шла въ храмъ Богоматери τῆς διακονίσσης. Здѣсь пѣлся прокименъ, читались апостолъ и евангеліе,— все это, вѣроятно, праздника благовѣщенія. Послѣ слѣдовавшей за евангеліемъ сугубой ектеніи пѣвцы всходили на амвонъ и начинали пѣть „Христосъ воскресе". Теперь начиналось пасхальное богослуженіе. Далѣе все слѣдовало по чину свѣтлаго понедѣльника (85).

Въ свѣтлый вторникъ патріархъ совершалъ литію изъ св. Софіи во влахернскій храмъ Богоматери, гдѣ онъ служилъ литургію. Замѣчательно, что въ нашемъ уставѣ во вторникъ пасхи полагается прокименъ Богоматери. Императоръ въ этотъ день отправлялся на богомолье въ монастырь святыхъ Сергія и Вакха. Игуменъ обители встрѣчалъ его при входѣ въ храмъ съ кадильницею. Литургія совершалась священнослужителями монастыря. Во время причащенія они поднимались со св. дарами на катихумены. Одинъ изъ священниковъ причащалъ императора въ евктиріонѣ Богородицы; выйдя

оттуда, онъ полагалъ св. дары на уготованномъ столикѣ и причащалъ императорскую свиту. Провожали императора такъ же, какъ и встрѣчали (86—89).

Въ среду пасхальной седмицы являлся въ Большой дворецъ сиротопитатель съ шестью новопросвѣщенными и шестью сиротами. Пресвитеръ и сиротопитатель вытирали слѣды мѵра на челѣ новопросвѣщенныхъ, а императоръ каждаго изъ нихъ лобызалъ въ чело. По окончаніи измовенія мѵра сироты воспѣвали приличныя случаю пѣснопѣнія, за что получали отъ императора денежные подарки (89—90. 770).

Въ пасхальный четвергъ патріархъ со всѣмъ своимъ клиромъ являлся въ Большой дворецъ для христосованія ([52]). Императоръ ожидалъ патріарха, стоя среди Хризотриклина: раскланявшись съ императоромъ, патріархъ лобызался съ нимъ и оба они садились на своихъ мѣстахъ. За патріархомъ входили митрополиты и епископы. Послѣ троекратнаго земного поклона они лобызали колѣна, руку и уста императора и становились съ правой стороны залы. Вторую группу составлялъ клиръ Великой Церкви, третью игумены и четвертую референдаріи. Совершивъ все по обычаю, вторая и четвертая группы становились на лѣвой сторонѣ Хризотриклина, а третья на правой. Послѣ лобзанія императоръ и патріархъ поднимались съ своихъ сѣдалищъ, всѣ обращались лицемъ къ востоку и патріархъ читалъ обычную молитву. Литургію патріархъ служилъ въ Фарскомъ храмѣ Богоматери. Послѣ литургіи предлагалась трапеза во дворцѣ (91—96. 770—771). У Гоара записаны молитвы, читавшіяся при описанномъ обрядѣ ([53]).

Слѣдующее за пасхальной седмицей воскресенье называ-

([52]) На Руси патріархъ являлся для христосованія съ царемъ во дворецъ обыкновенно въ среду. Забѣлинъ. Ibid. Стр. 362.

([53]) Goar. Εὐχολόγιον. p. 933—935.

лось недѣлей антипасхи (52. 27), недѣлей новой (594). То и другое названіе сохранились въ нашемъ уставѣ доселѣ. Наименованіе этого воскресенья недѣлею „дверемъ заключеннымъ“ указываетъ на воспоминанія, соединявшіяся съ этимъ днемъ. Эта же недѣля называлась попразднствомъ пасхи (188. 773). Послѣднее названіе даетъ поводъ думать, что въ этотъ день оканчивались празднества въ честь воскресенія Христова, а не продолжались до вознесенія Господня, какъ у насъ. Въ Студійскихъ уставахъ пасхальная служба оканчивалась въ субботу свѣтлой седмицы ([54]). Въ недѣлю антипасхи патріархъ совершалъ литургію въ св. Софіи или въ церкви свв. апостоловъ; послѣ литургіи предлагалась трапеза въ св. Софіи или въ Новомъ дворцѣ (97—98. 594—773).

Въ день преполовенія пятидесятницы патріархъ совершалъ литію изъ св. Софіи къ св. Мокію, гдѣ служилъ литургію. Литія шла по via triumphalis; у церкви ап. Онисима при поворотѣ въ улицу, ведшую къ церкви св. Мокія, ее обычнымъ порядкомъ встрѣчалъ императоръ. Упоминается объ умовеніи императоромъ рукъ и, конечно, лица ([55]) въ водоемѣ атріума предъ входомъ въ храмъ. Послѣ обычной молитвы предъ святыми вратами императоръ, облобызавъ кресты на дверцахъ, вступалъ въ алтарь и перемѣнялъ одежду на св. престолѣ. Послѣ литургіи на катихуменахъ предлагалась трапеза для императора и духовенства (98—105. 774).

Въ „пречудный день божественнаго и святаго на небеса съ плотію вознесенія Господа нашего Іисуса Христа“ патріархъ совершалъ литію въ загородный храмъ Богоматери τῆς πηγῆς, гдѣ служилъ литургію. Около храма процессію

([54]) Мансветовъ. Церк. уст. Стр. 151.
([55]) Е. Е. Голубинскій. Истор. Р. Церк. I, 2. Стр. 212, прим. 2.

по обычаю встрѣчалъ императоръ, которому въ этотъ день Голубые и Зеленые во время ожиданія имъ литіи подносили кресты, обвитые розами, и букеты цвѣтовъ. Послѣдніе, сдѣланные изъ розъ, подносились императору также въ недѣлю всѣхъ святыхъ (536). Причащеніе императора и его свиты патріархомъ на катихуменахъ происходило по тому же обряду, что, напр., въ свѣтлый вторникъ. Послѣ литургіи тамъ же поставлялась обычная трапеза (106—114 188—189. 774—775).

Въ день пятидесятницы патріархъ совершалъ торжественную литургію въ св. Софіи по тому же чину, что въ рождество Христово. Въ этотъ день императоръ приносилъ въ св. Софію свой годовой подарокъ: два дискоса и два потира ([56]). Иногда также и въ другіе праздники приносились подобные этимъ дары. Вотъ какъ описываетъ „Обрядникъ" принесеніе ихъ Михаиломъ III (855—867 гг.). Въ праздникъ свѣтовъ Михаилъ принесъ въ даръ Софійскому собору золотой, украшенный драгоцѣнными камнями, потиръ и крышку къ нему. На маломъ входѣ императоръ внесъ потиръ въ алтарь и поставилъ его на престолѣ. Потомъ, взявъ изъ рукъ патріарха крышку, также положилъ ее на престолъ (63—67. 631. 775).

Въ недѣлю всѣхъ святыхъ патріархъ совершалъ литію изъ св. Софіи въ храмъ святыхъ апостоловъ по чину свѣтлаго понедѣльника, но безъ участія императора, который ожидалъ литію здѣсь. Ставъ предъ святыми вратами, патріархъ раскланивался съ императоромъ, лобызался съ нимъ и оба вмѣстѣ входили въ алтарь, гдѣ императоръ цѣловалъ индитію и евангеліе. Тотчасъ послѣ этого начиналась литія и процессія при пѣніи клириками тропаря обновленія

([56]) Reiskii. Comm. ad. Const. porphyr. p. 162—163.

„слава тебѣ, Христе Боже“ направлялась въ сосѣдній храмъ всѣхъ святыхъ, гдѣ литія заканчивалась чиномъ обновленія. Послѣ входа въ алтарь патріархъ и императоръ входили на евктиріонъ св. мученика Льва. Здѣсь, по совершеніи императоромъ обычной молитвы, патріархъ раскланивался и лобызался съ нимъ и шелъ совершать литургію. Императоръ слушалъ литургію до евангелія. Послѣ литургіи въ Новомъ дворцѣ поставлялась трапеза (535 – 538).

ГЛАВА IV.

Богослуженіе требничнаго круга.

Прежде чѣмъ говорить о томъ или другомъ чинопослѣдованіи, входящемъ въ составъ этой главы, въ частности, необходимо сказать нѣсколько словъ о нихъ вообще. Чинопослѣдованія, обозрѣваемыя въ этой главѣ, составляютъ теперь содержаніе нѣсколькихъ богослужебныхъ книгъ: требника, послѣдованія молебныхъ пѣній и др., а нѣкоторыя изъ нихъ болѣе не существуютъ, да и никогда не существовали въ русской церкви. Сюда относятся: послѣдованіе омовенія во влахернской агіазмѣ и чины возведенія въ гражданскія должности. Послѣдняя группа чинопослѣдованій составляетъ исключительную принадлежность византійской церковно-гражданской жизни. За исключеніемъ послѣдней группы чинопослѣдованій и еще двухъ-трехъ молитвословій, всѣ остальныя входили въ составъ евхологіона. Сюда относятся: послѣдованіе таинства крещенія съ связаннымъ съ нимъ обрядомъ постриженія волосъ у младенца и предшествующими ему молитвою „по внегда родити женѣ отроча“ и нареченіемъ ему имени въ восьмой день; послѣдованія браковѣнчанія и погребенія, молитва надъ виноградомъ и поставленіе въ патріарха ([1]). Кромѣ этихъ по-

([1]) Свѣдѣнія о составѣ евхологіона можно найти въ статьѣ И. Д. Мансветова „Euchologium. Glagolski“ et. cet. Прib. къ изд. Твор. свв. оо. Ч. 32. Стрр. 347—351. 353.

слѣдованій „Обрядникъ“ изъ частныхъ молитвословій упоминаетъ еще благодарственное молебствіе за побѣду надъ врагами и вѣнчаніе на царство ([2]). Изложеніе всѣхъ упомянутыхъ чинопослѣдованій является въ „Обрядникѣ“ очень недостаточнымъ, такъ какъ онъ вездѣ имѣетъ въ виду совершеніе ихъ для лицъ императорской фамиліи. Поэтому онъ гораздо болѣе говоритъ о внѣшней обстановкѣ при совершеніи того или другого послѣдованія, чѣмъ о составѣ его. Правда, и въ этомъ изложеніи чинопослѣдованія есть много интереснаго, но для литургиста было бы важнѣе знать составъ того или другого молитвословія, чѣмъ его внѣшнюю обстановку. Теперь же приходится ограничиваться лишь общимъ очеркомъ того или другого послѣдованія, выдѣляя существенныя черты обряда изъ той случайной пышной обстановки, въ которой являлся онъ, будучи совершаемъ при дворѣ и для членовъ императорскаго дома.

а) Чинопослѣдованіе крещенія.

Къ VI-му вѣку обычай крестить младенцевъ сталъ общераспространеннымъ ([3]), но наряду съ крещеніемъ младенцевъ бывало и крещеніе взрослыхъ въ случаѣ обращенія въ христіанство изъ какого либо иного вѣроисповѣданія. Въ „Обрядникѣ“ мы находимъ указаніе на оба случая. Начнемъ съ перваго.

Крещенію младенцевъ предшествовало нѣсколько другихъ молитвословій, которые сохраняются въ литургической практикѣ доселѣ. Вскорѣ послѣ рожденія дитяти, въ тотъ же или слѣдующій день, священнослужитель являлся въ домъ

([2]) Чинъ водосвятія 6-го января, хотя помѣщается у насъ въ требникахъ, но относится къ общественнымъ, а не частнымъ послѣдованіямъ.

([3]) Алмазовъ. Истор. чинопослѣд. крещ. и мѵропом. Казань. 1884. Стр. 590.

родильницы и читалъ молитву (615—616). Послѣ молитвы приносились родителямъ дитяти поздравленія, въ которыхъ желали новорожденному достигнуть глубокой старости, а родителямъ его увидѣть дѣтей сыновъ новорожденнаго (ibid.). Иногда служилась также литургія (616—617). Начиная съ перваго дня рожденія дитяти, впродолженіе семи дней въ домѣ новорожденнаго родственники и знакомые, а также бѣдные угощались виномъ, растворенным лимонами, корицею и другими пряностями. Это былъ напитокъ въ честь родильницы почему и назывался τὸ λοχόφεμα ([4]) (619).

Осьмой день по рожденіи младенца былъ праздничнымъ днемъ для него и его родителей. Въ этотъ день по обычаю, несомнѣнно заимствованному изъ еврейскаго быта и въ память Спасителя (Лук. 2, 21) ([5]), нарекалось новорожденному имя. Младенецъ приносился въ притворъ храма и здѣсь священникъ читалъ надъ нимъ молитву, во время которой нарекалъ ему имя и надѣвалъ на него одежду. Мать новорожденнаго оставалась до сорокодневнаго срока дома и потому младенца приносила въ церковь какая либо „баба", выражаясь словами нашего требника. Указанныя черты излагаемаго послѣдованія, кромѣ облаченія младенца, о которыхъ исторія его ничего не знаетъ ([6]), говорятъ о большомъ сходствѣ обряда нареченія имени въ X вѣкѣ съ печатаемымъ въ нашихъ требникахъ: такъ рано сложились и такъ неизмѣнно сохраняются литургическія формы. По принесеніи домой новорожденный полагался въ колыбели въ комнатѣ, по возможности украшенной и богато освѣщенной.

([4]) Reiskii. Comment. p. 729.

([5]) Алмазовъ. ibid. Стр. 126.

([6]) Алмазовъ въ названномъ сочиненіи нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ обрядѣ (стрр. 122—134) и ничего не знаетъ объ указаніи „Обрядника", которое является въ данномъ случаѣ единственнымъ и тѣмъ самымъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Здѣсь же поздравляли родильницу и подносили ей подарки (618). Послѣдній обычай получилъ свое начало, кажется, изъ евангельскаго сказанія о дароносившихъ волхвахъ: какъ они принесли дары пречистой Родильницѣ, почему и праздникъ 26-го декабря въ мѣсяцесловахъ назывался иногда „родильные дары"—τὰ ἐπιλόχεια (7), такъ и здѣсь подносились подарки родившей.

Крещеніе младенцевъ совершалось въ храмахъ и именно въ крещальнѣ, если таковая была при храмѣ. Это чинопослѣдованіе соединялось съ литургіей. По принесеніи новорожденнаго въ храмъ, всѣ входили въ крестильницу и священнослужитель начиналъ молитвословіе. О составѣ чина „Обрядникъ" говоритъ очень неопредѣленно. Онъ называетъ молитву—ἡ εὐχή, церковный чинъ—ἡ ἐκκλησιαστικὴ τάξις и въ заключеніе всего самый обрядъ крещенія. Упоминаемая здѣсь молитва несомнѣнно та же самая, что читалась при богоявленскомъ водосвятіи. Такое совпаденіе молитвъ сохраняется доселѣ и объясняется тѣмъ, что самый обрядъ богоявленскаго водосвятія выродился изъ обычая крестить оглашенныхъ въ ночь праздника Богоявленія, для чего, конечно, освящалась вода (8). Что это за молитва, мы уже видѣли выше (9). Отъ купели воспринимали младенца, по крайней мѣрѣ въ царской фамиліи, нѣсколько воспріемниковъ и, кажется, одного пола (10). Судя по множеству распоряженій церковной власти, чтобы воспріемникъ былъ одинъ, а не нѣсколько (11), можно считать обычай имѣть нѣсколько воспріемниковъ общераспространеннымъ въ старину. Тотчасъ по совершеніи крещенія священно-

(7) Арх. Сергій. Мѣсяцесловъ II. Стр. 400.
(8) Мансветовъ. Церк. уст. Стрр. 156—157.
(9) См. во 2-ой главѣ.
(10) Reiskii Comment. p. 730.
(11) Алмазовъ. ibid. Стрр. 618—620.

дѣйствующій, воспріемники съ младенцемъ и всѣ остальные входили изъ крещальни въ храмъ, при чемъ первый проходилъ въ алтарь (619—620). Это былъ малый входъ, которымъ начиналась литургія. Съ малымъ входомъ въ древности всегда совпадалъ входъ новокрещенныхъ изъ крещальни въ храмъ при пѣніи 31-го псалма ([12]). Этотъ торжественный входъ новопросвѣщенныхъ былъ причиною того, что въ дни, назначенные для крещенія, вмѣсто трисвятаго пѣлось „елицы во Христа крестистеся", а въ великую субботу даже апостолъ читался примѣнительно къ таинству крещенія (Римл. 6, 3—11). Теперь этотъ входъ замѣняется хожденіемъ вокругъ купели.

Черезъ нѣсколько времени послѣ крещенія ([13]) совершалось первое постриженіе волосъ младенца. Этотъ обрядъ совершался въ храмѣ. Видное участіе принимали въ немъ воспріемники волосъ постриженнаго, участіе которыхъ предполагается и нынѣшнею молитвою при постриженіи. Этихъ воспріемниковъ бывало нѣсколько; были ли они тѣ же, что при крещеніи, или иные, неизвѣстно, но для постригаемаго они имѣли такое же значеніе, какъ и первые ([14]). Они имѣли въ рукахъ богатые платки — τὸ ἐγχείριον, въ которые клались волосы младенца. Судя по тому, что воспріемники становились одинъ подлѣ другого, начиная отъ алтарной преграды далѣе къ притвору, и первый передавалъ частичку волосъ слѣдующему, самый обрядъ постриженія совершался на солеѣ близъ святыхъ вратъ. О молитвахъ, входившихъ въ составъ послѣдованія и составлявшихъ въ

([12]) Красносельцевъ. Свѣд. о литург. рукоп. ватик. бнбл. Казань. 1885. Стрр. 99—101.

([13]) Гоаръ указываетъ на 8-й день (Εὐχολόγ. p. 377). Нашъ требникъ относитъ этотъ обрядъ къ тому же дню.

([14]) Алмазовъ. ibid. Стрр. 439-440.

прежнихъ евхологіонахъ цѣлую группу „постригальныхъ“ молитвъ ([15]), ничего не говорится (620—622) ([16]).

Крещеніе оглашенныхъ пріурочивалось къ нѣсколькимъ торжественнѣйшимъ праздникамъ ([17]), изъ которыхъ „Обрядникъ“ упоминаетъ только два. За литургіей въ праздникъ рождества Христова императоръ давалъ лобзаніе мира между прочимъ тремъ новокрещеннымъ (134). Отсюда видно, что совершеніе крещенія пріурочивалось къ празднику рождества Христова ([18]). Но преимущественно крестили оглашенныхъ въ великую субботу за литургіей ([19]). Какъ велико бывало число крестившихся въ этотъ день, можно судить по единичнымъ случаямъ. Такъ, напримѣръ, въ памятную въ жизни св. Іоанна Златоустаго великую субботу 404 года число оглашенныхъ доходило до 3000 ([20]). До насъ дошло много записей великосубботняго крещенія оглашенныхъ ([21]),

([15]) Мансветовъ. „Euchologium Glagolski“ et cet. ibid. Стрр. 354—355.

([16]) Въ нашей литургической практикѣ былъ въ старину подобный же обрядъ, поражающій своимъ сходствомъ съ только что описаннымъ обрядомъ постриженія волосъ у императорскихъ дѣтей въ Византіи. Это—обрядъ „пострѣга“ волосъ у княжескихъ дѣтей. Изъ устава Новгородскаго Софійскаго собора, напримѣръ, мы можемъ узнать, что въ Новгородѣ этотъ обрядъ совершался въ Софійскомъ соборѣ и съ приличной торжественностью. Арх. Макарій. ibid. Ч. I. Стрр. 84—87.

([17]) Алмазовъ. ibid. Стр. 523 sqq.

([18]) Д. Ѳ. Бѣляевъ во второмъ выпускѣ своихъ „Byzantina“ въ описаніи торжественной литургіи въ св. Софіи говоритъ о лобзаніи императоромъ трехъ новокрещенныхъ, какъ объ обрядѣ, бывавшемъ за каждой подобной литургіей (Byzantina. Кн. II. СПБ. 1893. Стр. 171). Но такъ какъ въ общемъ описаніи обрядовъ великопраздничной литургіи, находящемся въ 1-й главѣ 1-й книги „Обрядника“, объ этомъ лобзаніи ни слова не говорится, а упоминается о немъ только въ описаніи рождественской литургіи (см. ibid. стр. 172, примѣч. 2), то мы позволяемъ себѣ думать, что въ данномъ случаѣ почтенный авторъ „Byzantina“ неправъ, и толкуемъ разбираемый обрядъ вышеуказаннымъ образомъ.

([19]) Алмазовъ. ibid. Стрр. 527—528.

([20]) Тьерри. Св. Іоаннъ Злат. и имп—ца Евдоскія. М. 1884. Стрр. 222—224.

([21]) Мансветовъ. Церк. уст. Стрр. 237. 244—246. Тр. К. дух. Ак. 1874. М.—іюнь. Стр. 497.

а обычай совершать литургію въ этотъ день въ бѣломъ облаченіи сохраняетъ память объ этомъ чинопослѣдованіи доселѣ ([22]). Крещенію оглашенныхъ въ великую субботу предшествовалъ обрядъ оглашенія ихъ въ великую пятницу. Оглашеніе совершалось около 9 или 10 часовъ по нашему счету въ церкви св. Ирины и самимъ патріархомъ (179). О составѣ этого послѣдованія ничего не говорится въ „Обрядникѣ". Въ евхологіонѣ Гоара находится нѣсколько записей чинопослѣдованія оглашенія и одна изъ нихъ представляетъ изучаемый нами обрядъ оглашенія въ великую пятницу ([23]). Эта запись взята изъ Барберинова евхологіона, относящагося къ VIII—IX вв. ([24]), и потому можетъ дать ясное представленіе о нашемъ чинопослѣдованіи и въ X вѣкѣ. Общій видъ послѣдованія тотъ же, что и въ употребляющейся теперь молитвѣ „во еже сотворити оглашеннаго", по вмѣсто первой молитвы „О имени Твоемъ, Господи Боже истины" и четырехъ запрещеній положена увѣщательная рѣчь патріарха къ ищущимъ крещенія. Чинъ оглашенія въ великую пятницу подъ названіемъ „оглашеніе великой пятницы", существовалъ и въ русской церкви. Въ нашихъ литургическихъ рукописяхъ сохранились записи его ([25]),

([22]) Мансветовъ. ibid. Стр. 215.

([23]) Εὐχολόγ. p. 340—344.

([24]) Мансветовъ. Euchol Glagol. et cet. Стр. 350.

([25]) Число такихъ рукописей немало, что указываетъ на распространенность упомянутаго чина оглашенія въ старой Руси. Но едва ли этотъ чинъ имѣлъ у насъ такое же значеніе, какое имѣлъ онъ въ Византіи. По крайней мѣрѣ, у насъ не было такого торжественнаго крещенія вѣрующихъ, какъ у Грековъ въ великую суббботу, гдѣ это крещеніе давало своеобразную окраску всей великосубботней литургіи. Бывали и у насъ нерѣдко случаи крещенія оглашенныхъ, но у насъ это дѣло стояло въ далеко иномъ положеніи, чѣмъ въ X вѣкѣ въ Византіи и на такіе случаи былъ у насъ, какъ и доселѣ остается, совсѣмъ иной чинъ оглашенія. Между тѣмъ сохранялся на Руси чинъ оглашенія въ великую пятницу: такъ сильно было вліяніе Византіи на наши старые литургическіе порядки.

изъ которыхъ видно, что онъ представлялъ точную копію греческаго ([26]).

Послѣ крещенія новопросвѣщенныхъ мѵропомазывали. Слѣды мѵра омывали чрезъ нѣсколько дней, обыкновенно въ восьмой день, когда новокрещенные снимали съ себя бѣлыя одежды, которыя они носили впродолженіе семи дней ([27]). Изъ описанія этого обряда въ среду свѣтлой седмицы (89—90), видно, что въ Византіи этотъ обрядъ совершался и ранѣе 8-го дня, напримѣръ въ пятый день, какъ въ данномъ случаѣ. О подробностяхъ обряда было уже говорено въ описаніи богослуженія свѣтлой седмицы.

b) Чинъ браковѣнчанія.

Для изученія чина браковѣнчанія „Обрядникъ" даетъ очень немного. Вѣнчаніе совершалось непремѣнно въ церкви и слѣдовало непосредственно за литургіею (196—201. 212). Таковъ былъ всеобщій обычай и въ древности браковѣнчаніе всегда стояло въ тѣсной связи съ литургіей, чѣмъ объясняется самая послѣдовательность молитвословій, входящихъ въ составъ этого чина, и нѣкоторые обряды его ([28]). Одинъ изъ главнѣйшихъ обрядовъ вѣнчанія составляло возложеніе на головы новобрачныхъ вѣнковъ. „Обрядникъ" ясно различаетъ брачные вѣнки—τὰ στεφάνια отъ металлическихъ вѣнцовъ —τὰ στέμματα (200 и др.) и несомнѣнно, что первые были, какъ и доселѣ остаются въ Греціи, изъ зелени и цвѣтовъ. Такіе вѣнки употреблялись при бракосочетаніяхъ и въ языческой, и въ христіанской древности ([29]). Возложеніе вѣн-

([26]) Красносельцевъ. „О нѣкот. служб. и обряд." и пр. Православ. Собесѣд. 1889. Ч I. Стрр. 102—103. 112—116.

([27]) Алмазовъ. ibid. Стрр. 466—467.

([28]) Катанскій. Кн исторіи литур. стор. таинства брака. Христ. чтеніе. 1880. Часть I. Сгрр. 102. 118.

([29]) Покровскій. Брачные вѣнцы и царскія короны. Хр. чт. 1882. Кн. 4. Стрр. 138—139.

ковъ дало названіе всему послѣдованію — τὸ στεφάνωμα, вѣнчаніе (196. 207. 212). Вѣнки оставались на головахъ новобрачныхъ и по выходѣ ихъ изъ храма (197. 200. и др.). Быть можетъ, они носили ихъ впродолженіе семи дней и и слагали только на восьмой. Таковъ былъ обычай древней церкви ([30]), памятникомъ котораго остается печатаемая доселѣ въ нашихъ требникахъ „молитва на разрѣшеніе вѣнцевъ, во осмый день". Упоминая о „церковномъ послѣдованіи" браковѣнчанія вообще, „Обрядникъ" не указываетъ составныхъ частей этого послѣдованія. Лишь изъ привѣтствій, которыя возглашались новобрачной императорской четѣ, можно подмѣтить нѣсколько содержаніе вѣнчальныхъ молитвъ. Въ нихъ испрашивалось благоденствіе новобрачнымъ, многолѣтіе и призывалось на нихъ благословеніе свыше. Нерѣдко также мысль обращалась къ воспоминанію о явленіи Господа на бракъ въ Кану галилейскую и являлось прошеніе благословить этотъ бракъ такъ же, какъ благословилъ Онъ тотъ (197—201). Таково же содержаніе и нынѣшнихъ молитвъ.

c) Послѣдованіе погребенія.

Если немного даетъ „Обрядникъ" для исторіи чина браковѣнчанія, то еще менѣе для послѣдованія погребенія. О составѣ церковнаго послѣдованія ничего нельзя заключить изъ предложенныхъ здѣсь описаній царскаго и патріаршаго погребеній. Изъ названія послѣдованія псалмопѣніемъ — ἡ ψαλμῳδία (276) можно думать, что въ составъ его входила псалтирь. Отпѣванію предшествовала литургія (631), а выносу тѣла изъ дому въ церковь предшествовало извѣстное молитвословіе (276). Тѣло выносилось изъ дома въ храмъ

([30]) Ibid. Стр. 157.

на погребальномъ одрѣ (ibid). Въ случаѣ кончины патріарха его тѣло выставлялось въ Софійскомъ соборѣ и уже оттуда переносилось въ церковь святыхъ апостоловъ, гдѣ послѣ литургіи и отпѣванія погребалось (630—631). Есть любопытныя черты въ погребеніи императора и императрицы. Трупъ полагался на богато убранномъ золотомъ одрѣ въ коронѣ и царской одеждѣ. Когда все было готово къ выносу, въ Большой дворецъ являлся клиръ св. Софіи и совершалъ молитвословіе, въ концѣ котораго церемоніймейстеръ возглашалъ; „изыди, царю, зоветъ тя Царь царствующихъ и Господь господствующихъ". Послѣ троекратнаго повторенія этого восклицанія погребальный одръ поднимали и направлялись къ выходу изъ дворца, гдѣ это восклицаніе снова произносилось въ томъ же порядкѣ. По окончаніи отпѣванія въ апостольскомъ храмѣ, церемоніймейстеръ произносилъ трижды: „вниди, царю, зоветъ тя" и проч. и затѣмъ прибавлялъ: „отложи вѣнецъ отъ главы твоея". Препозитъ снималъ при этихъ словахъ вѣнецъ съ главы покойника и возлагалъ на нее порфировую повязку, послѣ чего тѣло погребали (275—276).

Какъ мы видѣли изъ первой главы, въ Византіи существовалъ обычай погребать въ храмахъ. Въ храмѣ апостольскомъ, гдѣ погребались члены царскаго дома и патріархи, были особыя усыпальницы; въ другихъ церквахъ погребали обыкновенно въ придѣлахъ и притворахъ. Трупы полагались въ мраморныхъ саркофагахъ, причемъ клали обыкновенно одного покойника, но бывало и нѣсколько. Саркофаги большіе, предназначенные для многихъ труповъ, назывались η σταταραία ([31]). На гробницахъ умершихъ возжигались свѣчи

([31]) Reiskii. ibid. p. 769. Иногда устраивались небольшіе саркофаги, въ которыхъ покоилась какая либо отдѣльная часть скелета. Въ Гастрійскомъ

(77) и воскурялся ѳиміамъ (533), составлявшій у всѣхъ народовъ необходимую принадлежность погребенія. Въ дни памяти умершихъ, въ храмахъ, гдѣ они были погребены, служилась по нихъ литургія (780).

d) Молитва надъ виноградомъ.

Время сбора винограда было у древнихъ народовъ праздничнымъ временемъ года. У евреевъ оно сопровождалось, напримѣръ, торжественнымъ пѣніемъ; восторженный характеръ 8-го, 80-го, 83-го псалмовъ, пѣвшихся при собираніи винограда, ясно свидѣтельствуетъ о ликующемъ состояніи духа занимавшихся этимъ дѣломъ ([32]). А множество прекрасныхъ образовъ, заимствованныхъ писателями ветхаго, а также и новаго завѣта отъ виноградной лозы показываютъ, какъ любилъ еврей это время года. Еще торжественнѣе производилось собираніе винограда въ греко-римскомъ мірѣ, откуда любовь къ этой порѣ года перешла и къ первенствующимъ христіанамъ. Виноградная лоза и собирающіе съ нея ягоды крылатые геніи составляютъ одинъ изъ декоративныхъ сюжетовъ, наиболѣе часто повторяющихся въ римскихъ катакомбахъ ([33]). Съ теченіемъ времени появились молитвы, которыми благословлялись начатки гроздія, и сложился обрядъ освященія ихъ, сохраняющійся въ литургической практикѣ доселѣ. „Обрядникъ“ описываетъ намъ этотъ обрядъ, совершавшійся въ императорскихъ виноградникахъ на азіатскомъ берегу Босфора, богатомъ виноград-

монастырѣ, напримѣръ, мы видимъ «λαρνακίδιον μικρὸν σπιθαμιαῖον, εἰς ὃ ἀποκεῖται τὸ τοῦ Καίσαρος Βάρδα κατομάγουλον (648)“.

([32]) О происхожденіи псалтири. Священн. Н. Вишнякова. СПБ. 1875. Стр. 151, прим. 1.

([33]) „Очерки древняго христ. искусства по памятникамъ подземн. Рима“. Православ. Собесѣд. 1879. Ч. II. Стрр. 193—194.

ными лозами ([34]). Въ одномъ изъ виноградниковъ, вѣроятно, ближайшемъ къ дворцу Гіеріи, ставился мраморный столъ, а на немъ корзины съ виноградными кистями. Сюда приходилъ императоръ съ своею свитою и патріархъ, облеченный въ фелонь и омофоръ. Блюститель виноградныхъ садовъ подносилъ патріарху сосудъ, наполненный виноградными кистями. Патріархъ читалъ надъ нимъ молитву по церковному чиноположенію и по окончаніи ея подавалъ кисть винограда императору. Послѣ этого императоръ, подавъ виноградную кисть патріарху, начиналъ раздачу гроздія присутствовавшимъ при торжествѣ чиновнымъ лицамъ и свитѣ. Во время раздачи винограда производилось пѣніе приличныхъ случаю гимновъ, носившихъ церковное названіе „отпустительныхъ“ и пѣвшихся по церковнымъ гласамъ: первому, восьмому и третьему, но не отличавшихся церковнымъ характеромъ по содержанію. Торжество оканчивалось обѣдомъ во дворцѣ Гіеріи (373—375).

Благословеніе винограда въ это время не было еще пріурочено къ какому-либо опредѣленному дню, какъ позднѣе къ шестому августа, а совершалось тотчасъ, какъ только онъ созрѣвалъ и наступала пора собирать его (373).

е) Поставленіе патріарха.

По кончинѣ патріарха императоръ издавалъ повелѣніе митрополитамъ объ избраніи ему преемника. Митрополиты собирались на катихуменахъ въ св. Софіи и намѣчали трехъ кандидатовъ на патріаршую каѳедру, имена которыхъ сообщались императору. Изъ церкви, по приглашенію царя, избиратели отправлялись въ Большой дворецъ и подавали

([34]) „Очерки К—ля“. Вѣстн. имп. русс. географ. общ. 1857. Ч. 19, стр. 22.

государю записочки съ именами избранныхъ. Государь одного изъ трехъ кандидатовъ, по своему усмотрѣнію, объявлялъ нареченнымъ патріархомъ. Такъ было въ томъ случаѣ, если въ числѣ избранныхъ патріарху преемниковъ былъ желаемый императоромъ кандидатъ на каѳедру Византіи. Въ противномъ случаѣ онъ устранялъ избранныхъ митрополитами кандидатовъ и назначалъ патріархомъ, кого ему было угодно, при чемъ митрополиты объявляли его достойнымъ столичной каѳедры (564).

За избраніемъ слѣдовало нареченіе. Нареченіе происходило въ Магнаврѣ. Сюда собирался синклитъ, митрополиты и духовенство, здѣсь же былъ и избранный умершему патріарху преемникъ. Императоръ, вышедши предъ собраніе, возглашалъ: „божественная благодать и наше, еже отъ нея, царское величество избираетъ сего богобоязнѣйшаго въ патріарха Константина града. Всѣ присутствующіе одобряли выборъ императора и оглашали залу множествомъ благопожеланій ему. Императоръ подводилъ новонареченнаго къ препозиту, который вмѣстѣ съ силенціаріемъ, поддерживая его подъ руки, въ сопровожденіи клира отводилъ въ патріаршіе покои, соединявшіеся переходами съ Магнаврою (564—565).

Хиротонія совершалось въ ближайшій воскресный или праздничный день въ св. Софіи. Служба начиналась торжественной встрѣчей императора въ притворѣ нареченнымъ патріархомъ по чину великихъ праздниковъ. Послѣ встрѣчи обычнымъ порядкомъ слѣдовалъ малый входъ, за которымъ начиналась хиротонія.

Она совершалась митрополитами въ алтарѣ предъ престоломъ; императоръ въ это время стоялъ у одной изъ западныхъ колоннъ киворія. По окончаніи хиротоніи императоръ совершалъ въ алтарѣ тѣ обряды, которые слѣдовали за

вступленіемъ въ алтарь по чину великихъ праздниковъ. По совершеніи ихъ онъ раскланивался съ патріархомъ и выходилъ изъ алтаря. Далѣе литургія совершалась въ томъ порядкѣ, въ какомъ должна была совершаться въ этотъ день независимо отъ патріаршей хиротоніи (565—6.636).

f) Благодарственное молебствіе за побѣду надъ врагами.

Послѣдованіе благодарственнаго молебствія по случаю побѣды начиналось торжественнымъ крестнымъ ходомъ на форумъ. Предъ началомъ литіи являлся въ Софійскій соборъ императоръ и послѣ встрѣчи патріархомъ въ святомъ кладязѣ проходилъ съ нимъ въ алтарь, гдѣ кадилъ кругомъ св. престолъ при чтеніи діакономъ обычной молитвы. Въ это время пѣвцы на амвонѣ исполняли приличныя случаю пѣснопѣнія въ честь Богородицы, а именно: „предстательство страшное“, „о тебѣ радуется“, „стѣна необоримая“, „взбранной воеводѣ побѣдительная“ ([35]) и т. п. Если къ этому дню кто либо изъ византійскихъ гимнографовъ изготовлялъ новыя пѣснопѣнія, то присоединялись и эти послѣднія. Изъ св. Софіи патріархъ отправлялся съ литіею на форумъ къ Порфировой колоннѣ, гдѣ его ожидалъ уже императоръ на ступеняхъ послѣдней. Патріархъ входилъ въ храмъ св. Константина и останавливался на срединѣ его. Одинъ изъ пѣвцовъ возглашалъ на распѣвъ „поимъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море“. Остальные пѣвцы и весь народъ отвѣчали ему пѣ-

([35]) Всѣ эти богородичны употребляются доселѣ. Послѣдній изъ нихъ есть первый кондакъ извѣстнаго акаѳиста Георгія Писидійскаго въ честь Богоматери (Приб. къ изд. Твор. свв. оо. Ч. 26. Стрр. 493—494). Пѣснь „о тебѣ радуется“ принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину (Филаретъ. Обзоръ пѣснописц. и пр стр. 195) и есть общеизвѣстный задостойникъ на литургіи св. Василія Великаго.

ніемъ, вѣроятно, начальныхъ словъ гимна. Такимъ образомъ исполнялась вся пѣснь Моисеева (Исх. 15, 1 — 19). По окончаніи пѣнія подводили къ императору знатнѣйшихъ плѣнниковъ и голову перваго изъ нихъ приклоняли къ ногамъ его. Императоръ попиралъ голову его правою ногою, а одинъ изъ военачальниковъ держалъ надъ шеей его копье. Въ то же время падали ницъ всѣ плѣнники, стоявшіе на форумѣ, а надъ ихъ шеями подобнымъ же образомъ держали копья. Пѣвецъ возглашалъ прокименъ: „кто Богъ велій, яко Богъ нашъ; ты еси Богъ творяй чудеса“, за которымъ слѣдовала великая ектенія. Когда было произнесено прошеніе „о еже покорити подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата“, то народъ 40 разъ повторялъ „Господи помилуй“. Послѣ главопреклоненія и возгласа патріарха „яко милостивъ и человѣколюбецъ Богъ еси“ лежавшіе на землѣ плѣнники поднимались и уходили на свои мѣста. Послѣ этого раздавались побѣдоносному императору пожеланія многихъ лѣтъ, по окончаніи которыхъ патріархъ садился на осла и отправлялся въ патріархію, а императоръ, снявъ съ себя въ бывшемъ на форумѣ храмѣ Богородицы царское облаченіе, уѣзжалъ на конѣ въ Большой дворецъ (607 — 612. Сравн, 332—333. 614—615).

g) Вѣнчаніе на царство.

Для исторіи чина вѣнчанія на царство „Обрядникъ“ даетъ богатый матеріалъ, описывая совершеніе этого обряда надъ нѣсколькими императорами, начиная съ средины пятаго вѣка и кончая его состояніемъ во времена Константина Порфиророднаго, т. е. срединою X вѣка ([36]). При избраніи Льва

([36]) Тѣмъ удивительнѣе, что въ трудахъ, посвященныхъ изученію чина вѣнчанія на царство, каковъ трудъ Е. В. Барсова „Древне-русскіе памятники

великаго (457 г.) на полѣ трибунала, хотя присутствовалъ патріархъ Анатолій, но въ коронованіи его не принималъ никакого участія. Послѣ облаченія въ царскія одежды, Левъ, прежде чѣмъ поѣхать въ городъ, заходилъ въ походную церковь для молитвы. На пути къ св. Софіи онъ выходилъ въ храмъ св. Іоанна Крестителя и, вступивъ въ алтарь, положилъ свой царскій вѣнецъ на престолъ; взявъ его съ престола, какъ бы отъ руки самого Бога, онъ положилъ на него дары и вышелъ изъ храма. Въ св. Софію онъ вступалъ черезъ царскія врата и, пройдя въ алтарь, повторилъ обрядъ положенія царскаго вѣнца на престолъ. За литургіей онъ причастился св. Таинъ (410—415).

При воцареніи Анатолія мы видимъ, что послѣ провозглашенія его царемъ патріархъ совершилъ молитву надъ императорскимъ облаченіемъ и при восклицаніяхъ „Господи помилуй“ возложилъ его на Анатолія ([37]). Обрядъ возложенія вѣнца на престолъ въ св. Софіи былъ исполненъ въ 491 году такъ же, какъ въ 457 г. (423. 425).

Въ описаніяхъ воцаренія императоровъ Юстина I, Льва младшаго и Юстиніана I коронованіе происходило по тому же чину, что въ 519 году; отмѣчена лишь одна новая подробность: по окончаніи молитвы всѣ восклицали „аминь“ ([432]).

На 527 году оканчивается описаніе воцаренія византійскихъ императоровъ и „Обрядникъ“ переноситъ насъ прямо въ средину X столѣтія уже къ болѣе сложному чину вѣнчанія на царство. Императоръ торжественно являлся въ Софійскій соборъ, гдѣ его встрѣчалъ въ притворѣ патріархъ. Послѣ обычной молитвы въ царскихъ вратахъ императоръ

священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами“ М. 1883, совершенно игнорируются указанія „Обрядника“, между тѣмъ какъ они были бы полезны автору для его примѣчаній и поясненій.

([37]) Любопытно, что этотъ же возгласъ употребляется при облаченіи въ монашескія одежды.

съ патріархомъ проходилъ къ св. дверямъ. Помолившись предъ ними, онъ поднимался вмѣстѣ съ патріархомъ на амвонъ. Здѣсь былъ приготовленъ столикъ, на которомъ лежали порфира и корона.

Патріархъ читалъ молитву надъ порфирою, по окончаніи которой кувикуляріи возлагали ее на императора. Затѣмъ слѣдовала вторая, надъ короною, по прочтеніи которой патріархъ самъ возлагалъ ее на голову государя. При этомъ всѣ, бывшіе въ церкви, восклицали: „святъ, святъ, святъ. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“, а скиптры и другія императорскія регаліи приклоняли къ землѣ. Обрядъ оканчивался многолѣтіемъ, послѣ котораго императоръ уходилъ въ митаторій, садился тамъ и принималъ поздравленія. Литургія совершалась по чину того праздника, въ который совершалась коронація (192—194). Такимъ образомъ было совершено вѣнчаніе на царство Никифора Фоки въ 963 году (440).

Византійскіе императоры, вѣнчаясь на царство сами, пріобщали къ этому священнодѣйствію своихъ супругъ и сыновей. Коронація императрицъ происходила въ одной изъ залъ Большого дворца, носившей наименованіе „августея“ и находившейся въ отдѣленіи Дафны ([38]). Здѣсь ставился столикъ, а на немъ полагались царскія одежды. Сюда являлся патріархъ съ епископами и всѣмъ своимъ клиромъ.

Когда вступала въ залу императрица, патріархъ приближался къ столику и читалъ молитву надъ порфирой, послѣ чего подавалъ послѣднюю царю, который возлагалъ ее на царицу. Царица во время молитвы по обычаю имѣла въ рукахъ горящія свѣчи. Подобнымъ же образомъ императоръ возлагалъ на супругу корону и подвѣски къ ней послѣ

([38]) Бѣляевъ. Byzantina. Книг. I, стр. 100.

прочтенія надъ ними патріархомъ молитвы. По окончаніи обряда коронаціи всѣ переходили изъ августея въ смежный съ нимъ храмъ св. первомученика Стефана ([39]), гдѣ императоръ и императрица садились и принимали поздравленія (202—203. 207—209).

Коронація наслѣдника престола происходила въ св. Софіи, а иногда въ дворцовой церкви св. Стефана. Начало обряда было сходно съ царскимъ вѣнчаніемъ и, какъ послѣднее, совершалось на амвонѣ. Послѣ прочтенія патріархомъ молитвы надъ порфирой императоръ, взявъ послѣднюю изъ рукъ патріарха, возлагалъ ее на сына. Затѣмъ патріархъ читалъ молитву надъ вѣнцами, и, взявъ одинъ изъ нихъ, возлагалъ его на императора; потомъ онъ подавалъ ему второй вѣнецъ, который тотъ возлагалъ на голову сына. При этомъ народъ восклицалъ „достоинъ" — ἄξιος, возгласъ, доселѣ остающійся въ употребленіи при возведеніи въ ту или иную іерархическую степень въ православной церкви. Конецъ обряда сходенъ съ коронаціей императора (394. 627—628).

h) Чины возведенія въ гражданскія должности.

Въ Византіи возведеніе въ ту или другую должность при дворѣ или на какомъ либо иномъ посту гражданской и отчасти военной службы сопровождалось извѣстными церемоніями. Очень значительное число этихъ церемоній имѣютъ большое значеніе для литургиста. Всѣ, относящіяся сюда, церемоніи распадаются на нѣсколько группъ. Возведеніе въ санъ кесаря ([40]) и новилиссима ([41]) сопровождалось довольно

([39]) Ibid. стр. 101.

([40]) Чинъ кесаря былъ первымъ чиномъ; онъ давался преимущественно царскимъ родственникамъ (Скабалановичъ. Визант. церк. и госуд. въ XI в. стрр. 149—153).

([41]) Третій чинъ (ibid. стр. 151).

сложнымъ церковнымъ послѣдованіемъ, которое не можетъ быть оставлено въ сторонѣ историкомъ богослужебныхъ чиновъ. Производство въ чины куропалата, магистра, патриція, анѳипата, зосты патриціи, препозита, протоспафаря ([42]) и предсѣдателя сената состояло изъ двухъ частей. Въ Большомъ дворцѣ императоръ давалъ назначенному чиновнику приличныя одежды, при чемъ соблюдались опредѣленные обряды; изъ дворца чиновникъ отправлялся въ св. Софію, гдѣ патріархъ читалъ ему молитву. Послѣдней части нѣкоторые чины этой группы не имѣли, да и главный интересъ не въ ней, а въ первой части. Здѣсь есть нѣкоторыя черты, представляющія большое сходство съ обрядами нашихъ посвященій въ церковныя степени и дающія право для нѣкоторыхъ заключеній. Къ этой группѣ примыкаетъ возведеніе въ эпарха ([43]), состоящее изъ одной послѣдней части. Въ третьей группѣ, куда относятся производства въ кувикуляріи ([44]) и военные чины, замѣчается еще болѣе сходства съ церковными посвященіями. Къ этой группѣ принадлежатъ также производства въ духовные чины ректора и синкелла. ([45]).

Возведеніе въ чины кесаря и новилиссима происходило въ тривуналѣ, составлявшемъ одно изъ помѣщеній Большого дворца ([46]). Когда все было готово, сюда входили императоръ и патріархъ. Послѣдній останавливался предъ столикомъ съ одеждами возводимаго въ чинъ, а императоръ въ сторонѣ отъ него. Препозитъ и магистръ, по данному

([42]) Куропалатъ—четвертый чинъ, магистръ—седьмой, патрицій—одиннадцатый, анѳипатъ—десятый и протоспафарь—двѣнадцатый (ibid. Стрр. 151—156). Зоста патриція—дама въ одиннадцатомъ чинѣ.

([43]) Эпархъ—должность, соотвѣтствовавшая древнему префекту и нашему оберъ-полиціймейстеру столицы (ibid. стрр. 181—182).

([44]) Кувикуляріи—постельничіи.

([45]) Ректоръ и синкеллъ—чины, дававшіеся духовнымъ особамъ и открывавшіе имъ доступъ въ ряды сенаторовъ (ibid. стрр. 157—159).

([46]) Бѣляевъ. Ibid. Стрр. 113—116.

императоромъ знаку, выходили и вводили возводимаго, который становился сзади патріарха. Діаконъ начиналъ великую ектенію „миромъ Господу помолимся“, на что императоръ, обратившись къ востоку, отвѣчалъ „Господи помилуй“. Императоръ и возводимый молились со свѣчами въ рукахъ. По окончаніи ектеніи, когда народъ отвѣтитъ „тебѣ Господи“, патріархъ читаетъ молитву „владыко Господи“, на которую народъ отвѣчаетъ „аминь“. Тогда патріархъ бралъ со столика одежду, соотвѣтствовавшую царской порфирѣ, и подавалъ ее веститорамъ, которые помогали императору надѣть ее на возводимаго въ чинъ. Когда облаченіе было окончено, раздавались пожеланія счастливыхъ и многихъ лѣтъ царю и возводимому. Затѣмъ патріархъ трижды знаменовалъ народъ крестомъ и возглашалъ „миръ всѣмъ“. За отвѣтомъ народа „и духови твоему“ слѣдовалъ возгласъ діакона „главы ваша Господеви приклоните“, на что народъ отвѣчалъ „тебѣ Господи“. По окончаніи молитвы и по „аминь“ патріархъ подавалъ государю головной уборъ возводимаго въ чинъ. Императоръ цѣловалъ его самъ и давалъ поцѣловать возводимому, затѣмъ трижды знаменовалъ крестомъ голову послѣдняго со словами „во имя Отца, и Сына, и святаго Духа“ и возлагалъ на нее уборъ ея. Здѣсь снова раздавались народныя восклицанія. Этимъ кончался обрядъ и всѣ переходили въ сосѣднюю съ тривуналомъ залу XIX ложъ, гдѣ происходило лобзаніе и приносилось поздравленіе. За литургіей императоръ и возведенный въ чинъ кесаря или новилиссима причащались святыхъ Таинъ (217—229. 627—628).

При производствѣ въ чины второй группы императоръ садился въ той или другой части Большого дворца на тронѣ. По знаку, данному имъ, препозитъ или церемоніймейстеръ, одинъ или съ кѣмъ либо, вводилъ возводимаго въ залу.

Вступивъ въ залу, этотъ послѣдній клалъ земной поклонъ трижды, постепенно приближаясь къ трону. Поднявшись на ступеньки его, онъ опять поклонялся и цѣловалъ ноги и колѣна императора. Получивъ изъ рукъ государя одежду, возводимый цѣловалъ ему руки и выходилъ изъ залы, чтобы одѣть ее. Возвратившись, онъ снова поклонялся императору, который возлагалъ на него остальные знаки его достоинства. Заканчивался обрядъ возглашеніемъ императору многолѣтія.—Церковная сторона обряда заключалась въ слѣдующемъ. Возведенный въ чинъ являлся въ св. Софію. Здѣсь на солеѣ ставился столикъ, на которомъ онъ полагалъ только что полученные знаки своего достоинства. Патріархъ читалъ надъ ними молитву и отдавалъ ихъ положившему, который взамѣнъ того клалъ на столикъ денежное приношеніе. Иногда церковное послѣдованіе состояло только изъ молитвы, которую пришедшій слушалъ, преклонивъ голову. Но всегда за молитвою слѣдовало причащеніе тѣла и крови Господнихъ (229—263. 275. 440—443. 268).

При производствѣ въ кувикуляріи одежды развѣшивались на святыхъ вратахъ въ дворцовой церкви св. великомученика Ѳеодора. Сюда приводился возводимый и препозитъ обращался къ нему съ такою рѣчью. „Виждь, откуду пріемлеши достоинство. Всячески явно, яко отъ святыхъ вратъ. И о томъ помысли, яко отъ руки Господни сіе пріемлеши, внимай себѣ, да до скончанія живота твоего вся сія соблюдеши, дарованія въ сердцѣ твоемъ положивый, и, лучшими добродѣтельми украшаяйся, большая степени чести отъ щедродательнаго и божественнаго самодержца нашего улучиши и славенъ въ священномъ кувукліи будеши“. Возводимый въ чинъ трижды поклонялся предъ алтаремъ, послѣ чего его облачали въ снятыя съ святыхъ вратъ одежды и лобызали. Изъ церкви всѣ входили въ Хризотриклинъ, гдѣ

возсѣдалъ на тронѣ императоръ. Приближаясь къ трону, возводимый совершалъ три поклона и потомъ цѣловалъ ноги царя. Обрядъ кончался лобзаніемъ новаго кувикулярія (622—627).—При возведеніи въ военные и нѣкоторые другіе чины возводимый покланялся по обычаю императору, а тотъ обращался къ нему съ рѣчью, въ которой убѣждалъ достойно проходить свое служеніе. Затѣмъ говорилъ ему: „во имя Отца, и Сына, и святаго Духа еже о Господѣ царское величество наше творитъ тя“... Возводимый покланялся и цѣловалъ ноги императора.—Тѣ же обряды находимъ въ чинахъ производства въ ректора и синкелла съ незначительными прибавленіями. Ректоръ послѣ возгласа „во имя“ и проч. получалъ изъ рукъ императора одежды и послѣ каждой покланялся ему и цѣловалъ его ноги и оба колѣна. По окончаніи всего бывало лобзаніе. Новаго синкелла патріархъ знаменовалъ крестомъ по окончаніи обряда возведенія его въ этотъ чинъ. —Почти всѣхъ чиновниковъ этой группы по возведеніи въ чинъ представляли остальнымъ съ такими словами: „царь нашъ святый, Богомъ водимый, сотвори сего быти....“, послѣ чего они становились въ ряды своихъ сослуживцевъ (525—532).

Описанные обряды, какъ мы сказали, имѣютъ много общаго съ нашими хиротоніями и хиротесіями, а также чиномъ постриженія въ монашество. Отмѣтимъ эти сходныя черты. Какъ императоръ, такъ и епископъ при хиротоніи сидятъ. Хиротонисуемаго подводятъ къ нему и, пока онъ приблизится, совершаетъ три поклона. Въ хиротесіяхъ и хиротоніяхъ мы находимъ знаменованіе главы хиротонисуемаго крестомъ; въ первыхъ, кромѣ того, какъ и въ чинѣ монашескаго постриженія, есть возгласъ „во имя Отца“ и т. д. при стриженіи волосъ. При обведеніи вокругъ престола хиротонисуемый цѣлуетъ руку и колѣно епископа.

При облаченіи въ священныя одежды хиротонисуемый, получая ихъ изъ руки епископа, цѣлуетъ ихъ и руку послѣдняго, а потомъ при участіи епископа возлагаетъ на себя. По окончаніи хиротоніи хиротонисанный лобзается со всѣми и становится въ ряды своихъ собратій, а хиротонисавшему епископу возглашается многолѣтіе (εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα). Развѣшиваніе одежды на святыхъ вратахъ и увѣщаніе достойно проходить свое служеніе сильно напоминаютъ обряды изъ монашескихъ постриговъ. Тамъ въ чинѣ великой схимы одежды постригаемаго съ вечера полагаются у подножія престола, и въ чинѣ малой и великой схимы облаченію въ иноческія одежды предшествуетъ увѣщательная рѣчь постригаемому со стороны настоятеля. Наконецъ, за хиротесіями, хиротоніями и постриженіемъ слѣдуетъ причащеніе св. Таинъ.

Несомнѣнно, что между гражданскими ([47]) и церковными хиротоніями происходилъ обмѣнъ обрядовъ, существовало взаимное вліяніе на образованіе ихъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы одна сторона вырабатывала обряды, а другая только усвояла ихъ. Какъ же вліяла византійская обрядность на обрядность церковную въ чинахъ посвященія? Это—вопросъ очень важный для исторіи литургическихъ послѣдованій и можетъ составить предметъ отдѣльнаго сочиненія. Мы дадимъ на него общій отвѣтъ сообразно задачѣ нашей работы. Вглядываясь въ черты сходства гражданской и церковной хиротоній, мы видимъ, что большею частью онѣ заключаются во внѣшней сторонѣ ихъ. А эта послѣдняя образовалась подъ сильнымъ вліяніемъ не церковной практики. Такъ же было и съ чинами посвященія: они многое заимствовали изъ дворцовой практики. Сюда должно

([47]) Возведеніе въ гражданскіе чины носитъ въ „Обрядникѣ“ названіе хиротоніи (см. напр. стр. 225).

отнести все, напоминающее обстановку восточныхъ деспотовъ, начавшее проникать ко двору римскихъ владыкъ со временъ Діоклетіана и особенно сильно послѣ перенесенія столицы въ Византію ([48]). Обряды такого рода, какъ земныя поклоненія и цѣлованіе колѣнъ, неизвѣстны въ хиротоніяхъ древнихъ временъ и появляются довольно поздно. Несомнѣнно поэтому, что въ церковныя хиротоніи они попали изъ гражданскихъ. Но несомнѣнно также и обратное вліяніе. Гражданскія хиротоніи носятъ въ Византіи церковный характеръ, которымъ онѣ обязаны привнесенію въ нихъ многихъ, чисто церковныхъ дѣйствій. Таковы: знаменованіе головы крестомъ, призываніе имени святой Троицы, развѣшиваніе одеждъ на святыхъ вратахъ, увѣщаніе свято проходить свое служеніе, братское лобзаніе и проч. Эти обряды заимствованы изъ церковныхъ чиновъ посвященія въ іерархическія степени и постриженія въ монашество, изъ которыхъ послѣдній въ приписываемомъ св. Діонисію ареопагиту сочиненіи „О церковной іерархіи“, слѣдовательно въ періодъ IV—VI вв., является уже со всѣми существенными чертами нашего чина малаго ангельскаго образа ([49]).

Церковный строй придворныхъ обрядовъ можетъ служить матеріаломъ для характеристики византійскихъ взглядовъ на императора ([50]) и для изученія взаимоотношенія церкви и государства въ Византіи.

і) Обрядъ омовенія во влахернской агіазмѣ.

Въ Византіи были въ нѣкоторыхъ церквахъ священные источники. Таковы источники, напримѣръ, въ загородномъ

([48]) Вейсъ. Внѣшній бытъ народ. Т. II, Ч. I. Стрр. 3 и 37.

([49]) Писанія оо. и уу. Церк., относ. къ истолк. правосл. богосл. Ч. I. Стрр. 194—199.

([50]) Каневскій „Выходы визант. импер.“ и проч. Труд. К. дух. Ак. 1872. Томъ II, стрр. 845—848.

храмѣ Богоматери τῆς πηγῆς ([51]), въ церкви Спаса милостиваго, въ которую собиралось столько болящихъ, что она, по словамъ Стефана Новгородца, подобилась Соломоновой купели, „ижь въ Іерусалимѣ ([52])". Но болѣе всѣхъ столичныхъ источниковъ славилась агіазма влахернской церкви Богоматери. Для омовенія въ ней являлся сюда въ пятницу утромъ императоръ. Обрядъ омовенія былъ довольно сложнымъ и не лишенъ интереса для литургиста. Во внѣшнемъ притворѣ императора встрѣчали сосудохранитель съ кадильницею въ рукахъ и клиръ влахернской церкви. Послѣ молитвы съ свѣчами въ царскихъ вратахъ, императоръ вступалъ въ храмъ и проходилъ къ святымъ дверямъ. Послѣ обычной молитвы предъ ними онъ входилъ въ алтарь и цѣловалъ индитію на св. трапезѣ. Изъ главнаго храма царь удалялся въ придѣлъ св. Раки, гдѣ по исполненіи всѣхъ описанныхъ дѣйствій кадилъ вокругъ престола и вѣялъ около него рипидою. Поклонившись затѣмъ главной святынѣ храма—ризамъ Богоматери и помолившись предъ иконою Богоматери и крестомъ, императоръ входилъ въ митаторій. Этимъ кончалась первая половина обряда, состоявшая изъ поклоненія святынямъ церкви. Изъ митаторія императоръ шелъ въ раздѣвальню, гдѣ слагалъ съ себя обычныя одежды и надѣвалъ золототканную рубашку, послѣ чего вступалъ въ священную омывальню. Здѣсь онъ возжигалъ свѣчи предъ серебряными иконами на правой сторонѣ омывальни, предъ иконою Богоматери въ восточной конхѣ ея и предъ изображеніемъ руки Богородицы на лѣвой сторонѣ. Переходя отъ одной иконы къ другой, императоръ бросалъ въ стоявшія на полу омывальни курильницы благовонія. Вступивъ въ часовню, гдѣ была купель, царь прежде всего возжигалъ

([51]) Du Cange. Constant. christ. l. IV, p. 183—184.
([52]) Сахаровъ. Сказ. русс. народа. Томъ II, кн. 8, стр. 52.

свѣчи предъ мраморною иконою Богоматери, изъ рукъ которой струилась агіазма. Затѣмъ взявъ изъ рукъ препозита священный щелокъ (ἡ σταχτή), крестообразно мазался имъ. Первый изъ завѣдующихъ омывальней ([53]) читалъ молитву надъ купелью и, освятивъ воды ея погруженіемъ креста, зачерпывалъ послѣднимъ воды и подавалъ царю, который послѣ этого входилъ въ купель и при чтеніи упомянутымъ завѣдующимъ ектеніи трижды погружался въ водѣ. При выходѣ изъ воды онъ удалялся въ раздѣвальню (551—556).

Обычай погружаться въ священные источники перешелъ и къ намъ въ Россію. Такъ, напримѣръ, въ Крыму богомольцы купаются въ источникѣ свв. Космы и Даміана, который по преданію изведенъ изъ земли ихъ молитвами ([54]).

([53]) Завѣдывали омывальней, вѣроятно, лица, избранныя изъ клириковъ влахернской церкви. Это видно изъ описанныхъ дѣйствій старшаго завѣдывающаго.

([54]) Сочиненія Иннокен., архіеп. Херсонск. и Таврич. Общедост. изд. Вольфа. 1872. Т. II. Стрр. 304—305.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Отъ автора		I—II
Введеніе		III—XIV
Глава I.	**Храмы и монастыри Византіи.**—a) Топографія церквей и монастырей Византіи. —b) Церковная архитектура.—c) Богослужебныя принадлежности	1—87
Глава II.	**Общій очеркъ богослуженія Великой церкви**	88—127
Глава III.	**Описаніе праздничнаго богослуженія Византіи.**—a) Календарь Великой церкви. — b) Богослуженіе синаксарнаго круга. —c) Богослуженіе тріоднаго круга	128—172
Глава IV.	**Богослуженіе требничнаго круга.**—a) Чинопослѣдованіе крещенія. — b) Чинъ браковѣнчанія. — c) Послѣдованіе погребенія.—d) Молитва надъ виноградомъ. — e) Поставленіе патріарха. — f) Благодарственное молебствіе за побѣду надъ врагами.—g) Вѣнчаніе на царство.—h) Чины возведенія въ гражданскія должности.—i) Обрядъ омовенія во влахернской агіазмѣ	173—198

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
X	6 снизу	оно	онѣ
4	7 „	пѣпочекъ	цѣпочекъ
21	9 сверху	влахернскадо	влахернскаго
23	3 „	Ἀβραμιτιῶν	Ἀβραμιτῶν
29	13 и 12 снизу	Εοφίας	Ξοφίας
30	15 „	στήδεια	στήθεα
„	7 „	δύραι	θύραι
„	6 „	δύρα	θύρα
31	10 сверху	δύρια	θύρια
„	18 „	τράπεφα	τράπεζα
32	5 „	τραπέξης	τραπέζης
„	6 „	πεξούλιον	πεζούλιον
„	10 снизу	δεζιόν	δεξιόν
„	примѣч. 131-е	39	III
33	12 сверху	εἰςέρχοντα	εἰςέρχονται
„	13 „	ἐξερχέσυαι	ἐξέρχεσθαι
34	13 „	стороной	сторонъ
50	4 „	тамъ	такъ
52	12 снизу	ἀναδενσράδιον	ἀναδενδράδιον
„	примѣч. 164-е	lamin.	latin.
53	8 сверху	πηλῆς	πηγῆς
60	14 снизу	называется	называемыхъ
62	1 сверху	μεγάλευ	μεγάλου
63	10 „	350	950
67	3 „	ψωτεινός	Φωτεινός
79	6 „	раздавили	раздавали
80	14 „	πολυλυέλεο	πολυέλεος
101	12 снизу	обычай	обычая
„	8 „	вечернія	вечерня
102	14 „	обрядцами	обрядами
114	1 „	εἰδόςου	εἰςόδου
135	15 сверху	παμαμονὶ	παραμονὶ
172	4 „	на	въ
175	10 „	λοχόφεμα	λοχόζεμα
185	10 снизу	совершалось	совершалась